

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2018

ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛА

Балакай А.Г.

О лингвистических воззрениях И.С. Тургенева

...Верный ученик Пушкина, И.С. Тургенев, по словам Ф.И. Буслаева, «наследовал от него ту же чуткость, ту же пламенную любовь к родному слову. Язык его поистине был ему родной; в нем одном видел он залог примирения со всем, что ни совершалось дурного на родине»¹.

Глубокое уважение и любовь к родному языку были привиты И.С. Тургеневу с детства. Отец писателя, С.Н. Тургенев 25 августа 1830 г. писал сыновьям: «Вы мне пишете по-французски или по-немецки, – а за что пренебрегаете наш природный? Если вы в оном очень слабы, это меня очень удивляет. Пора! Пора! Уметь хорошо не только на словах, но и на письме объясняться по-русски. Это необходимо»².

Эту любовь к «великому, могучему, правдивому и свободному» русскому языку И.С. Тургенев нес в своем сердце всю жизнь. <...>

В эпоху широкого увлечения французским языком, заполнившим «дворянские гнезда» и «дворянскую» литературу, И.С. Тургенев выступает ревностным защитником чистоты русской речи. «Берегите чистоту языка, как святыню, – писал он княжне Е.В. Львовой. – Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас» (т. XII, № 4171).

Эту мысль И.С. Тургенев развивает и в письме к графине Е.Е. Ламберт: «Вы увидите, что хотя он (русский язык. – А.Б.) не имеет *бескостной* гибкости французского языка – для выражения многих и лучших мыслей – он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе» (т. III, № 800). В следующем письме он продолжает: «А знаете ли Вы, что Вы очень хорошо пишете по-русски? Не робейте только и решайтесь бить грамматику и синтаксис по носу – выйдет очень хорошо. То ли дело – возиться с этим молодым, свежим, неуклюжим, но здоровым языком. А французский язык, как неприятно-предупредительный лакей, забегает Вам навстречу и иногда заставляет Вас говорить *не совсем* то, что Вы думаете, что гораздо хуже, чем если б он заставлял Вас говорить совсем не то, что Вы думаете» (т. IV, № 862).

(Окончание см. на обложке, с. 3).

¹ «Вестник Европы», 1899, т. IV, с. 730.

² «Литературная мысль», Пг. – Л., 1922–1925, т. II, с. 224.

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 9 раз в год

Москва

Издатель – ООО «Наш язык»

9

ноябрь
декабрь

2018

16 +

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

- Мерзликина И.В.* Использование информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе: достижения, проблемы, перспективы 3
- Гац И.Ю.* Технологический аспект лабораторного практикума по русскому языку (Контент и организация урока с веб-поддержкой) 7

В полиэтническом классе

- Аристова М.А., Критарова Ж.Н.* Лексическая работа в процессе анализа художественных текстов (На материале современного учебника для полиэтнической школы) 16

Совершенствуем профессиональную подготовку

- Полковникова С.А.* Об обобщенном понимании термина *норма* 22

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

- Демидова Е.Б., Шарликова Л.Г.* Изучение стилистических возможностей местоимений в школе (На материале «Солнца мертвых» И.С. Шмелева) 25

ВНЕКЛАСНАЯ РАБОТА

- Викторина, посвященная 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева 31

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

- Николина Н.А.* Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И.С. Тургенева 32
- Геймбух Е.Ю.* «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева: «внутренний» хронотоп как циклообразующий признак 37
- Фролова Е.А.* Крах человеческого в человеке (Лингвостилистический анализ рассказа А.И. Солженицына «Случай на станции Кочетовка») 42

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Волошина О.А.* Диалектика языка в лингвистических работах А.Ф. Лосева 48

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

- Шмелев А.Д.* Александр Солженицын и кодификация русской пунктуации 55

<i>Халикова Н.В.</i> Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов <i>В.В. Виноградова</i>	61
--	-----------

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Науменко С.В.</i> Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. <i>Д.Н. Ушакова</i>	67
<i>Никитин О.В.</i> «Благогласие слова» (О лексикографическом опыте <i>А.И. Солженицына</i>)	75

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Петрова З.Ю.</i> — <i>Н.А. Фатеева.</i> Поэзия как филологический дискурс	80
<i>Соколов А.Н.</i> — <i>В.Н. Шапошников.</i> Частицы в современном русском языке. Развитие грамматического класса	83

ХРОНИКА

<i>Никитин О.В.</i> Международная научная конференция «Фортунаговские чтения в Карелии»	15
<i>Куманьева А.Е.</i> Об изучении мнения родительского и профессионального сообщества в подходах к системе оценок в начальной школе	21
<i>Генриетта Григорьевна Граник</i> (К 90-летию со дня рождения)	87

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русский язык в школе» в 2018 году	88
--	-----------

Редакционная коллегия:

Главный редактор **Н.А. Николина**

Л.Г. Антонова, Б.Г. Бобылев, Н.С. Болотнова, Г.Н. Владимирская, Ю.Н. Гостева, А.Д. Дейкина, О.Е. Дроздова, Е.Л. Ерохина, А.В. Зеленин (Финляндская Республика), **Л.П. Крысин, В.В. Лопатин, О.В. Никитин, Б.Ю. Норман** (Республика Беларусь), **С.С. Оганесян, И. Палоши** (Венгерская Республика), **Т.М. Пахнова, В.М. Пахомов, М.Н. Приемышева, Б. Тошович** (Австрийская Республика), **С.Н. Цейтлин, М.Р. Шумарина**

Зам. главного редактора **А.Е. Куманьева.** Редактор **Е.А. Фролова**

Компьютерная верстка — **К.В. Морозов**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77–22548 от 30 ноября 2005 г.

Подписано в печать 29.10.2018. Формат 70x100¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печ. л. 7. Тираж 650 экз.

Редакция журнала «Русский язык в школе». Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17. Телефон/факс 8(495)671–09–85

E-mail: admin@riash.ru <http://www.riash.ru/>

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография», филиале «Чеховский Печатный Двор»

Сайт: www.chpd.ru E-mail: sales@chpd.ru Тел. 8(499)270–73–59

© «Русский язык в школе». 2018

МЕТОДИКА И ОПЫТ

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-3-6

И.В. МЕРЗЛИКИНА

Использование информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе: достижения, проблемы, перспективы

В статье рассматриваются проблемы информатизации образования, предложены пути их решения, уточнены функции электронного учебника и электронных приложений к нему.

Ключевые слова: *информатизация образования; средства обучения; электронный учебник; электронные приложения к учебнику; коммуникация.*

Irina V. Merzlikina

The Use of Information and Communication Technologies in the Educational Process: Achievements, Problems, Prospects.

The article deals with the problems of informatization of education, proposes ways to solve these problems, clarifies the functions of electronic textbook and electronic applications to the textbook.

Key words: *informatization of education; means of education; electronic textbook; electronic applications to the textbook; communication.*

Стратегическая цель государственной политики в области образования – повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества

Ирина Валерьевна Мерзликina, научный сотрудник научно-образовательного центра дополнительного профессионального образования

E-mail: merzirina@gmail.com

ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО»

*ул. Макаренко, д. 5/16, Москва, 105062, Россия
Institute for Strategy of Education Development,
Russian Academy of Education*

5/16 Makarenko str., Moscow, 105062, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Мерзликina И.В. Использование информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе: достижения, проблемы, перспективы // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 3–6. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-3-6.

Данная работа выполнена в рамках реализации государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО» по проекту «Формирование системы оценки образовательных достижений школьников как механизма повышения качества общего образования» (проект 27.9204.2017/БЧ).

и каждого гражданина. Необходимое условие для формирования инновационной экономики – модернизация системы образования, являющейся основой динамичного экономического роста и социального развития общества [Распоряжение Правительства РФ, Электронный ресурс]. В связи с этим одной из приоритетных задач развития образования становится модернизация системы образования. Важное условие для решения этой задачи – обновление образовательной среды, информатизация образования, внедрение современных информационных технологий в учебный процесс.

Проблема использования средств информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) – одна из наиболее актуальных проблем современного образования. В исследованиях методистов обосновано и доказано, что современный урок с применением ИКТ становится частью образовательного процесса. Так, проблемой информатизации образования занимались С.Г. Григорьев, В.В. Гришкун, вопросами методологии развития отечественной системы информатизации образования в здоровьесберегающих условиях – И.В. Роберт,

вопросами медиаобразования и информационной культуры – Е.А. Бондаренко, А.А. Журиной, О.Ю. Заславская, Е.С. Полат, Е.Н. Ястребцева, вопросами проектирования и разработки электронных образовательных ресурсов – А.С. Косичкин, вопросами дистанционного обучения – М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, М.И. Нежурина, Е.С. Полат. Учеными выявлена роль ИКТ в системе обучения (О.Ю. Заславская, С.Г. Григорьев), определены методические подходы к созданию электронных средств по отдельным предметам (С.И. Гудилина, М.Л. Емельянова, С.А. Жукова, Д.В. Зарецкий, И.Ю. Кудина, Н.В. Ладыженская, И.В. Мерзликина, В.Н. Пименова, О.П. Штыркина, С.Н. Черниченко).

В результате психолого-педагогических исследований выявлено и обосновано, что средства ИКТ могут решить многие педагогические задачи (О.А. Мудракова, О.Г. Дубинина и др.):

- совершенствование организации преподавания, повышение индивидуализации обучения;
- повышение продуктивности самоподготовки учащихся;
- индивидуализация работы самого учителя;
- усиление мотивации к обучению;
- активизация процесса обучения, возможность привлечения обучающихся к исследовательской деятельности;
- обеспечение гибкости процесса обучения.

Итак, что же есть информационно-коммуникационные технологии?

Технология (от др.-греч. Τέχνη – искусство, мастерство, умение; λόγος – мысль, причина; методика, способ производства) – в широком смысле – совокупность методов, процессов и материалов, используемых в какой-либо отрасли деятельности. Педагогические технологии – это научно обоснованная совокупность форм, методов, способов, приемов обучения и воспитательных средств, системно используемых в образовательном процессе. Информационно-коммуникационные технологии – совокупность методов, производственных процессов и программно-технических средств, интегрированных с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и использования информации в интересах ее пользователей. Одним из приоритетных направлений

в системе современного образования является внедрение информационно-коммуникационных технологий.

В практике информационными технологиями обучения называют все технологии, использующие специальные технические информационные средства (цифровые образовательные ресурсы, аудио- и видео-файлы, фрагменты кинофильмов). Вообще говоря, любая педагогическая технология – это информационная технология, так как основу технологического процесса обучения составляет информация и ее движение (преобразование) [Азизова, Электронный ресурс].

В настоящее время имеется значительный фонд электронных средств обучения для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Разработан аннотированный перечень средств информационно-коммуникационных технологий, рекомендованных к использованию в образовательной деятельности (авт. И.В. Мерзликина).

Вместе с тем в области создания и использования ИКТ остается целый ряд проблем, требующих разрешения:

- 1) несоответствие стремительного развития ИКТ и их педагогико-методического осмысления;
- 2) отсутствие общего фонда средств ИКТ, ориентированного на решение задач и достижение целей образования на современном этапе;
- 3) неразработанность методики применения ИКТ для достижения личностных, предметных и метапредметных результатов обучения;
- 4) неподготовленность учителя к работе со средствами ИКТ [Мерзликина 2018].

В 2002 г. перед методистами, учителями поставлена задача разработки электронного учебника. Сегодня в рамках учебно-методического комплекта (УМК) предусматривается обязательное наличие как учебника на печатной основе, так и его электронной версии и электронного приложения к нему.

Предполагается, что электронное приложение (ЭП) должно содержать дополнительный информационный материал, который не может быть представлен в рамках самого учебника, но является необходимым для достижения поставленных автором результатов.

Так, например, в школьный учебник по окружающему миру не может войти весь

наглядный материал, необходимый для представления мира природы, динамики процессов, которые в ней происходят (например, процесс расцвета бутона цветка).

Такого рода приложения уже созданы и широко используются в учебном процессе. Выделим основные принципы создания подобных приложений:

- принцип приоритета целостного знания;
- структурно-компонентный принцип (предусматривает взаимосвязь компонентов, обеспечение правила необходимости и функциональной достаточности в «минимуме» вводимых в состав УМК учебных средств);
- принцип функциональной дифференциации;
- принцип уровневой дифференциации (предполагает соответствие уровням обучения: базовому, углубленному, профильному);
- принцип комплементарности (дополнительности) (означает подбор компонентов в УМК, обеспечивающих связь учебника с иными источниками информации, которая может быть представлена двумя видами «поддержки»: внутренней и внешней);
- принцип стабильности (предусматривает определенную устойчивость инвариантного ядра УМК – учебника, основанную на сохранении и развитии лучших традиций отечественной методической школы);
- принцип интеграции знаний (является основой межпредметной и междисциплинарной связи и формирования миропонимания);
- принцип избыточности информации (предполагает, что включенные в УМК пособия создают динамичную и гибкую среду, которая содержит большое количество конкретных сведений, необходимых для обнаружения новых аспектов, фактов и свойств изучаемого объекта или явления);
- принцип координации (предполагает, что в УМК учебник остается ядром системы, медиатехнологии выполняют в этой связи функцию поддержки учебника вне

зависимости от того, в каком виде (печатном, электронном, целостном или модульном) он представлен);

- принцип преемственности информации (предусматривает плавный переход от простого к сложному, от обобщений к конкретике (фактам) внутри учебника и УМК; реализует возможность использования средств внешней поддержки: связь с таблицами, транспарантами и другими средствами, не входящими в состав УМК);
- принцип рационального сочетания (сбалансированности) теоретических и прагматических знаний;
- принцип коммуникативности (предполагает конструирование УМК в ракурсе психологии общения – умение общаться в различных информационных средах и ориентироваться в разнообразных информационных потоках, оперируя возможностями естественных и искусственных языков, владение техническими средствами для извлечения, накопления и усвоения информации);
- принцип интерактивности (предусматривает использование мультимедийной поддержки учебного материала, обеспечивающей оперативную обратную связь, свободное ориентирование (удобную навигацию) в информационной среде, усвоение информации в индивидуальном темпе);
- принцип модульности (предполагает возможность представления учебного материала в виде тематических модулей).

Однако эти принципы не всегда учитываются при создании электронных приложений как части комплекта, поэтому их следует отнести к перспективному аспекту разработки проблемы.

Электронный учебник (ЭУ) принципиально отличается от электронного приложения к учебнику, так как ЭУ – это прежде всего содержательный и навигационный материал, позволяющий организовывать разные виды деятельности обучающихся на основе привлечения дополнительного информационного материала, базирующегося на гипертекстовой основе. Покажем это в следующей таблице.

Таблица

Содержательный компонент электронного учебника и электронного приложения

Содержательный компонент	
Электронный учебник	Электронное приложение
Основной материал, обеспечивающий изложение содержания нового предмета.	Электронные библиотеки наглядных пособий.

<p>Дополнительный материал, связанный с основным материалом четкой системой навигации.</p> <p>Пояснительные тексты, сопровождающие ключевые термины основного материала, все графические изображения.</p> <p>Аппарат усвоения учебного материала (моделирующий, закрепляющий, контролирующий компоненты)</p>	<p>Электронные хрестоматии. Визуальные экскурсии. Фрагменты видеофильмов, сцен из телеспектаклей. Аудиозаписи (фрагменты произведений в исполнении мастеров художественного слова). 3D-модели. Медиалекции</p>
--	--

Электронный учебник выступает как навигатор, позволяющий ориентироваться в материалах электронного приложения, и обеспечивает различные виды деятельности обучающихся (от репродуктивной до творческой), предполагает разнообразные формы работы как на уроке, так и во внеурочное время.

Вопрос об ЭП и ЭУ в настоящее время находится в стадии разработки, требующей совместных усилий дидактов, психологов и методистов.

ЛИТЕРАТУРА

Азизова Р.Р. Использование информационно-коммуникационных технологий в образовательном процессе. Направления деятельности. Опыт. Перспективы [Электронный ресурс]. — URL: <http://psihdocs.ru/ispolezovanie-informacionno-kommunikacionnih-tehnologij-v-obr.html> (дата обращения 16.07.2018).

Инструментальная дидактика: перспективные средства, среды, технологии обучения / под ред. Т.С. Назаровой. — М.; СПб., 2012.

Мерзликina И.В. Коммуникативное мастерство современного учителя: новые тенденции и новые требования. Сб. к конференции «Язык и актуальные проблемы образования». — М., 2018. — С. 343–346.

Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) «О Концепции

долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата доступа 03.10.2018).

Электронные учебники. Рекомендации по разработке. — М., 2012.

REFERENCES

Azizova R.R. Ispol'zovanie informacionno-kommunikatsionnyh tekhnologii v obrazovatel'nom protsesse. Napravleniya deyatel'nosti. Opyt. Perspektivy, available at: <http://psihdocs.ru/ispolezovanie-informacionno-kommunikacionnih-tehnologij-v-obr.html> (16.07.2018).

Instrumental'naya didaktika: perspektivnye sredstva, sredy, tekhnologii obucheniya, pod red. T.S. Nazarovoi, Moscow; Sankt-Petersburg, 2012.

Merzlikina I.V. Kommunikativnoe masterstvo sovremennogo uchitelya: novye tendentsii i novye trebovaniya, in *Sb. k konferentsii «Yazyk i aktual'nye problemy obrazovaniya»*, Moscow, 2018, pp. 343–346.

Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 10.02.2017) "O Kontseptsii dolgo-rochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda", available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (03.10.2018).

Elektronnye uchebniki. Rekomendatsii po razrabotke, Moscow, 2012.

Технологический аспект лабораторного практикума по русскому языку (Контент и организация урока с веб-поддержкой)

Статья разработана в русле апробированной авторской концепции адаптивной методической системы лингвистической подготовки школьников в современной языковой ситуации. Промежуточная цель исследования (программа-минимум) – механизм формирования информационно-коммуникационных умений школьников. На основе метода моделирования структурирован тип урока русского языка с веб-поддержкой, совмещающий традиционное содержание и цифровой учебный контент. Лабораторный практикум отражает четыре уровня взаимодействия школьного курса русского языка с ИКТ. В качестве результата деятельности исследователя предъявляются системные элементы, а именно: структура урока; лингвометодические правила координации традиционного дидактического материала и цифрового контента; методический кейс организации урока. Увеличение удельного веса лабораторно-практических занятий в лингвистической подготовке школьников приводит к качественному преобразованию уроков деятельности типа.

Ключевые слова: *лингвометодика; урок деятельности типа; веб-поддержка лингвистического образования школьников; лабораторный практикум; цифровой учебный контент.*

Iren Yu. Gats

Technological Aspect of Laboratory Practicum on Russian Language (Content and Organization of Lesson with Web-support).

The article is written in line with the tested authorial conception of adaptive methodological system of linguistic preparation of schoolchildren for the modern language situation. The intermediate purpose of research is the mechanism of formation of informative and communicative skills of pupils. The type of Russian language lesson with the web-support including the traditional and digital educational content is built on the basis of modeling methodology. The laboratory practicum has 4 levels of cooperation of school course and ICT. The researchers presented the system elements as the result of their activity for example lesson structure; linguomethodological rules of coordination of traditional didactic material and digital content, methodological case of lesson organization. The increase of amount of laboratory and practical lessons in linguistic preparation of pupils causes the qualitative changing of lessons of activity type.

Key words: *linguomethodics; lesson of activity type; web-support of linguistic education of schoolchildren; laboratory practicum; digital educational content.*

Потребность в разработке технологии урока по формуле: «лингводидактический материал + цифровой контент = урок русского языка с веб-поддержкой» – возникла не сегодня. В 1995 г. журнал «Русский язык в школе» разместил материалы и результаты обучающего эксперимента, проведенного автором статьи [Гаци

1995]. Методика обучения синтаксическим нормам и формирования пунктуационной грамотности опиралась на теорию деятельности П.Я. Гальперина и идею поддержки ЭВМ школьного курса русского языка Н.Н. Алгазиной. Обучающий эксперимент проходил с восьмиклассниками Лицея № 15 г. Химки Московской области в течение третьей четверти в условиях чередующейся деятельности школьников – традиционное изучение пунктуационного правила на уроке сменялось решением задач и выполнением пунктуационных упражнений в компьютерной программе операционной системы MS-DOS. Уже не существует этой системы, в методике обучения давно не используется аббревиатура «ЭВМ», учебник русского языка соперничает с цифровым аналогом, а во взаимобмен методической информацией по рациональному использованию ИКТ-средств включены все словесники. Временем подтверждена перспективность кооперации

Ирэн Юрьевна Гаци, доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: tetatet808@yandex.ru

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

ул. Веры Волошиной, д. 24, Мытищи, Московская область, 141014, Россия

Moscow Region State University

24 str. Very Voloshinoy, Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Гаци И.Ю. Технологический аспект лабораторного практикума по русскому языку (Контент и организация урока с веб-поддержкой) //Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 7–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-7-15.

традиционного и технологически инновационного на уроке русского языка, как и доказана жизнеспособность научной школы профессора Н.Н. Алгазиной.

За прошедшие годы в лингвометодике сформировалось устойчивое представление о приоритетах в развитии метапредметных умений школьников, о характере изменений лингвистической подготовки школьников в современной языковой ситуации и шире — о принципиально ином подходе к организации лингвистической деятельности обучающихся. Настоящее исследование разрабатывается автором в контексте адаптивной системы лингвистической подготовки школьников. Методологическим основанием стали ключевые положения лингвометодики, выдвинутые в работах О.М. Александровой, Ю.Н. Гостевой, И.Г. Добротиной, С.И. Львовой [Александрова 2014, 2016; Добротина 2013, 2014; Львова 2013]. Актуальными для выбранной темы являются дидактические постулаты о полноценной типологии уроков деятельностной направленности Л.Г. Петерсон [Петерсон, Посполита 2016: 117; Петерсон и др. 2016: 139], О.Б. Даутовой и Т.Н. Трунцевой [Метапредметные... 2015; Трунцева 2016].

Назначение настоящей статьи заключается в представлении для обсуждения организационной формы лингвистической подготовки школьников — лабораторного практикума и компонентов методического кейса для дальнейшей работы учителя. Форма организации учебной деятельности, активно используемая в предметах естественно-научного цикла, не заменяет ни одного из типов уроков деятельностной направленности и не претендует на преобразование самой типологии: урок открытия нового знания, урок рефлексии, урок развивающего контроля, урок построения системы знаний [Петерсон и др. 2016: 141]. На основе метода декомпозиции обоснуем выбор наименования *лабораторный практикум* для лингвистической подготовки школьников. В традиционном представлении лаборатория связывается с техническими средствами и приборами, которые помогают исследователю проникнуть в устройство чего-либо, установить научную закономерность, опытным путем доказать или опровергнуть предположение; практикум — это тренировка в условиях активной самостоятельной деятельности, приобретение каких-либо практических навыков. Сочетание форм «лаборатории»

и «практикума-тренинга» в обновленных условиях обучения означает получение сверх заданного содержания новых общеучебных умений, опыта, приобретение нового способа действия. Это словно «оспосабливание» обучающегося для переноса освоенного способа действия в новые учебные ситуации. Наименование подобной формы конкретизирует модель, основанную на разумном сочетании и последовательном чередовании фаз традиционного освоения содержания обучения русскому языку и способов учебной деятельности и веб-поддержки. Целевое назначение формы лабораторного практикума по русскому языку — поддержание организационно-педагогических условий для получения деятельностного опыта.

Метод педагогического моделирования позволяет распределить элементы внутри дидактической системы. Конструирование модели урока русского языка с веб-поддержкой предполагает описание деятельности обучающихся и способов управления ею. Поскольку модель представляет единовременный срез, то модель урока статична; основу ее составляет дидактическая информация, значит, модель практикума абстрактна, выражена и зафиксирована словесно. Эти параметры помогают определить инструменты построения урока с веб-поддержкой.

Конкретизировав методологический подход, уточним понятие «контент». Лексема, образованная от английского *content* («содержание»), в русском языке имеет значение «цифровая информация», «информационный массив», «информационный объект». В отличие от понятия «содержание», которое в сознании русскоязычного носителя всегда связано с понятием «форма», цифровой контент можно расширять, сжимать, копировать, сканировать, рассылать, транслировать неограниченному количеству пользователей с изменениями и без, преобразовывать по своему усмотрению в иные формы. Именно поэтому понятие контента уместно, когда характеризуем урок с веб-поддержкой. Для разграничения традиционного учебно-языкового материала и электронного целесообразнее использовать понятие «учебный контент» — подготовленная, структурированная особым образом информация. Электронный (нехудожественный) текст — объект для проведения учебного исследования вслед за традиционным дидактическим

материалом. Специально подобранный для школьного лабораторного практикума контент подвергается языковому разбору. Фонетический анализ, грамматический анализ (словообразовательный, морфологический, синтаксический), орфографический и пунктуационный анализ, стилистический анализ проводятся в зависимости от формируемых лингвистических и информационно-коммуникативных умений на этом уроке. Задача урока русского языка с веб-поддержкой – сформировать умение интерпретировать содержание лингвистической и филологической информации, умение пользоваться компьютерными лингвистическими источниками (словарями, справочниками, энциклопедиями). В сжатой форме представим дидактические единицы, осваиваемые школьниками на протяжении всего школьного курса русского языка:

1. Раздел «Общие сведения о языке» (V–IX классы).

Культура мышления, культура речи и культура эмоций – основа социализации личности в обществе. Роль русского родного языка в информационно-коммуникативной культуре образованного человека. Мультимедиа в рамках культурно-просветительских проектов по русскому языку. Веб-ресурсы для углубленного изучения родного языка. Общедоступные справочно-информационные филологические ресурсы.

2. Раздел «Фонетика и графика. Культура речи» (V класс).

Алгоритмы использования орфоэпического словаря и справочников по культуре речи для решения лингвистических задач. Информационная переработка текстов электронных словарей и интернет-ресурсов.

3. Раздел «Фонетические нормы русского языка. Культура речи и стилистика» (VIII–IX классы).

Использование объектов информационных технологий для решения лингвистических задач. Способы переработки текстов учебного назначения (на основе справочно-информационных порталов).

4. Раздел «Лексика и фразеология» (V–VI классы).

Алгоритмы использования толкового словаря, словаря синонимов, иностранных слов, фразеологизмов, терминологического словаря.

5. Культура речи «Лексические нормы русского языка. Культура речи и стилистика» (VIII–IX классы).

Русский кинемалогос – крылатые слова и выражения (киноречения) из отечественного кинематографа и мультипликации. Уместность их цитации в устной и письменной речи.

6. Раздел «Грамматические нормы русского языка. Культура речи и стилистика (словообразование, морфология, синтаксис)» (VII–IX классы).

Типы библиографического поиска для решения проектно-исследовательских задач. Информационная переработка текстов электронных словарей и интернет-ресурсов. Трансляция лингвистической информации, ее видоизменение и преобразование.

7. Раздел «Текст как речевое произведение» (V–VII классы).

Текст как законченное информационное целое. Информационная насыщенность текста. Информативность текста. Информационно-структурные качества текста (логичность, связность, цельность, точность, ясность, понятность, доступность). Пути повышения информационных качеств текста. Виды информации и функционально-смысловые типы речи.

8. Раздел «Речевая деятельность. Речевое общение» (VIII–IX классы).

Выбор языковых средств в соответствии с целью и ситуацией общения. Инструктирование как тип речи; тексты инструктивного типа. Осмысленный выбор вида чтения для трансформации информации, приемы технологической переработки текстов энциклопедий и справочников. Интерпретация нехудожественных текстов. Пути компрессии текста (сжатие, свертывание информации нехудожественного текста). Лексическая и синтаксическая компрессия текста.

Коммуникативное свертывание информации. Трансформация лингвистической информации (пересказ текста на лингвистическую тему; пересказ пересказа; пересказ с обобщением (выражение какого-либо свойства); лингвистический комментарий (выражение эмоциональной оценки)).

Рис. 1. Виды лабораторных практикумов

После определения содержательного наполнения перейдем к возможным видам лабораторных практикумов (рис. 1). Практикумы по русскому языку делим:

1) по цели проведения – с целью иллюстрации, демонстрации функционирования языкового явления или с целью организации учебно-исследовательской деятельности;

2) по привлечению компьютерных средств обучения (КСО) (компьютерная обучающая программа, мультимедиа-приложение к учебнику, интерактивная доска, планшет, интернет-ресурсы свободно доступа);

3) по характеру деятельности обучающихся – аналитическая (анализ языкового материала с привлечением электронных словарей); аналитико-синтетическая (преобразование исходного материала, проведение мини-эксперимента, установление

зависимостей между лингвистическими фактами; обучения способам применения методов лингвистического исследования); синтетическая (редактирование и совершенствование текстов).

Опишем уровни взаимодействия школьного курса с информационно-коммуникационными технологиями и укажем точки пересечения содержания традиционного урока русского языка и цифровых ресурсов. Четыре уровня помогают детализировать действия учителя и способы учебной деятельности.

В основе всего – владение школьником умением пользоваться компьютером как техническим средством. Это уровень технического взаимодействия. Навыки, спонтанно сформированные в бытовых ситуациях и впоследствии – на уроках информатики, будут востребованы в лингвистической подготовке на лабораторном практикуме.

Поиск, сбор, хранение лингвистической информации – пассивный уровень, который связан с ориентировкой обучающегося в пространстве цифрового контента и актуализацией лексико-грамматических, речеведческих и текстоведческих знаний. На этом уровне организуется работа с разного рода лексикографическими ресурсами, а именно с толковыми, синонимическими, этимологическими, фразеологическими словарями, с лингвистическими энциклопедиями и справочниками, с ресурсами по культуре речи.

На уровне дидактического синтеза формируется умение применять электронный текст для интерпретации, трансформации, трансляции лингвистической информации, самостоятельно выполнять задания, упражнения, решать лингвистические задачи. На этом уровне обучающиеся осваивают навыки преобразования текста из одной формы в другую (визуальной в вербальную, вербальной – в знаковую, графическую). К лингвистическим задачам относим овладение умениями:

- проводить композиционно-содержательный анализ учебного контента (электронного/нехудожественного текста учебного назначения);
- определять функции языковой игры;
- редактировать текст.

Наивысший уровень – самопостановка лингвистической задачи и осуществление самостоятельного поиска лингвистической информации, включение приобретенного способа деятельности в общую систему лингвистических и филологических знаний (составление аннотации, анонса, рецензии на информационные сообщения).

В ходе лабораторного практикума обучающиеся самостоятельно решают познавательные задачи на основе информационного и языкового анализа компьютерного текста. Организация лабораторного практикума по русскому языку следует методическим правилам:

- лингвистические темы, вызывающие затруднения, требующие подробного рассмотрения (интересные лингвистические факты, активные языковые процессы, признаки современной языковой ситуации), обоснованно выбираются и заранее планируются учителем. С тематикой лабораторных практикумов школьники знакомятся заблаговременно;

- памятки-инструкции, карточки контроля знаний, алгоритмы учебно-языковых действий, предписания, ориентировочная

основа действий являются общедоступными. Их использование становится обязательным. Инструктаж по применению проводится в традиционной форме;

- индивидуальная, парная и коллективная деятельность оптимально сочетаются, например: *индивидуально* определяется лингвистическое затруднение (на уровне знания или сформированного умения), происходит самооценивание; *в паре* осуществляется взаимопроверка; *коллективно* соотносятся достижение задуманного на уроке и конечный результат;

- лингвистическое задание на основе электронного текста выполняется максимально индивидуализированно. При этом цель-задание одина для всех: найти, обосновать, доказать, определить частотность употребления и пр. Фактический лингвистический материал – индивидуальный, привлекаются разные электронные тексты из разных ресурсов;

- лингвистические задачи решаются в рамках поисковой деятельности. Приобретаемый новый опыт ситуационного языкового анализа расширяет учебно-исследовательскую лингвистическую деятельность обучающихся.

Лабораторный практикум включает те же этапы и компоненты, которые обеспечивают урок без веб-поддержки [Добротина 2014: 10; Петерсон и др. 2016: 143–151; Трунцева 2016: 68–78]. Однако следует уточнить вертикальную структуру в связи с включением блока учебного контента. Для детализации дидактических частей лабораторного практикума понадобится специальный текст: общедидактическая часть; этапы деятельности школьников; компоненты лабораторного практикума; способы деятельности школьников. Представим общую структуру урока русского языка с веб-поддержкой (табл. на с. 12).

Интеллектуально-преобразовательная деятельность как основной этап урока с веб-поддержкой оформляется в виде самостоятельной работы школьников. Учебный контент представлен нехудожественными текстами, взятыми из ресурсов, безупречных с точки зрения содержания, обладающих информационной значимостью и актуальных возрасту школьников. Выделим конкретные результаты лабораторного практикума:

- найдена лингвистическая информация по теме в источниках разного типа;
- лингвистическая информация извлечена из источников, созданных в разных

Таблица

Тема урока			
Тип урока – лабораторный практикум. Класс			
Оборудование – планшет, интерактивная доска, учебный контент			
Деятельностная цель лингвистической подготовки		Содержательная цель лингвистической подготовки	
Метапредметные результаты		Предметные результаты	
Ход урока			
	1. Организация деятельности		
Самоопределение в деятельности (7–10 минут)	2. Целеполагание		Постановка лингвистической задачи. Что надо знать и уметь? Чего хочу добиться? Что могу сделать?
	3. Мотивация к учебной лингвистической деятельности в условиях предстоящей лабораторной работы с веб-поддержкой		
Учебно-познавательная деятельность (10–20 минут)	4. Актуализация имеющихся лингвистических знаний. Воспроизведение известного, хорошо освоенного лингвистического факта или явления для выполнения задания		Понимание лингвистического задания. Что предполагаю получить в результате известных действий?
	5. Выявление места лингвистического затруднения. В каких текстах информационного пространства понадобятся лингвистические умения?		Анализ условий ее выполнения. Обоснование применения цифрового контента
	6. Построение предположения/проекта выхода из затруднения. В какой части задания следует обратиться к электронному контенту?		Переход к решению лингвистической задачи
	7. Установление исследуемой темы с речевой деятельностью, практикой общения (электронный контент)		Коллективное решение лингвистической задачи
8. Реализация выдвинутого предположения			
Интеллектуально-преобразовательная деятельность (20–35 минут)	9. Самостоятельная работа с привлечением учебного контента (планшет, веб-ресурс): а) присвоение общеучебных умений, их коррекция; б) применение лингвистического факта или явления в практической ситуации. Как электронный контент отражает языковое явление? Какой информационно-лингвистический результат достигнут?		Индивидуальная рефлексия способа и средств решения лингвистической задачи. Перенос найденных средств решения задачи на новый лингвистический материал
Рефлексивная деятельность (35–42 минуты)	10. Включение нового лингвистического знания и нового опыта деятельности в систему знаний и практики. Осознание и осмысление лингвистической информации		Диагностика предметных результатов

знаковых системах (текст, таблица, график, аудиовизуальный ряд), и подготовлена для дальнейшего воспроизведения;

– информация визуального ряда переведена в текстовую, а текстовая – в графическую форму;

– основная лингвистическая информация отделена от второстепенной, оценена ее значимость для решения проблемы;

– содержание лингвистической информации

мации передано сжато и/или выборочно;
 – построены развернутые лингвистические суждения, приведены аргументы, языковые факты;

– назначение освоенной лингвистической информации определено для последующей практической деятельности.

В качестве основного метода обучения на лабораторном практикуме избран метод информационного анализа электронного текста.

Методический кейс словесника, го-

товящего урок с веб-поддержкой, – это активная технологическая папка, которая включает материальные и идеальные средства профессиональной деятельности (рис. 2):

- методологическое основание для проведения лабораторного практикума по русскому языку (урок с веб-поддержкой);
- тематический план уроков русского языка с веб-поддержкой;
- вид и структура лабораторного практикума;

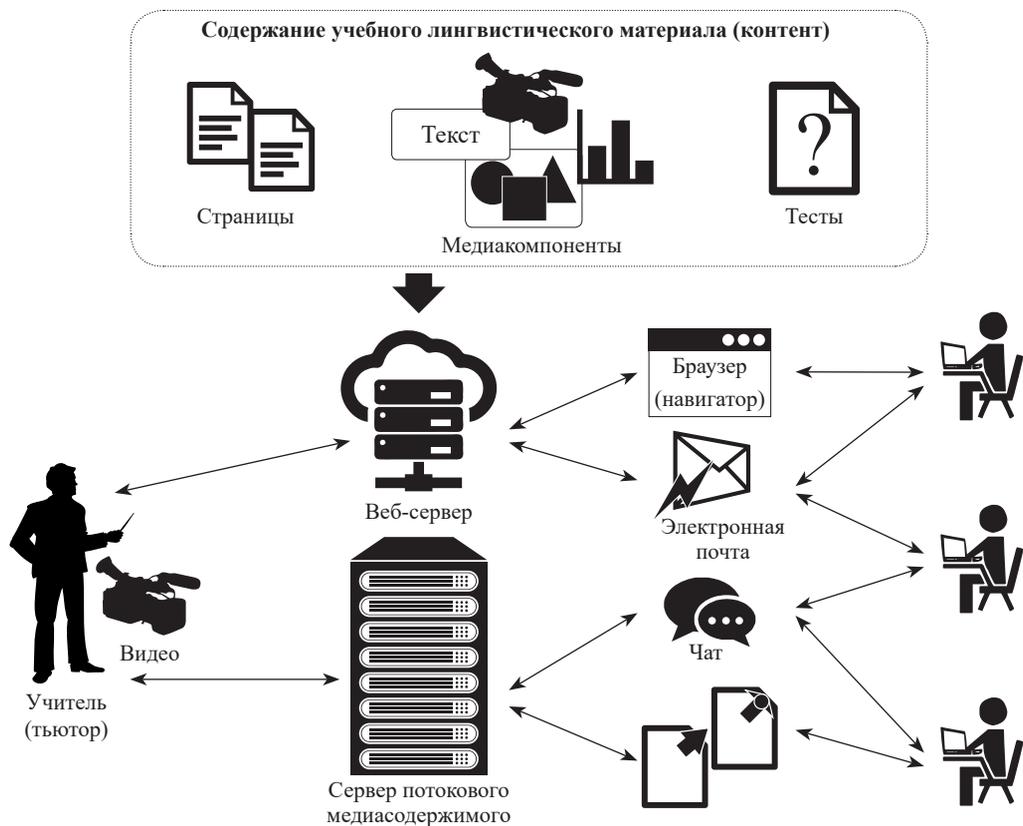

Рис. 2. Компоненты обучения на лабораторном практикуме

– типология задач для лабораторного практикума (задачи традиционного содержания, задачи на основе медиакомпонентов, решение тестов);

– лингвистические и филологические веб-ресурсы, привлекаемые в качестве поддержки аналитико-синтетической деятельности школьников;

– лингвометодические правила координации лингвистического содержания

и контента.

Компоненты методического кейса учитель наполняет в соответствии с конкретными профессиональными потребностями: шаг 1 – устанавливает, с какой целью выбирается подобная организационная форма для освоения лингвистической темы;

шаг 2 – выбирает вид лабораторного практикума и структурирует его;

шаг 3 — определяет характер и содержание лингвистических задач и инструкций для их выполнения;

шаг 4 — отбирает веб-ресурсы для решения лингвистических задач;

шаг 5 — подтверждает принципы и правила координации традиционного содержания и цифрового контента.

В статье предпринята попытка алгоритмизировать разработку урока с веб-поддержкой, структурировать его параметры и компоненты. Полагаем, что конкретизация наименования типа учебного занятия с применением информационно-коммуникационных технологий и обобщение действий учителя и школьников сняли бы неопределенность в использовании слова *смешанный* по отношению к понятию «урок». Смешанное обучение полноценно совмещает в себе традиционные и электронные формы обучения, обращение к открытым массовым онлайн-курсам и дистанционным образовательным технологиям. Поскольку школьный урок по-прежнему сохраняет свои организационные и дидактические условия, то предлагается вместо наименования «смешанный урок» использовать сочетание «урок с веб-поддержкой», прямо указывающее на особенности его технической организации. Назначение урока с веб-поддержкой состоит в достижении метапредметных результатов на основе решения информационных задач. Решая на лабораторном практикуме задачи, новые для курса русского языка, школьники погружаются в проблемы повседневного языкового существования, приобретают информационно-лингвистические умения, совмещающие в себе и предметные и метапредметные результаты лингвистической подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О.М. Закономерности становления содержания филологического образования в современном социуме / С.И. Львова, Ю.Н. Гостева, И.П. Васильевых и др. / науч. ред. О.М. Александрова. — М., 2014.

Александрова О.М., Гостева Ю.Н. Особенности современного этапа использования мультимедийных средств и информационно-коммуникативных технологий при обучении родному языку // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА–2016): сб. науч. тр. междунар. научно-практ. конф. — 2016. — С. 446–452.

Гац И.Ю. Изучение обособления определений с использованием компьютера // Русский язык в школе. — 1995. — № 1. — С. 8–12.

Добротина И.Г. Развитие умений информационной переработки текста с использованием приемов современных образовательных технологий // Русский язык в школе. — 2013. — № 8. — С. 27–31; № 9. — С. 15–18.

Добротина И.Г. Современные модели уроков русского языка в 5–9 классах: пособие для учителей общеобразовательных организаций (ФГОС). — М., 2014.

Львова С.И. Усиление метапредметного статуса курса русского (родного) языка в современной системе школьного образования // Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка в современной школе: матлы междунар. конф. — М., 2013. — С. 119–126.

Метапредметные и личностные образовательные результаты школьников: Новые практики формирования и оценивания: учебно-метод. пособие / под общ. ред. О.Б. Даутовой, Е.Ю. Игнатьевой. — СПб., 2015.

Петерсон Л.Г., Посполита Н.В. Механизмы формирования мотивации к учебной деятельности // Педагогическое образование и наука. — 2016. — № 5. — С. 117–127.

Петерсон Л.Г., Кубышева М.А., Рогатова М.В. Типология уроков деятельностной направленности // Педагогическое образование и наука. — 2016. — № 5. — С. 139–152.

Трунцева Т.Н. Проектирование технологических карт уроков литературы и русского языка. 5–9 классы. — М., 2016.

REFERENCES

Aleksandrova O.M. Zakonomernosti stanovleniya soderzhaniya filologicheskogo obrazovaniya v sovremennom sotsiуме / S.I. Lvova, Yu.N. Gosteva, I.P. Vasil'evykh et al. / nach. red. O.M. Aleksandrova, Moscow, 2014.

Aleksandrova O.M., Gosteva Yu.N. Osobennosti sovremennogo etapa ispol'zovaniya mul'timediinykh sredstv i informatsionno-kommunikativnykh tekhnologii pri obuchenii rodnomu yazyku, in *Obrazovatel'noe prostranstvo v informatsionnuyu epohu (EEIA–2016)*: sb. nach. tr. mezhdunar. nauchno-prakt. konf., 2016, pp. 446–452.

Gats I.Yu. Izuchenie obosobleniya opredelenii s ispol'zovaniem komp'yutera, in *Russkii yazyk v shkole*, 1995, № 1, pp. 8–12.

Dobrotina I.G. Razvitie umenii informatsionnoi pererabotki teksta s ispol'zovaniem priemov sovremennykh obrazovatel'nykh tekhnologii, in *Russkii yazyk v shkole*, 2013, № 8, pp. 27–31; № 9, pp. 15–18.

Dobrotina I.G. Sovremennye modeli urokov russkogo yazyka v 5–9 klassah: posobie dlya uchitelei obshcheobrazovatel'nykh organizatsii (FGOS), Moscow, 2014.

L'vova S.I. Usilenie metapredmetnogo statusa kursa russkogo (rodnogo) yazyka v sovremennoi

sisteme shkol'nogo obrazovaniya, in *Aktual'nye problemy teorii i praktiki prepodavaniya russkogo yazyka v sovremennoi shkole: mat-ly mezhdunar. konf.*, Moscow, 2013, pp. 119–126.

Metapredmetnye i lichnostnye obrazovatel'nye rezultaty shkol'nikov: Novye praktiki formirovaniya i otsenivaniya: uchebno-metod. posobie / pod obshch. red. O.B. Dautovoi, E.Yu. Ignat'evoi, Sankt-Petersburg, 2015.

Peterson L.G., Pospolita N.V. Mekhanizmy formirovaniya motivatsii k uchebnoi deyatel'nosti, in *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, 2016, № 5, pp. 117–127.

Peterson L.G., Kubysheva M.A., Rogatova M.V. Tipologiya urokov deyatel'nostnoi napravlenosti, in *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, 2016, № 5, pp. 139–152.

Truntseva T.N. Proektirovanie tekhnologicheskikh kart urokov literatury i russkogo yazyka. 5–9 klassy, Moscow, 2016.

ХРОНИКА

Международная научная конференция «Фортунатовские чтения в Карелии»

10–12 сентября 2018 г. в Петрозаводском государственном университете проходила международная научная конференция «Фортунатовские чтения в Карелии». Ее участниками были ученые из России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Основными проблемами, которые обсуждались на заседаниях и в дискуссиях, стали такие актуальные вопросы современного и исторического языкознания, как: научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова; эволюция славянских языков и история русского литературного языка; языковая типология: индоевропейские и уральские языки; сравнительное языкознание; морфологический и синтаксический ярусы системы современного русского языка; традиционное и новые аспекты исследования в области фонологии, словообразования, семасиологии и ономазиологии; ареальная лингвистика; теория и практика лексикографии; лингвистическая поэтика и историческая стилистика; преподавание лингвистических дисциплин в средней и высшей школе. В рамках конференции состоялась также секция молодых исследователей.

Чтения были посвящены 170-летней годовщине со дня рождения Ф.Ф. Фортунатова. Поэтому главное место на пленарном заседании было отведено докладам историко-биографического и аналитического свойства, переосмысляющим идеи и научные традиции конца XIX – начала XX в.: «Академик Ф.Ф. Фортунатов: жизнь и судьба на перекрестке двух столетий» (О.В. Никитин), «Ф.Ф. Фортунатов и немецкое языкознание XIX века» (О.В. Лукин), «Теория частей речи в трудах Ф.Ф. Фортунатова и его последователей и перспективы ее развития в современной русистике» (А.Л. Шарандин), «Теоретическое наследие Ф.Ф. Фортунатова и концепция категориальных классов слов» (Ф.И. Панков), «Диссертация Ф.Ф. Фортунатова “Самавед Араньяка самхита” в контексте развития индологии и компаративистики конца XIX в.» (О.А. Волошина), «Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов по материалам переписки» (В.Г. Вовина), «Портрет Ф.Ф. Фортунатова из собрания А.А. Шахматова» (Е.Ю. Басаргина), «О некоторых дискуссионных проблемах современной аспектологии» (В.С. Храковский), «Настоящее неактуальное в церковнославянских переводах экзегетических текстов» (Т.В. Пентковская), «Доминантный принцип формирования значения и смысла» (Н.Н. Болдырев), «Проблемы описания синтаксической формы поэтического высказывания» (Н.В. Патроева) и др.

Интересны и содержательны на секциях были обсуждения докладов А.В. Андропова, С.С. Волкова и Н.И. Каревой, В.П. Казанскене, А.А. Котова, И.И. Муллонен, М.В. Пименовой, В.И. Супруна и др.

В заключительный день состоялись поездка в д. Косалму, на могилу Ф.Ф. Фортунатова, экскурсии в Марциальные Воды и на водопад Кивач. Все эти места также связаны с жизнью ученого, любившего карельскую природу, быт и культуру своей малой Родины.

Итогом конференции станут публикация сборника научных трудов и популяризация архивного наследия Ф.Ф. Фортунатова в историко-культурных и учебных журналах и изданиях. Планируется также подготовка к печати неизвестных трудов и переписки ученого с отечественными и зарубежными филологами.

О.В. Никитин,

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-16-21

М.А. АРИСТОВА, Ж.Н. КРИТАРОВА

Лексическая работа в процессе анализа художественных текстов (На материале современного учебника для полиэтнической школы)

Целью данного исследования является определение основных направлений и перспектив развития лексической работы на основе художественных текстов в полиэтнической школе.

Методы исследования: системный метод, теоретический и контент-анализ. В соответствии с поставленной задачей исследование проводилось на материале анализа содержания и методического сопровождения работы с художественными текстами в современных учебниках, действующих в условиях иноязычной и инонациональной аудитории учащихся полиэтнической школы.

В статье обоснована необходимость специальной работы с культуроведческой лексикой в процессе комплексного анализа художественного текста в полиэтнической школе, обозначена роль культуроведческого комментария в восприятии художественного произведения школьниками, для которых русский язык не является родным, приведены примеры.

Авторы приходят к выводу, что в современном учебнике для полиэтнической школы необходима специальная работа с культуроведческой лексикой. Обращение к культуроведческому комментарию является одним из самых плодотворных методических путей, предоставляющих возможность выстраивания индивидуальной траектории обучения.

Ключевые слова: *полиэтническая школа; современный учебник; комплексный анализ; художественный текст; культуроведческая лексика; культуроведческий комментарий.*

Maria A. Aristova, Zhanna N. Kritarova

Vocabulary Work in the Process of Analyzing Literary Texts (On the Material of the Modern Textbook for a Multi-ethnic School).

The purpose of the study is to determine the main directions and prospects of developing vocabulary work based on literary texts in a multi-ethnic school.

Research Methods: the systematic method, theoretical and content-analysis. In accordance with its objective, the research was carried out on the basis of the analysis of contents and teaching and learning materials concerned with the study of literary texts in modern textbooks aimed at the learners of multi-ethnic schools belonging to different languages and nations.

The necessity for a special work with culturological vocabulary in the course of the comprehensive analysis of literary texts in multi-ethnic schools is justified, the role of culturological commentary in the perception of a literary text by learners for whom Russian is not their first language is defined, examples are given.

Мария Александровна Аристовая, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Центр филологического образования

E-mail: arismar@yandex.ru

ФБНУ «Институт стратегии развития образования РАО»

*ул. Макаренко, д. 5/16, Москва, 105062, Россия
Institute for Strategy of Education Development,
Russian Academy of Education*

5/16 Makarenko str., Moscow, 105062, Russian Federation

Жанна Николаевна Критарова, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Центр филологического образования

E-mail: kritarova@rambler.ru

ФБНУ «Институт стратегии развития образования РАО»

*ул. Макаренко, д.5/16, Москва, 105062, Россия
Institute for Strategy of Education Development,
Russian Academy of Education*

5/16 Makarenko str., Moscow, 105062, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Аристовая М.А., Критарова Ж.Н. Лексическая работа в процессе анализа художественных текстов (На материале современного учебника для полиэтнической школы) // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 16–21. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-16-21.

Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО» на 2017–2019 гг. Шифр проекта 27.6122.2017/БЧ.

The authors conclude that a special work with culturological vocabulary should be included in the modern textbook for a multi-ethnic school. Appealing to the culturological commentary is one of the most fruitful methodological approaches which provide an opportunity to build an individual trajectory of learning.

Key words: *multi-ethnic school; modern textbook; complex analysis; literary text; culturological vocabulary; culturological comment.*

Как бы ни менялась образовательная среда, основополагающим в учебном процессе был и остается школьный учебник, претерпевший за многие годы своего существования значительные изменения. Создание учебника XXI в. является одной из актуальных проблем общего среднего образования и сегодня.

Современный учебник, по мнению исследователей, должен отличаться «высокой научно-мировоззренческой информативностью, четкой адресностью и адекватным жанру языком изложения, совершенным методическим справочно-ориентировочным аппаратом, преемственностью, коммуникативностью и координирующей функцией в системе средств обучения, с высоким художественным и полиграфическим качеством» [Инструментальная дидактика 2012: 105]. Вместе с тем в современной школе в связи с реализацией лично-ориентированного обучения, когда у каждого ученика должен быть «свой» учебник, важно понимание, что «учебник – это комплексная информационно-деятельностная модель образовательного процесса, происходящего в рамках соответствующей дидактической системы и включающего необходимые условия для его осуществления» [Современный учебник 2004: 34]. Другими словами, эта модель должна отображать цели, принципы, содержание, технологию соответствующего образовательного процесса и условия его осуществления.

Особую значимость данное определение учебника приобретает в условиях школы с многонациональным составом учащихся, когда возникает необходимость индивидуального сотрудничества с учащимися, адаптации учебного материала под их возможности и особенности. В полиэтнической школе ребята испытывают особые затруднения при изучении русского языка и литературы. Вместе с тем изучение этих предметов открывает значительные перспективы для повышения культурного уровня учащихся, расширения их эстетического кругозора, формирования

поликультурной личности, обладающей языковой, речевой, коммуникативной и этнокультурной компетенциями.

В Российской Федерации накоплен большой опыт создания учебников, предназначенных для школ с составом учащихся, для которых русский язык не является родным. Например, истинным реформатором в создании учебников по русской литературе для нерусских учащихся выступил выдающийся методист Л.А. Шейман. В основу его учебника «Русская классическая литература (2-я половина XIX в.)» для X класса киргизской школы (1997) была положена концепция многофакторного развития классической русской словесно-художественной культуры. В процессе чтения и анализа художественного текста учащимся предлагалась словарная работа в притекстовых, внутритекстовых, «боковых» и «построчных» пояснениях, для развернутых фрагментов текста – в подстрочных сносках. Не случайно педагогическое сообщество высоко оценило труд Шеймана, отмечалось, что дидактические решения в пособии имеют международный характер.

Создание концепции учебного культуроведения, теории этнокультурного обучения, связавшей преподавание русского языка и литературы с национальной языковой картиной мира, обоснование принципа педагогического сопряжения художественных культур – все это явилось основой для создания следующих поколений учебников по русскому языку и литературе для полиэтнической школы.

Восприятие художественного произведения школьниками-инофонами начинается с понимания содержания текста, с понимания слова и его значения. Поэтому важно, чтобы в учебнике нашел отражение культуроведческий материал, который даст учителю возможность осуществить полноценное комплексное комментирование текста художественного произведения и, как следствие, помочь учащимся точнее понять его смысл. По мнению Н.М. Шанского, комплексное

комментирование художественного текста должно включать:

- историко-культурный комментарий;
- комментирование национально-специфических бытовых реалий, примет русского быта, обычаев, которые не имеют соответствия в быту народа, изучающего русскую литературу;
- комментирование географических (природный) условий, в которых живут русские люди (климат, растительный и животный мир, рельеф);
- лингвистический комментарий – комментирование «различных элементов языка, их значения и употребления в художественном тексте в той мере, в какой они связаны с пониманием литературного произведения как такового» [Шанский 1975: 111].

В условиях полиэтнической школы в процессе комплексного комментирования, по справедливому замечанию Н.М. Шанского, необходимо «при изучении русских художественных текстов нерусскими для их верно-го понимания и восприятия... учитывать... различия, которые существуют между русской и родной словесно-образной картиной мира» [Шанский 1990: 27].

Адекватному восприятию художественного текста русской литературы, его словесно-образной картины способствует культуроведческий комментарий, в основе которого лежит работа с культуроведческой лексикой.

Обратимся к классификации культуроведческой лексики, предложенной ведущим специалистом в области преподавания русской литературы в иноязычной среде М.В. Черкезовой, которая считала целесообразным выделить в ней две группы: тематическая лексика, обозначающая некоторые культурные реалии и факты, и коннотативно окрашенная лексика [Черкезова 2007: 122].

Тематическая лексика может обозначать:

- бытовые реалии (национальная кухня, традиционные занятия, семейные отношения);
- церковные реалии и религиозные чувства;
- социально-политическую структуру общества и общественные отношения;
- этикетные нормы поведения и т.д.

Коннотативно (эмоционально-оценочная) окрашенная лексика включает в себя лексические единицы, которые:

- обладают для национального сознания того или иного народа особым смысловым значением;

- окрашены особым чувством;
- рождают в сознании носителя данного языка особые ассоциации.

К таким лексическим единицам можно отнести слова-символы, поэтическую лексику, обладающую традиционной метафорической образностью, и т.д.

Среди национально-маркированных тематических лексических единиц важную роль играют те, которые можно отнести к «ключевым словам культуры» [Вежбицкая 2001: 37]. В них на уровне слова-образа проявляются важнейшие составляющие национально-культурного сознания народа. Привлечение внимания к этому слою культуроведческой лексики дает возможность показать учащимся полиэтнической школы на конкретных примерах, как выражаются те или иные важные для русского народа явления, понятия, представления. При этом работа с таким словом-образом в учебниках может быть дана как сквозная линия, проходящая от произведения к произведению и от класса к классу, что будет постепенно углублять понимание учащимися не только изучаемых произведений, но самого этого культурного явления.

Например, к таким лексическим единицам может быть отнесено слово *тройка* – вид упряжки лошадей. Появившись в начале XVIII в., она постепенно стала не только необыкновенно популярным видом транспорта, но и символом русского народного характера. «И какой же русский не любит быстрой езды?» – эти слова из поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» знакомы каждому, но далеко не все ученики понимают, в чем же особенности этой упряжки, сделавшие ее всеобъемлющим символом.

Для его полноценного понимания необходимо уже с V и VI классов, в программе которых появляются произведения о русской тройке (например, «Зимняя дорога» А.С. Пушкина, «Тройка» Н.А. Некрасова), вводить в учебник культуроведческий комментарий, позволяющий более подробно познакомиться с этим знаменательным фактом русской культуры. Так, детям будет интересно узнать, что русская тройка была уникальна по своему устройству и это позволяло ей развивать необыкновенную для того времени скорость. Она была очень красивой: лошади скреплялись между собой так, что головы двух боковых (пристяжных) были немного повернуты в сторону и вниз, образуя подобие кольца. А еще принято было украшать детали

упряжи росписью, резьбой и кистями — и все вместе это создавало незабываемый вид упряжки.

Представления о русской тройке будут расширяться в VIII классе, когда учащиеся познакомятся с комедией Н.В. Гоголя «Ревизор». Всем памятно, что мнимому ревизору Хлестакову почтмейстер по распоряжению городничего выделил тройку, которую было уже не догнать, когда обман раскрылся. Расскажем школьникам, что первоначально эта упряжка применялась для государственных нужд как почтовая или служила для поездок важных чиновников, поскольку обладала высокой скоростью и проходимостью. Она даже была снабжена особым звуковым сигналом — колокольчиком, который издавка указывал на то, что всем прочим экипажам надо посторониться и пропустить ее. Правда, впоследствии тройка использовалась повсеместно, а колокольчики вместе с бубенцами стали еще одним атрибутом неповторимого образа русской тройки, сопровождая ее движение мелодичным звучанием, которое получило название «ямская гармония».

Так постепенно к IX классу учащиеся получают достаточно глубокие представления о русской тройке, которые будут полезны при чтении и изучении поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», где образ «птицы-тройки» занимает одно из центральных мест. Для этого в учебник включаются вопросы, обобщающие уже известный учащимся материал и направляющие работу на заключительном занятии по поэме «Мертвые души»: «Почему именно тройка стала своеобразным символом Руси и русского народа? Почему так много в русской литературе, живописи и даже музыке связано с образом русской тройки?» Подготовленные работой в предшествующих классах, учащиеся теперь могут ответить и на такой вопрос: «Какие особенности этого вида упряжки позволили великому русскому писателю сказать: "...знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи"?» [Аристова 2017: 183].

Другим важным вопросом, которому также следует уделять особое внимание в учебниках для полиэтнической школы, являются лексические единицы, которые в русском и родном языке учащихся

совпадают в основном значении, но различаются в коннотативном и требуют специальной работы и комментирования. В качестве примера приведем зооморфную лексику в функции номинации человека и особенностей его характера. Это явление присуще разным национальным языкам и является межъязыковой универсалией. В нем находят отражение антропометрическая метафоризация, свойственная языковому сознанию представителей самых разных наций и народов.

В основе этого явления лежит сравнение, хорошо известное учащимся еще с начальной школы. Но разница в национально-маркированных зооморфизмах может привести либо к непониманию, либо к неверной трактовке художественных образов. Так, в русском и тюркских языках слово *волк*, совпадая в своем основном лексическом значении, в качестве зооморфизма имеет существенные различия. Устойчивыми коннотациями данной лексемы в русском языке являются значения 'жестокость', 'грубость', 'злость', что отражается во враждебном отношении к человеку. С этим семантическим полем коррелируют представления о волке в русском фольклоре: таков образ волка в народных сказках, именно эти его качества подчеркиваются в пословицах и поговорках (*Волков бояться — в лес не ходить; Волчьих повадки, разбойничьи хватки; Волку в зубы попало: считай — пропало*). Показательно, что те же коннотации связаны со словом *волк*, входящим в состав фразеологических единиц современного русского языка (*волчья злость, злой/голодный как волк*).

Совершенно другие коннотации традиционно связаны с зооморфизмом *волк* в тюркских языках, что нередко вызывает недоумение при чтении русских народных сказок или басен у школьников — представителей различных тюркоязычных регионов. Известно, что в мифологии тюркских народов волк — тотемное животное, особо почитаемое как защитник (в древности голова волка часто украшала знамена воинов). А в шаманизме, характерном для культуры тюркских народов тувинского и алтайского регионов, образ волчицы связан с ролью матери-прародительницы племен. В соответствии с такими представлениями у этих народов волк традиционно считался покровителем и защитником человека, что также нашло отражение в фольклоре (*Гурд узу мубарекдир. — Волк приносит удачу*).

Указанную особенность восприятия определенной части лексики, связанную с родной культурой и национальным менталитетом учащихся полиэтнической школы, следует принимать во внимание не только при отборе литературно-художественного материала, изучаемого на уроке, но и при комментировании, определяющем специфику его предъявления в учебнике. Так, например, в программу для VI класса обычно включается изучение басен, среди которых есть произведения, использующие образ волка в традиционном для русской культуры понимании: «Волк и ягненок» и «Волк на псарне» И.А. Крылова. Если для русских учащихся не представляет проблемы выяснение семантического ядра этого образа (волк – враждебный, злой, кровожадный), то для контингента полиэтнической школы, включающего представителей тюркских народов, необходима предварительная работа. Она должна акцентировать внимание учащихся на непривычном для них национально-образном восприятии волка в русской традиции. Для этого в учебник могут быть включены русские пословицы и поговорки, характеризующие соответствующие качества этого зооморфизма, которые затем будут выявлены в процессе чтения и анализа басни. Важно, чтобы этот акцент был сделан и в предваряющих чтение произведения вопросах: «Вспомните, каким рисуется образ волка в русской литературе и в народных сказках, которые вы читали?» Послетекстовые вопросы также должны учитывать эту специфику, например: «Обратите внимание на речь Волка. Найдите в тексте слова, выражения, которые подчеркивают его хитрость, злость, неискренность, коварство». В качестве итогового задания предложим сопоставить басню с произведениями родной литературы сходной тематики, например: «Каким изображается волк в вашей родной литературе? Похож ли этот образ на тот, который мы видели в басне И.А. Крылова? Чем они различаются?» [Литература 2008: 55–59].

Выводы

Культуроведческий комментарий в процессе анализа художественных текстов в полиэтнической школе очень важен, так как через понимание национально-маркированных лексических единиц идет осознание не только особого явления, характерного для менталитета русского народа, но и культуры в целом. Русский язык,

будучи транслятором культуроведческой информации, вместе с тем способствует взаимопониманию и взаимопроникновению культур разных народов.

Изучение культуроведческой лексики улучшает восприятие иноязычного художественного текста, расширяет духовный, нравственный и эстетический опыт нерусских учащихся, совершенствует навыки владения русской речью, подводит школьников к осознанию общечеловеческих ценностей.

Обращение к культуроведческому комментарию в этом случае является одним из самых плодотворных методических путей преподавания как русского языка, так и литературы в многонациональной школе. Учебник должен предоставить возможность работы со словом, его культуроведческим комментированием, выстраиванием индивидуальной траектории обучения.

ЛИТЕРАТУРА

Аристова М.А. Обновление содержания литературного образования с позиции повышения общекультурной компетенции учащихся основной школы // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 3 (76). – С. 180–184.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с английского А.Д. Шмелева. – М., 2001.

Инструментальная дидактика: перспективные средства, среды и технологии обучения / ФГНУ Институт содержания и методов обучения РАО / под ред. Т.С. Назаровой. – М.; СПб., 2012.

Литература. 6 кл.: учеб.-хрестоматия для образоват. учреждений с родным (нерусским) и русским (неродным) языком обучения / под ред. М.В. Черкезовой. – 5-е изд., доп. и испр. – М., 2008.

Современный учебник: Проблемы проектирования учебной книги в условиях модернизации школьного образования. Сборник научных трудов / под ред. А.В. Хуторского. – М., 2004.

Шанский Н.М. Программа курса «Лингвистический анализ художественного текста» // Анализ художественного текста: сборник статей. – Выпуск 1. – М., 1975.

Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература в национальной школе». – 2-е изд., дораб. – Л., 1990.

Черкезова М.В. Проблемы преподавания русской литературы в инокультурной среде: методическое пособие. – М., 2007.

REFERENCES

Aristova M.A. Obnovlenie sodержaniya literaturnogo obrazovaniya s pozitsii povysheniya obshchekul'turnoi kompetentsii uchashchihsya osnovnoi shkoly, in *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, № 3 (76), pp. 180–184.

Vezhbitskaya A. Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov / trans. from english by A.D. Shmelev, Moscow, 2001.

Instrumentalnaya didaktika: perspektivnye sredstva, sredey i tekhnologii obucheniya / FGNU Institut sodержaniya i metodov obucheniya RAO / under the ed. of T.S. Nazarova, Moscow, Sankt-Petersburg, 2012.

Literatura. 6 kl.: ucheb.-hrestomatiya dlya obrazovaniya uchrezhdenii s rodnym (nerusskim) i russkim (nerodnym) yazykom obucheniya / Under the ed. of M.V. Cherkezova, 5th rev. ed., Moscow, 2008.

Sovremenniy uchebnyk: Problemy proektirovaniya uchebnoi knigi v usloviyah modernizatsii shkol'nogo obrazovaniya. Collection of research papers / Under the ed. of A.V. Hutorskoi, Moscow, 2004.

Shanskii N.M. Programma kursa «Lingvisticheskii analiz hudozhestvennogo teksta», in *Analiz hudozhestvennogo teksta*, 1st edition, Moscow, 1975.

Shanskii N.M. Lingvisticheskii analiz hudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie dlya studentov pedagogicheskikh institutov po spetsialnosti «Russkii yazyk i literatura v natsionalnoi shkole», 2th rev. ed., Leningrad, 1990.

Cherkezova M.V. Problemy prepodavaniya russkoi literatury v inokulturnoi srede: metodicheskoe posobie, Moscow, 2007.

ХРОНИКА

Об изучении мнения родительского и профессионального сообщества в подходах к системе оценок в начальной школе

Вопрос о системе оценивания в начальной школе был поднят министром просвещения О.Ю. Васильевой 31 августа 2018 г. на Всероссийском родительском собрании. В связи с тем что в министерство поступают различные мнения о существующей пятибалльной системе оценивания, было принято решение изучить вопрос, учитывая позиции родительского и профессионального сообщества.

27 сентября в МПГУ был организован круглый стол «Отметки в начальной школе: за и против». В его рамках прозвучали выступления ректора МПГУ А.В. Лубкова, первого проректора МПГУ В.П. Дронова, представителей институтов и факультетов МПГУ о традициях оценивания достижений школьников в отечественной педагогике, о безотметочном обучении в I классе и практике переноса этого опыта в последующие классы, о психологических особенностях современного школьника, его готовности быть оцененным, о критериях выставления оценок. В работе круглого стола приняли участие учителя начальной школы и родители. Учителя отметили, что они нуждаются в более широкой палитре способов оценивания, так как в одном классе сейчас могут учиться одаренные дети, дети-инофоны, дети с ОВЗ.

28 сентября Комиссия по развитию образования и науки Общественной Палаты Российской Федерации провела круглый стол по обсуждению итогов общественного опроса по проблемам использования безотметочных технологий в системе общего образования. В опросе приняли участие более 5 тысяч человек из разных субъектов Российской Федерации. С его результатами можно ознакомиться по ссылке <https://www.oprf.ru/press/news/2018/newsitem/46742>.

Эксперты сходятся во мнении, что необходимо взвешенно подходить к каким-либо изменениям в системе школьных оценок, учитывать традиции российского образования, изучать международный опыт и результаты научных исследований.

Редакция журнала «Русский язык в школе» готова рассмотреть статьи на тему совершенствования системы оценивания работ по русскому языку в основной школе, если основу материалов будет составлять серьезная экспериментальная работа.

А.Е. Куманьева,
редакция журнала «Русский язык в школе»

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-22-24

С.А. ПОЛКОВНИКОВА

Об обобщенном понимании термина *норма*

Проблема нормы и вариативности литературного языка, широко анализируемая в последние десятилетия, ставит вопрос о соотношении нормы и тех вариантов, в которых она реализуется (основной вариант и допустимые). В статье этот вопрос рассматривается на материале орфоэпических словарей, высказывается мнение о формировании у термина *норма* обобщенного значения, которое следует ограничивать от значения нормы как образца.

Ключевые слова: *норма; варианты нормы; норма как образец; многообразие вариантов; равноправные варианты; основной вариант; предпочтительный вариант; допустимо младший вариант; допустимо старший вариант; устарелый вариант.*

Svetlana A. Polkovnikova

About the Common Understanding of Term *Norm*.

The problem of the norm and variety of literary language that has been widely analyzed in recent decades set the question of the correlation of norms and actualized variants (the main one and possible). The question is considered by the material of orthoepical dictionary. The idea of the common meaning formation of the term *norm* that should be different from the meaning of the *norm* as a standard is sounded in the article.

Key words: *norm; norm variants; norm as a standard; variants manifold; equal variants; main variant; preferable variant; possible young variant; possible older variant; archaic variant.*

Норма — одно из важнейших понятий в языкознании, которое является предметом анализа во многих работах отечественных и зарубежных ученых, рассматривается как часть общелингвистической проблематики, важной для понимания внутренней организации языка (Л. Ельмслев, Э. Косериу, Б. Гавранек), или в связи с изучением литературного языка и культуры речи. В традициях русского языкознания именно этот аспект занимает особое место и представлен в работах ученых, начиная с трудов М.В. Ломоносова.

Норма имеет двойственную природу. С одной стороны, она формируется системой языка, обладает языковыми признаками, что дает

основание определять ее «как собственно языковой феномен» [Общее языкознание... 1970: 560], с другой — она является функциональной единицей, имеет оценочный характер, характеризуется с точки зрения обязательности и правильности, поэтому определяется как «социально-историческая категория» [Там же: 563].

Уже это свидетельствует о возможности исследовать норму в разных аспектах: соотношение нормы и системы языка, причины изменения нормы, типы норм, норма и кодификация, норма и вариативность (вариантность) литературного языка. Последний аспект наиболее актуален в наше время в связи с ростом интереса к изучению категории вариативности литературного языка.

Можно поставить следующие вопросы: обнаружались ли новые аспекты изучения нормы под влиянием категории вариативности? Изменилось ли значение термина *норма* в связи с признанием вариативности существенным признаком литературного языка?

Представляется, что значение термина *норма*, кажущееся на первый взгляд очевидным, требует более четкого определения именно в этом аспекте.

В определении термина *норма* обычно указывается, что это совокупность устойчивых, традиционных реализаций языковой

Светлана Александровна Полковникова, кандидат филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Институт филологии

E-mail: sapolk@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Полковникова С.А. Об обобщенном понимании термина *норма* // Русский язык в школе. — 2018. — № 9. — С. 22–24. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-22-24.

системы, сложившиеся правила произношения, ударения, словоупотребления, используемые в речи образованных людей.

Не всегда, однако, предметом анализа является соотнесенность нормы с теми вариантами, в которых она реализуется. В данной статье на материале орфоэпических словарей рассматривается именно этот вопрос.

В 1955 г. вышел словарь-справочник «Русское литературное ударение и произношение» под ред. Р.И. Аванесова и С.И. Ожегова. В предисловии авторы, отмечая нормативный характер словаря, определяют его цель: устранение колебания в области произношения и ударения, рекомендация основного, правильного варианта (в то же время даются варианты, не являющиеся ошибочными как закономерно возникшие в процессе исторического развития языка и широко употребляемые во всех сферах литературной речи) [Русское литературное... 1960: 7].

Нетрудно заметить, что среди ученых нет единого мнения по поводу оценки степени стабильности нормы. Л.В. Щерба в 1940 г. писал, что «очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными» [Щерба 1977: 115]. Позже это было отмечено Б.Н. Головиным [Головин 1984: 41].

В «Орфоэпическом словаре русского языка» под ред. Р.И. Аванесова (авторы: С.Н. Борунова, В.Л. Воронцова, Н.А. Еськова, 1983) ставилась иная задача: представить литературную норму во всем многообразии ее проявлений. Эта задача сохранялась во всех последующих изданиях, в том числе и в издании под ред. Н.А. Еськовой (2014). В словаре представлена шкала нормативности, включающая: 1) равноправные варианты; 2) варианты нормы, один из которых оценивается как основной, а другой (другие) имеет помету «допустимо» (менее желательный вариант нормы); 3) вариант, имеющий помету «допустимо устаревающее».

Аналогичную задачу ставили и М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина – составители «Большого орфоэпического словаря русского языка» (2012): зафиксировать реальное многообразие орфоэпических вариантов в пределах нормы. Шкала вариативности в этом словаре выглядит иначе. Помимо равноправных вариантов выделяются варианты, имеющие помету «и допуст.», но при этом «допустимо» может

относиться к старшей и младшей норме, выделяется и «допустимо устарелое», различие между этими вариантами только в частоте употребления. Также указываются варианты произношения в беглой речи. «Большой орфоэпический словарь русского языка» дает полную картину произносительных вариантов в пределах нормы, существующей в настоящее время. Приведем образцы словарных статей:

Свержение – [С]В. и допустимо устарелое [С мягк.], свержение и свержений, в беглой речи возможно сверженне (Н долг. мягк.) и свержене (Н недолг. мягк.);

Бассейн – С мягк. и допуст. младш. С тверд.;

Ср. те же слова в словаре-справочнике под ред. Аванесова, Ожегова:

Свержение – С мягкой;

Бассейн – С мягк.;

Таким образом, термин *норма* с точки зрения соотнесенности с ее реализациями – это и только правильный вариант (Н-1), и совокупность вариантов (Н-2). Различие между Н-1 и Н-2 очевидно: второе значение является обобщенным, норма как обобщенная единица реализуется в целом ряде вариантов, включает варианты.

По существу почти все словарные статьи «Большого орфоэпического словаря» включают варианты внутри нормы.

Отношения между вариантами определяются по-разному: один из них характеризуется как основной [Аванесов 1997: 5; Общее языкознание... 1970: 569] или как предпочтительный [Большой орфоэпический словарь 2012: 7], другой – как допустимый.

Термины могут иметь разную степень обобщенности. Это может быть связано с разной степенью обобщенности обозначаемых единиц (например, звук языка и фонема, словоформа и форма) или с объемом обозначаемых явлений, что относится к термину *норма*.

Обобщенное значение термина *норма* не осмыслено в полной степени, разные значения (Н-1 и Н-2) нечетко дифференцированы. Это объясняется тем, что первоначально термин использовался только в одном значении, для обозначения только одного варианта, образца, и лишь впоследствии по разным причинам его значение изменилось.

Несмотря на то что возможность разных реализаций нормы отмечается давно, до сих пор не проведено четкого разграничения

значений данного термина. Так, на первой странице «Большого орфоэпического словаря русского языка» есть подзаголовок «Норма и ее варианты». Что имеется в виду? В каком значении дан термин *норма*: норма как многообразие вариантов или норма как образец? Сочинительный соединительный союз *и*, как отмечают исследователи, выражает значение однородности; слова, связанные им, рассматриваются как близкие, аналогичные. Но норма как совокупность вариантов и вариант — не однопорядковые единицы. Норма — обобщенный термин, включающий в себя всё многообразие вариантов, в отличие от собственного варианта.

В связи с вышесказанным целесообразнее использовать в данном подзаголовке двоеточие — «Норма: варианты нормы» (то же можно сказать и относительно широко распространенного выражения *фиксировать норму и ее варианты*).

Разновидности нормы представлены в одной позиции, они определяются по степени употребительности или предпочтительности, т.е. оценочности. По-видимому, невозможно однозначно предсказать орфоэпический вариант в одной и той же позиции, но в другом слове. Ср. рекомендации произношения звука [н] в словах *пенсия, претензия, лицензия, рецензия* — только с [н'] [Аванесов 1997: 362, 428, 236, 493]. В работе «Русское литературное произношение» [1960: 158] ученый объясняет такое произношение качеством предшествующего гласного: *е* закр. после мягких согласных *п'* и *т'* и *э* откр. после *ц*. В «Большом орфоэпическом словаре» рекомендации иные: *пенсия* — *Н* мягк., допуст. младш. *Н* тверд. [505]; *претензия* — только *Н* мягк. [629]; *лицензия* — *Н* мягк. и допуст. млад. тверд. [350]; *рецензия* — только *Н* мягк. [696]. Реализации нормы, характер и количество вариантов, помимо объективных критериев, связанных с языковой системой, регулируются и субъективными факторами — взглядами кодификаторов.

Л.Л. Касаткин ввел термин *орфоэпема*, которым обозначил варьирующиеся в одной и той же фонетической позиции звуки или фонемы и варьирующееся в одной и той же словоформе или в первой основе сложного слова место ударения [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012: 939]. Понятие орфоэпемы не рассматривается в связи с понятием норма, но представляется, что

звуки или фонемы, образующие орфоэпему, составляют реализации нормы, понимаемой как многообразие вариантов. По аналогии с термином *орфоэпема* возможно использование термина *нормоэпема* для обозначения обобщенной нормативной единицы, реализуемой совокупностью вариантов.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. — М. 1984.

Борунова С.Н., Воронцова В.Л., Еськова Н.А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / под ред. Р.И. Аванесова. — М., 1983, 1997.

Головин Б.Н. Основы культуры речи. — М., 1984.

Каленчук М.Л., Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI в.: норма и ее варианты / под ред. Л.Л. Касаткина. — М., 2012.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б.А. Серебренников. — М., 1970.

Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник / под ред. Р.И. Аванесова, С.И. Ожегова. — М. 1960.

Щербина Л.В. О нормах образцового русского произношения // Избранные труды по русскому языку. — М., 1977.

REFERENCES

Avanesov R.I. Russkoe literaturnoe proiznoshenie, Moscow, 1984.

Borunova S.N., Vorontsova V.L., Es'kova N.A. Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy / pod red. R.I. Avanesova, Moscow, 1983, 1997.

Golovin B.N. Osnovy kul'tury rechi, Moscow, 1984.

Kalenchuk M.L., Kasatkin L.L., Kasatkina R.F. Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI v.: norma i ee varianty / pod red. L.L. Kasatkina, Moscow, 2012.

Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka / отв. ред. В.А. Серебренников, Moscow, 1970.

Russkoe literaturnoe proiznoshenie i udarenie. Slovar'-spravochnik / pod red. R.I. Avanesova, S.I. Ozhegova, Moscow, 1960.

Shcherba L.V. On the norms of exemplary Russian pronunciation, in *Selected works on the Russian language*, Moscow, 1977.

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-25-30

Е.Б. ДЕМИДОВА, Л.Г. ШАРЛИКОВА

Изучение стилистических возможностей местоимений в школе (На материале «Солнца мертвых» И.С. Шмелева)

Произведения И.С. Шмелева в силу большого воспитательного и эстетического потенциала, заложенного в них, могут широко использоваться в образовательном процессе.

Методом наблюдения и анализа было выявлено, что местоимения в «Солнце мертвых» несут значительную стилистическую нагрузку. Некоторые формы множественного числа употребляются для обозначения тех, кого автор не желает или не может называть их собственным наименованием.

В соответствии с целями, обозначенными в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования, местоимения, ввиду высокой степени повторяемости и способности выполнять особые функции в тексте романа-эпопеи, могут рассматриваться в качестве объекта лингвистического комментирования в школе.

Ключевые слова: *автор; текст; стилистическая функция; местоимение; комментирование; повтор.*

Elena B. Demidova, Ljubov' G. Sharlikova

Study of Stylistic Functions of Pronoun in School (Based on the Material of the «Solntse Mertvyh» by I.S. Shmelev).

Works by I.S. Shmelev due to the large educational and aesthetic potential inherent in them, can be widely used in the educational process.

Some forms of plural pronouns are sometimes used in the «Solntse Mertvyh» to refer to those who for some reason do not follow or can not be called their own name.

According to FGOS pronouns, in view of the high degree of repeatability of their load this text, can be proposed as an object of linguistic analysis in school.

Key words: *author; text; stylistic function; pronoun; comments; repeat.*

Важным условием интеллектуально-го развития, духовного роста и нравственного совершенствования личности является квалифицированное чтение, подразумевающее умение раскрывать

концептуальные, глубинные смыслы художественного произведения. В то же время наблюдаются противоречия между тем, что в культурном коде произведений классической литературы заложены глубочайшие

Елена Борисовна Демидова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении, Институт филологии и иностранных языков

E-mail: lena2707@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Любовь Гертрудовна Шарликова, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении, Институт филологии и иностранных языков

E-mail: sharlikova-l@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Демидова Е.Б., Шарликова Л.Г. Изучение стилистических возможностей местоимений в школе (На материале «Солнца мертвых» И.С. Шмелева) // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 25–30. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-25-30.

исторические, философские, эстетические смыслы, и тем, что они не полностью раскрываются из-за недостаточной «читательской» компетенции.

Текст, по словам русского философа и культуролога М.М. Бахтина, — это «“первичная данность” всех гуманитарных дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления...» [Бахтин 1997: 306]. В художественном тексте имеет значимость каждый элемент, «все стремится стать мотивированным» (Г.О. Винокур), поэтому необходимо внимательное отношение к любому его компоненту. Художественный текст являет собой сложную целостную систему: это не только особым образом организованные средства общенационального языка, но и наличие особой кодовой системы, которую читатель должен расшифровать, чтобы понять то, что заложено в тексте. Единицы, которые образуют художественный текст, в нем получают, по выражению Б.А. Ларина, дополнительные «обертоны смысла».

«Литература не просто использование языка, а его художественное познание... образ языка, художественное самосознание языка», — подчеркивал М.М. Бахтин [Там же: 287].

Роман-эпопея И.С. Шмелева «Солнце мертвых» — одна из самых трагических книг за всю историю человеческой цивилизации. Эту мысль выражают и слова А.В. Амфитеатрова: «Не знаю: литература ли “Солнце мертвых”? Ибо более страшной книги не написано на русском языке. Шмелев... только рассказывает день за днем, шаг за шагом “эпопею” своего крымского, обывательского существования в голодный год под большевистским гнетом; — и... страшно! За человека страшно!» (Цит. по: [Резник 2005: 167]). История полнейшего одичания человека в братоубийственной гражданской войне засвидетельствована одним из выдающихся писателей XX в. и оттого имеет необычайную силу эмоционального воздействия. Жанровое определение, которое автор выбрал для своего произведения, — эпопея — предполагает изображение исторических событий, проблематику общенародного значения, монументальность формы.

Однако произведение Шмелева лишено признаков традиционной эпопеи. Заглавия достаточно самостоятельных глав выделяют сюжетные звенья, например, «Игра

со смертью», «Конец Тamarки», «Конец Павлина», «Конец Бублика», «Конец концов». Хотя повествование идет от первого лица, имя и детали судьбы рассказчика остаются читателю неизвестными. Повествование пронизано оценками и эмоциями, лишено эпического бесстрастия. «Без преувеличения, не было подобного языка до Шмелева в русской литературе. Писатель расстилает огромные ковры, расшитые грубыми узорами сильно и смело расставленных слов, словец, словечек ... живая, теплая речь...» [Михайлов 1989: 26].

Стилистический интерес авторов художественных текстов к местоимениям продиктован в основном эстетическими мотивами, поскольку в них имеются потенциальные источники особой речевой экспрессии.

Термином *местоимение* в грамматике называется часть речи, слова которой (по формальным признакам сближающиеся с существительными, прилагательными, наречиями, числительными) составляют замкнутые ряды и объединяются указательной функцией. Разновидностью этой функции может стать функция заместительная.

Местоимения, таким образом, имеют особое отвлеченное значение, которое конкретизируется в определенной речевой ситуации, контексте. Местоимение указывает на предмет в широком смысле, но не называет его. Именно эта особенность и позволяет местоимению быть средством художественной выразительности. Прежде всего это касается личных местоимений. Их основная функция указывать на кого(что)-нибудь: *я, мы, ты, вы, он, оно, она, они*.

Местоимение *он*, например, может быть заместителем существительного мужского рода или общего рода, которое называет существо или лицо мужского пола, может обозначать живое существо, конкретный предмет, явление или факт. Местоимение *он* имеет форму множественного числа — *они*, значение которой в языке не отличается от соответствующего значения множественного числа имен существительных. В некоторых случаях в стилистически окрашенных текстах при воссоздании раболопной подобострастной речи форма множественного числа *они* употребляется вместо форм единственного числа *он, она*. Это употребление устарело и на данный

момент отмечается только в просторечии, а также в иронических и шуточных контекстах разговорной речи.

В то же время форма множественного числа *они* подобно форме единственного числа *он* может быть употреблена для обозначения тех, кого почему-либо не следует или нельзя называть их собственным наименованием. Именно в этой функции данная форма неоднократно отмечается в тексте «Солнца мертвых»:

Произошло это около часу ночи. В два часа *их* собирались забрать на «истребитель»... везти в Ялту. За *ними*-то и прислали. Ходили слухи, что *они* стали слабеть от голоду — всего по четвертке хлеба да и не каждый день! а какого хлеба... вы сами знаете. С *ними* сидел какой-то француз, за что — неизвестно. (Гл. «Игра со смертью»).

Слово *он* (*они*) может подчеркивать, что говорящий не может или не хочет назвать предмет речи, но, несмотря на это, совершенно понятно, что это своеобразный эвфемизм и *он* означает «дьявол», «черт», «хозяин» и т.д.:

И вот на прошение Ивана Михайлыча — прислали ему бумагу, пенсию! По три золотника хлеба на день! А знаешь ли что, Жаднюха... да уж не спутали ли *они*? Может, это *они* про тебя прознали, что на горке такая умная курочка живет-голодает... да тебе и назначили?.. (Гл. «Нянины сказки»).

В «Солнце мертвых» значение местоимения поднимается до уровня широкого обобщения, за этим словом скрываются не какие-то неопределенные лица, а вполне известные, которые обладают типичными свойствами и качествами. Создается обладающий необыкновенной силой воздействия символический образ.

Как «лабиринт сцеплений» текст Шмелева содержит не только открытую, прямую, но и скрытую, неявную информацию, это адресованное нам сообщение, особая форма коммуникации «автор — читатель». Текст эпопеи «Солнце мертвых» полноценно может быть прочитан только с учетом некоего «эстетического общения», в процессе которого читатель осознает намерения автора.

Указательные местоимения в русском языке традиционно определяют предметы, признаки и количества с точки зрения их расположения в пространстве. Однако эта их функция порой перерастает в оценочную:

Да, дожди... и в этих дождях приехали туда, в городок, *эти*, что убивать ходят; В зимнее дождливое утро, когда солнце завалили тучи, в подвалы Крыма свалены были десятки тысяч человеческих жизней и дожидались своего убийства. А над ними пили и спали *те*, что убивать ходят. (Гл. «Что убивать ходят»).

Местоимение *вы* в языке обозначает множественность собеседников (исключая говорящего) и, как правило, не обладает особым разнообразием употреблений. Однако оно может указывать на идейных противников, представителей противоположных взглядов, врагов. Эта функция традиционно используется в русской литературе. То же у Шмелева:

Вы, сидящие в креслах мягких, может быть, улыбнетесь. <...> Я знаю, как ревниво глядитесь *вы* в трескучие рамки листов газетных, как жадно слушаете бумагу! Вижу в ваших глазах оловянное солнце, солнце мертвых. Никогда не вспыхнет оно, живое, как вспыхивало даже в моей Торпедке, совсем незнайке! Одно *вам* брошу: убили *вы* и мою Торпедку! Не поймете. Курите свои сигары. (Гл. «Что убивать ходят»).

Текст истинно художественный всегда отличается многомерностью и многозначностью смыслов, а также наличием невыраженной прямо, имплицитной информации. «В связи с этим, — пишет П. Рикёр, — понятие интерпретации получает вполне определенное значение... Интерпретация... — это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении...», «интерпретация имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов» [Рикёр 2008: 51]. Успешность интерпретации обусловлена установлением связи элементов текста, определением характера отношений между ними. Истолкование должно предвлекать анализом структуры текста, а в дальнейшем дополняться выводами содержательного характера. «При обучении пониманию роли языковых единиц в фольклорных и художественных произведениях невозможно ограничиться лишь узким контекстом, т.е. высказыванием, в котором они встречаются, так как их использование определяется смысловой и образной структурой всего

речевого произведения, поэтому.. учащиеся также должны владеть хотя бы элементарными навыками лингвостилистического анализа целого художественного текста» [Красильникова 2011: 241].

Подобные навыки целесообразно закладывать уже в средней школе. Творчество И.С. Шмелева изучается в соответствии с базовыми, авторскими, альтернативными программами на уровнях основного общего и среднего общего образования. Основными критериями отбора художественных произведений для изучения в школе являются их художественная ценность, гуманистическая направленность, позитивное влияние на личность ученика.

Местоимения в силу высокой степени повторяемости и способности нести особую смысловую нагрузку в романе И.С. Шмелева «Солнце мертвых» могут быть предложены в качестве объекта лингвистического анализа в XI классе.

Наблюдение над особенностями функционирования местоимений не только обогатит читательский опыт старшеклассников, но позволит обобщить то, что они уже знают о русском языке; станет поводом для самостоятельных размышлений над серьезными философскими вопросами.

При проведении урока применяются культурологический и системно-деятельностный подходы. На этапе целеполагания определяются цели и задачи урока: выборочное повторение теоретических сведений и закрепление навыков анализа текста, а также роль единиц языка в качестве элементов текста, направляющих мыслительную деятельность читателя, результатом которой должно стать понимание смысла произведения в целом. Они коррелируют с целями, обозначенными в Федеральном государственном образовательном стандарте среднего (полного) общего образования: «сформированность представлений о языке как многофункциональной развивающейся системе, стилистических ресурсах языка; умение анализировать тексты разной функционально-стилевой и жанровой принадлежности...» [Электронный ресурс].

В начале разговора со школьниками следует дать **биографическую справку** об авторе, поскольку соотнесение этих сведений с содержанием произведения будет способствовать осмыслению текста. Время написания эпопеи также необходимо для определения связи ее содержания с историческими событиями. Учащиеся могут

подготовить сведения о том, что книга создавалась в 1923 г., в эмиграции. На калейдоскоп страшных впечатлений, описанных в ней, легла тень семейной трагедии. Хотя в романе о погибшем сыне не говорится, но глубокая боль, которой дышит каждое слово, придает всему повествованию трагическую масштабность.

Для анализа на уроке может быть предложен отрывок из главы «Что убивать ходят» от слов «Когда это было?» до слов «...и бысто засыпал ямку».

После прочтения отрывка на **этапе наблюдения** могут быть заданы вопросы и выполнены задания:

Какие эмоции и чувства вызвал у вас этот фрагмент? Каков его смысл? Как автор воспринимает реальность? Какие чувства он испытывает? Назовите слова, которые часто встречаются в отрывке и несут, на ваш взгляд, большую эмоциональную нагрузку? Какими частями речи они являются? Дайте определение местоимения. Выпишите из текста все местоимения, укажите их разряд.

Внимание учащихся обращается на многочисленные повторы местоимений при отсутствии соответствующих личных существительных. Можно предложить старшеклассникам эксперимент: заменить местоимения в указанном отрывке на имена существительные в соответствии с контекстом и посмотреть, как изменится текст? На основе сделанных наблюдений можно сделать вывод об особой смысловой нагрузке и стилистической функции местоимений. (Столкновение местоимений в тексте, их калейдоскопическое мелькание, быстрая смена в речевом потоке создают стилистический эффект.)

Интересен и такой вид работы, как восстановление пропущенной единицы текста, в данном случае местоимения. Для этого отбирается небольшой фрагмент, например: «И вот – убивали, ночью. Днем... спали. Они спали, а _____, в подвалах, ждали. Недавно бились они открыто. Родину защищали...». Если учащиеся затрудняются в выборе нужного слова, следует прояснить ситуацию, сделать ее узнаваемой, и тогда авторское намерение выльется в искомую единицу текста. Этот вид работы помогает учащимся овладеть умением прогнозирования и глубже понять замысел автора. Старшеклассники могут отметить, что в указанном фрагменте противопоставлены разные значения

местоимения *они*. Спросим: «Какие еще местоимения в русском языке могут вступать в противопоставление?»

Интересно и следующее задание: привести синонимы к личному местоимению *они* в соответствии с контекстом: *они* — *убийцы, безбожники, стервятники, негодяи* и т.д. Автор рассказывает и о людях, которые томятся в подвалах, ежеминутно ожидая смерти: кто они? Подберите слова, характеризующие этих людей: *страдальцы, жертвы, мученики, смертники...* Можно ли говорить о противопоставлении этих персонажей эпопеи? Учащиеся могут дать собственную оценку действиям и состоянию первых и вторых.

Старшеклассники отмечают значительное количество указательных местоимений в тексте и вспоминают, что местоимения этого разряда указывают на объект посредством его отношения к ситуации или тексту. При этом речь может идти об объекте, находящемся рядом с говорящим, а также об объекте, на который направлен указательный жест. При анафорическом употреблении местоимения данного разряда отсылают к объекту, уже упомянутому в тексте.

Употребление местоимений *этот, тот (эта, та)* для указания на присутствующих вместо соответствующих личных существительных или имен собственных придает речи пренебрежительный, презрительный тон. Местоимение *тот* также может употребляться в значении «противоположный».

Учащиеся приводят примеры использования местоимения *те* в главе «Что убивать ходят». Школьники делают предположение, что автор намеренно не использует личные имена существительные, заменяя их местоимениями, размышляют, стараясь ответить на вопросы: можно ли согласиться с тем, что местоимения являются средством выражения авторской оценки? Почему автор не называет, а предпочитает только указывать?

На этапе анализа личных местоимений в тексте старшеклассники отмечают, что местоимение *он* используется в традиционной анафорической функции, но основное внимание привлекает необычное употребление этого местоимения (в Р. п.) и написание с заглавной буквы. Можно ли найти эквивалент местоимению *он*? Учащиеся размышляют и приходят к выводу: контекст

указывает, что речь идет о Боге. Результатом этого этапа работы становится круг морально-этических проблем, в ходе обсуждения которых возможна дискуссия. Отстаивание собственного мнения в споре должно подтверждаться убедительными аргументами-примерами, что влияет на развитие мысли и чувства, формирует систему ценностей, определяет поведение растущего человека.

Желательно, чтобы учащиеся сами нашли в тексте и проанализировали употребление формы 3-го лица множественного числа местоимения *они*. Следует помочь им связать найденные примеры с личной трагедией автора, с незаживающей раной — мыслями о погибшем сыне:

Уеду умирать туда. Туда, да. Там у нас есть маленькая дачка. Там мы расстались с нашим бесценным, нашей радостью, нашей жизнью... — Сережей. — Так я любил его, так любил и так потерял страшно. О, если бы чудо! (Из письма к племяннице).

Далее старшеклассникам предлагается прочитать последний абзац главы и понаблюдать за использованием местоимения 2-го лица множественного числа *вы*. В поисках литературных реминисценций стоит вспомнить, например: *Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы. Попробуйте, сразитесь с нами!* (Блок); *Вы, жадную толпой стоящие у трона, Свободы, Гения и Славы палачи!* (Лермонтов). Внимание учащихся должно быть привлечено к антитезе, которая создается с помощью местоимения.

В заключение необходимо вернуться к названию анализируемой главы «Что убивать ходят». Учащиеся отмечают, что сочетание слов «те, что убивать ходят», представляющее по форме часть определительного предложения, многократно повторяется в романе и несет особую смысловую нагрузку. Однако из названия главы писатель убирает местоимение. Старшеклассники пытаются ответить на вопрос: почему? Очевидно, глагол *убивать* становится основной характеристикой не названных, но вполне узнаваемых персонажей, а вся конструкция заключает в себе отрицательную оценку.

Для формирования окончательно суждения о стилистической функции местоимений в произведении одиннадцатиклассникам могут быть предложены вопросы:

Какие местоимения включаются автором в поле отрицательной оценки? Какие местоимения формируют в тексте понятие «чужой»? Какие — «свой»? Продолжите высказывание: «Они — это...».

Подведение итогов урока проводится совместно. Учащиеся определяют, что нового они узнали, что было им особенно интересно; отмечают, что, размышляя над художественным текстом, они получили не готовое, а самостоятельно добытое и поэтому особо ценное представление об идейном содержании произведения; делают вывод о связи формы речи с выраженным в ней смыслом. (Разнообразные экспрессивные и семантические оттенки, которые появляются у местоимений в контексте, открывают безграничные возможности их использования.)

По мнению многих исследователей, масштабы творчества, оставленного нам в наследство Иваном Сергеевичем Шмелевым, далеко не осознаны в полной мере. Как писал А.И. Солженицын: «Это такая правда, что и художеством не назовешь. В русской литературе первое по времени настоящее свидетельство о большевизме. Кто еще так передал *отчаяние* и всеобщую *гибель* первых советских лет, военного коммунизма? Вызывает острое сочувствие к этим бьющимся в судорогах и умирающим. Страшней этой книги — есть ли в русской литературе? Тут целый погибающий мир вбран и вместе со страданием животных, птиц. В полноте ощущаешь масштабы Революции, как она отразилась и в делах, и в душах. (И страшнее всего, что о таком нашем прошлом — нынешний народ почти сплошь не знает.) [Солженицын 1998, Электронный ресурс].

В школьном преподавании художественный текст И.С. Шмелева ценен присущей ему многофункциональностью. Его страноведческая, культурологическая, эстетическая, языковая и воспитательная функции, сочетаясь между собой, оказывают положительное воздействие на мотивацию учащихся, делают процесс обучения более эффективным.

Эпопея И.С. Шмелева «Солнце мертвых» и сегодня, учитывая условия выживания людей в «горячих точках», звучит предостережением. «Теперь, после смерти писателя, на Родину, в Россию возвращаются его книги и служат пробуждению любви

к нашим праотцам, глубинному познанию России, ее корневой системы» [Михайлов 1989: 28]. Так продолжается другая, уже духовная, жизнь писателя на родной земле.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М.М. Язык в художественной литературе // Собр. соч.: в 7 т. — М., 1997. — Т. 5.

Красильникова Л.В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов. — М., 2011.

Михайлов О.Н. Об Иване Шмелеве // И.С. Шмелев. Сочинения. — М., 1989. — С. 5–28.

Резник О.В. «Солнце мертвых» И.С. Шмелева в контексте эмигрантской литературы о гражданской войне // Культура народов Причерноморья. — 2005. — № 74. — Т. 2. — С. 167–172.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. — М., 2008.

Солженицын А.И. Иван Шмелев и его «Солнце мертвых»: из «Литературной коллекции». — Новый мир. — 1998. — № 7 [Электронный ресурс]. — URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/7/dnpisat-pr.html (дата обращения: 17.09.2018).

Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (10–11 кл.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://минобрнауки.рф/документы/> (дата обращения: 17.09.2018)

REFERENCES

Bahtin M.M. Yazyk v hudozhestvennoy literature, in *Sobr. soch.*: v 7 t., Moscow, 1997, vol. 5.

Vinogradov V.V. O yazyke hudozhestvennoy literatury, Moscow, 1959.

Gadamer H.-G. Istina i metod, Moscow, Progress, 1988.

Krasil'nikova L.V. Slovoobrazovatel'nyi komponent kommunikativnoi kompetentsii inostrannykh uchashchihhsya-filologov, Moscow, 2011.

Mikhailov O.N. Ob Ivane Shmeleve, in I.S. Shmelev. *Sochineniya*, M., 1989., pp. 5–28.

Reznik O.V. «Solntse mertvyh» I.S. Shmeleva v kontekste emigrantskoi literatury o grazhdanskoj voine, in *Kul'tura narodov Prichernomor'ya*, 2005, № 74, vol. 2. pp. 167–172.

Ricoeur P. Konflikt interpretatsii: Ocherki o germenevтике, Moscow, 2008.

Solzhenitsyn A.I. Ivan Shmelev i ego «Solntse mertvyh»: iz «Literaturnoi kolleksii», in *Novyi mir*, 1998, № 7, p.28.

Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart srednego (polnogo) obshchego obrazovaniya (10–11 kl.), available at: <https://минобрнауки.рф/документы/> (17.09.2018).

ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА

Викторина, посвященная 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева

Уважаемые любители русского языка!

Вы, конечно, знаете, что в 2018 г. исполняется 200 лет со дня рождения И.С. Тургенева. В связи с этим журнал проводит викторину для учащихся IX–XI классов, посвященную этой знаменательной дате. Ждем ваших писем с ответами по адресу журнала до 1 апреля 2019 г. Итоги викторины будут подведены в мае 2019 г., а призы получат грамоты.

Желаем удачи!

I. В текстах Тургенева встречаются многочисленные диалектизмы. Найдите в приведенных примерах диалектизмы, объясните их значение и определите способ словообразования:

- 1) Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не «живалый»... наслушался вдоволь. («Хорь и Калиныч»).
- 2) Это стремление давным-давно в нем угомонилось и зачичкало. («Два портрета»).
- 3) — ...За стол, господа, за стол, — залотошил Голушкин. («Новь»).

II. В произведениях Тургенева часто используются оценочные наименования лица. Среди них такие существительные, как *заворотень, бирюк, желчевик, карандаш, каплюжник*. Объясните значение этих слов. Какие качества лица они характеризуют?

III. В приведенном фрагменте текста найдите изобразительно-выразительные средства языка, определите их тип.

Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари? Вы выходите на крыльцо... На темно-сером небе кое-где мигают звезды; влажный ветерок изредка набегает легкой волной; слышится сдержанный, неясный шепот ночи; деревья слабо шумят, облитые тенью. Вот кладут ковер на телегу, ставят в ноги ящик с самоваром. Пристяжные ежатся, фыркают и шеголевато переступают ногами; пара только что проснувшихся белых гусей молча и медленно перебирается через дорогу. За плетнем, в саду, мирно похрапывает сторож; каждый звук словно стоит в застывшем воздухе, стоит и не проходит. Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко застучала телега... Вы едете — едете мимо церкви, с горы направо, через плотину... Пруд едва начинает дымиться. Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шипели; вам дремлется. Лошади звучно шлепают ногами по лужам; кучер посвистывает. Но вот вы отъехали версты четыре... Край неба алеет; в березах просыпаются, неловко перелетывают галки; воробьи чирикают около темных скирд. Светлеет воздух, видней дорога, яснее небо, белеют тучки, зеленеют поля. В избах красным огнем горят лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. («Лес и степь»).

IV. В произведениях Тургенева встречаются устаревшие применительно к современному языку цветообозначения, например: *летняя одежда бланжевого цвета, панталоны цвета гри-де-лень* или *блѣ-д-амур*. Какие цвета обозначают эти слова?

V. Объясните смысл названий произведений Тургенева «Вешние воды», «Накануне», «Дым».

VI. Прочитайте стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Русский язык».

- 1) Каким автор изображает русский язык?
- 2) Почему писатель оценивает русский язык как «правдивый и свободный»? Согласны ли вы с его оценкой? Приведите свои аргументы.

Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И.С. Тургенева

Несмотря на большое количество работ, посвященных стилю И.С. Тургенева, язык его произведений изучен недостаточно глубоко и полно. В статье рассматриваются экспрессивные деривационные средства, которые используются в текстах произведений писателя. Цель работы – определение типов и функций словообразовательных единиц в прозе И.С. Тургенева. Выделяются индивидуально-авторские новообразования, анализируется их словообразовательная структура и связь со структурой повествования, особое внимание при этом уделено сложным прилагательным и наречиям, которые выступают в функции эпитета. Эти слова преимущественно называют оттенки цвета или характеризуют внешность и внутреннее состояние персонажа. Как экспрессивное словообразовательное средство, характерное для идиостиля Тургенева, рассматривается морфемный повтор (корневой и аффиксальный), определяются его функции и связь с образной системой текста. Отмечается, что наиболее часто в произведениях Тургенева используется повтор слов с компонентом *полу-*. Делается вывод, что экспрессивные словообразовательные средства могут рассматриваться как один из параметров описания идиостиля Тургенева.

Ключевые слова: *новообразования; неологизм; морфемный повтор; словообразование; ритм; сложение; сращение; экспрессия.*

Nataliya A. Nikolina

Expressive Derivational Means in I.S. Turgenev's Prose.

Despite lots of works on I.S. Turgenev's style the language of his prose is not enough studied. The article deals with used in his works expressive derivational means. This article purpose is to define types and functions of derivational units in the prose by I.S. Turgenev. It is defined authorial innovations, analyzed their derivational structure and the link with the narration structure. The main attention is paid to compound adjectives and adverbs that function as epithets. These words generally name colours and characterize the exterior and inner world of characters. The morphemic repeat (root and affixal) is considered as expressive derivational means peculiar to Turgenev's individual style. It is defined its functions and the connection with the set of images of the text. It's marked that the repeat of words with the component *polu-* is used very often. The author concludes that the expressive derivational means can be considered as one of the specification of Turgenev's individual style.

Key words: *innovations; neologizm; morphemic repeat; derivation; rhythm; composition; fusion; expression.*

Наталья Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, Институт филологии

E-mail: admin@riash.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Николина Н.А. Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И.С. Тургенева // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 32–36. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-32-36.

За Тургеневым уже давно утвердилась «З слава... мастера пластических образов и четко выверенных, соразмерных, “прозрачных” композиций» [Топоров 1998: 8]. Пластичность образов писателя во многом определяется его последовательным обращением к экспрессивным словообразовательным средствам. Они могут рассматриваться не только как значимый фактор связности текста, но и как один из параметров описания идиостиля. При этом необходимо учитывать степень обращения писателя к словотворчеству, типы новообразований, которые он использует, характер

художественных приемов, основанных на употреблении словообразовательных средств, и их роль в тексте.

Тургенев не относится к писателям, для стили которых характерно словотворчество. В отличие от Н.С. Лескова, например, он избегает образований, связанных с нарушением закономерностей русской словообразовательной системы. Тем не менее в текстах Тургенева встречаются отдельные новообразования, которые, как правило, созданы по продуктивным моделям, например:

Между обоими молодыми людьми с некоторых пор установилось какое-то *лжеразвязное* подтрунивание... («Отцы и дети»);

Вечно без гроша и вечно от чего-нибудь в восторге, Ростислав Бамбаев шлялся с криком, но без цели, по лицу нашей *многосносной* матушки земли. («Дым»).

Особенностью новообразований Тургенева является характер их употребления в повествовательной структуре произведений: собственно словообразовательные инновации используются преимущественно не в речи повествователя — они закреплены за речью персонажа и служат ее приметой. Так, в романе «Накануне» в реплике Шубина появляется слово *сочувственник*, новизна которого подчеркивается в авторской речи:

— ...Если ты не сочувствуешь...

— Эх, ты, сочувственник! — брякнул Шубин и сам засмеялся *новоизобретенному* слову...

В романе «Дворянское гнездо» новообразования включены в реплики Михалевича. Это сложное абстрактное существительное с префиксоидом *сам(о)-* — *самонаслаждение* и префиксально-суффиксально-постфиксальный глагол *обайбачиться*, ср.:

— Ты эгоист, вот что, — гремел он [Михалевич] час спустя, — ты желал *самонаслаждения*...

— Что такое *самонаслаждение*?;

...Ты байбак, и ты злостный байбак... И когда же, где же вздумали люди *обайбачиться*...

К речи персонажа отсылает и префиксально-суффиксальное новообразование *вприпрыжку*, которое в контексте соотносится со словом той же словообразовательной структуры — наречием *вприпрыжку*:

¹ Здесь и далее цитаты из произведений И.С. Тургенева приводятся по: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. — М., 1981. — Т. 7.

...Паклин и пустился вперед, как он говорил, не вприпрыжку, а *вприхрамку*. («Новь»).

Некоторые новообразования восходят к распространенным в изображаемой среде прозвищам и названиям реалий. Например, в тексте повести «Клара Милич» слово *инсектонаблюдатель*, образованное сложением, комментируется как прозвище главного героя, данное ему приятелями:

Он даже слыл у них чернокнижником, даже прозвище получил *«инсектонаблюдателя»*.

В том же произведении в речи тетки героя — Платониды — употреблено сложно-суффиксальное образование *хвостовозка*, которое также сопровождается авторским метаязыковым комментарием:

— Ты, наверное, на этом утре встретил какую-нибудь из этих *хвостовозок*... (Платонида Ивановна называла так всех барынь, носящих модные платья)...

В романе «Накануне» упоминается диван «Самосон»: *Увар Иванович почивал... на широком и удобном диване, получившем прозвище «Самосон»*. Это сложное существительное восходит к домашней речи в семье Тургеневых: так называли любимый диван писателя в Спасском.

К собственно индивидуально-авторским новообразованиям в произведениях Тургенева примыкают неологизмы XIX в., не ставшие фактом литературного языка, но ярко отражающие изображаемый писателем период. Эти слова, возможно, распространенные в свое время в узкой социальной сфере, опять же вводятся в текст как примета речи персонажа. Так, например, в речи Маркелова в романе «Новь» вызывает интерес образованное усечением существительное *реак* (*реакционер* — *реак*), которое показывает, что усечение, которое традиционно рассматривается как способ, сформировавшийся в XX в. [Земская: 1975], в качестве средства компрессивного словообразования уже использовалось в XIX в.:

С людьми высшего полета, с *«реаками»*, как он выражался, он был крут и даже груб.

В тексты произведений Тургенева последовательно включаются слова, ставшие знаками определенных общественных явлений, политических течений: *нигилист*, *нигилизм*, *опроститься* и др., например:

— Как вы сказали, Татьяна? *Опрóститься?*

— Да... такое у нас теперь слово пошло. С простым народом, значит, заодно быть. *Отроститься*. («Новь»).

Чуткость Тургенева к «ключевым словам текущего момента» может сочетаться с авторской иронией. Так, в романе «Новь» концентрация их в одном метафорическом контексте явно создает ироническую экспрессию; при этом писатель тонко группирует слова, объединяя их по сходству звучания или по общности форманта, включая в эти ряды и неологизмы; ср:

Как первые снежинки кружатся, быстро сменяясь и пестрея еще в теплом осеннем воздухе, — так в разгоряченной атмосфере голушкинской столовой завертелись, толкая и тесня друг дружку, всяческие слова: прогресс, правительство, литература; податный вопрос, церковный вопрос, женский вопрос, судебный вопрос; классицизм, реализм, нигилизм, коммунизм; интернационал, клерикал, либерал, капитал; администрация, организация, ассоциация и даже кристаллизация! («Новь»).

Избегая окказионализмов, Тургенев регулярно обращается к потенциальным словам-эпитетам. Как и у его современников: А.И. Герцена, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, — это преимущественно имена прилагательные и качественные наречия, образованные сложением или сращением. Такие эпитеты используются обычно в авторской речи, например:

Приторно-лукавая улыбка растягивала ее ввалившиеся губы («Ася»);

Гамлет не хохочет *демонско-безучастным* хохотом Мефистофеля... («Гамлет и Дон Кихот»);

Он [буйвол] косо повел белками *бессмысленно-злых* глаз («Призраки»);

Она [Ася] так *детски-простодушно* смотрела на меня («Ася»);

Днем сосны синеватые бывают, а какие они *великолепно-зеленые* вечером («Накануне»);

Она [Мария Дмитриевна] крестилась *изнеженно-небрежно*, по-барски... («Дворянское гнездо»).

Таким образом, для новообразований Тургенева характерна дифференциация, определяемая типом нарратива: потенциальные эпитеты представлены в речи нарратора, другие типы новообразований — в речи персонажей.

Среди сложных эпитетов преобладают прилагательные, обозначающие различные оттенки цвета, а также психологические эпитеты, характеризующие внутреннее

состояние человека, его голос, улыбку, выражение лица. Ср., например:

...Вошел человек лет пятидесяти, в мундирном фраке, коренастый, плотный, с *молочно-белесоватыми* глазами на *избура-красном* лице... («Несчастливая»);

На лице моего слуги играла особенная, *сдержанно-насмешливая* улыбочка («Странная история»);

Лицо у Житкова было длинное, лошадиное; оно все обросло *пыльно-белокурыми* волосами... («Степной король Лир»);

И голос у него оказался такой, какого следовало ожидать: густой и *самоуверенно-сочный*... («Вешние воды»);

Мы словно перенеслись в сказочное царство, в царство *бело-золотистой* мглы... («Стук... стук... стук!..»).

«Разнообразие и богатство эпитетов в стиле И.С. Тургенева сочетается с целой системой своеобразных усилителей, добавочных эмоциональных обертонов, несущих значительную художественную нагрузку» [Алиомарова 2010: 20]. Редко используя индивидуально-авторские новообразования, Тургенев часто обращается к такому экспрессивному словообразовательному средству, как морфемный повтор. В произведениях писателя преимущественно используется контактный повтор морфем в двух соседних словах, однако встречаются и ряды из трех-четырех слов, объединенных повтором одной морфемы, чаще аффикса или аффиксоида; ср.:

Катя... не отказывала ни ему, ни себе в невинном удовольствии *полустыдливой, полудоверчивой* дружбы («Отцы и дети»);

...Лишь изредка, из-под личины *мнимомо-гражданского* негодования, *мнимомо-презрительного* равнодушия плаксивым писком пищала боязнь возможных убытков... («Дым»);

Таких *беззубеньких, кисленьких, дряхленьких, дрябленьких* звуков Нежданов не слыхивал отроду... («Новь»).

Особенно часто используется повтор оценочных суффиксов:

Он [Нежданов] видел перед собой господина наружности почтенной и немного туповатой, *лобастого, глазастого, зубастого, бородатого*... («Дым»);

На пороге показалась *кругленькая, низенькая* старушка в белом чепце... («Отцы и дети»).

Такой повтор преимущественно характерен для описания персонажей.

Источником экспрессии в прозе Тургенева в этом случае регулярно служит и использование не повторяющихся в контексте аффиксов, выражающих различные виды субъективной оценки. Ср., например:

Арина Власьевна была настоящая русская *дворяночка* прежнего времени («Отцы и дети»);

Вижу: человек в синей свитке с заплатами и в рваном картузе, так... *мещаниншко* по наружности, стоит ко мне спиной... («Собака»);

Сидит на креслах *маленькая желтенькая старушонка* и глазами моргает («Петр Петрович Каратаев»).

Для усиления экспрессии привлекаются и диалектизмы с оценочными суффиксами:

...Я никогда не видывал более пронизательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые *«гляделки»* («Певцы»).

Однако чаще оценочные дериваты в текстах писателя объединены именно повторяющимися в контексте аффиксами.

Морфемный повтор в прозе Тургенева нередко связан с приемом обнажения деривационных связей слова: в одном контексте употребляются мотивирующее и производное слова. В результате выявляются направление мотивации и внутренняя форма деривата, например:

Уже совсем *«вызвездило»*, когда он (Санин) вышел на крыльцо. И сколько же их высыпало этих *звезд...* («Вешние воды»);

Пока мы таким образом беседовали с Пуниным, осторожно выступая по... тротуарам *«белокаменной»* Москвы, той самой Москвы, в которой нет ни одного *камня* и которая вовсе не *бела*, — Муза тихонько шла с нами... («Пунин и Бабурин»).

Морфемный повтор в прозе Тургенева характерен преимущественно для ряда однородных определений, для сказуемых в однородных предикативных частях сложного предложения (как правило, это глаголы с префиксом *за-*). Однако в ряде случаев повтор охватывает глагол (или прилагательное) и его синтаксический дериват, например:

Тайный внутренний червь продолжал точить и *грызть* Нежданова, но чем эта *грызть* была сильней, тем громче и бесповоротнее говорил он («Новь»);

...Сторона роши, обращенная стеною в поле, вся... *сверкала* мелким *сверканьем...* («Свидание»).

Отличительной особенностью идиостиля Тургенева является интенсивное использование двухкомпонентных построений с повторяющимися префиксом *полу-* со значением неполноты признака. Преимущественно это имена прилагательные, однако встречаются также существительные и наречия; ср.:

Они стояли неподвижно... и с молчаливым, *полуизумленным, полурадостным* волнением глядели оба прямо перед собою («Новь»);

Это был стройный мальчик... с постоянной *полувеселой, полурассеянной* улыбкой («Бежин луг»);

Полудержко, полувесело шурились темные глаза... («Ася»);

А потом первые робкие посещения, *полуслова, полуулыбки*, и недоумение, и грусть, и порывы... («Отцы и дети»);

...Это скачет молодой женский кентавр, *полузверь* и *полубог...* («Вешние воды»).

Обращение к сочетаниям слов с повторяющимся компонентом *полу-* позволяет отказаться от жестких дефиниций, изобразить пограничные состояния, показать взаимосвязь внешне противоречивых признаков, создать эстетический эффект недоопределенности, актуализировать «мерцающие» смыслы объединяемых в контексте лексических единиц.

Повтор в прозе Тургенева не столько средство связи фрагментов текста, сколько средство художественной выразительности.

Контактный повтор тождественных или синонимичных морфем служит способом развития одной из микротем текста и актуализации связанных с ней семантических признаков. Например, в романе «Новь» своеобразное «путешествие в XVIII век» и описание Фимушки и Фомушки Субочевых строятся на концентрации в контексте существительных-димиутивов разных словообразовательных типов и прилагательных с уменьшительно-ласкательными суффиксами; ср.:

...Пудра, *фижмы*, XVIII век! Хозяева... представка: муж и жена, оба *старенькие-престаренькие...*; *кругленькие, пухленькие, опрятенькие*, настоящие *попугайчики-переклитки...*;

И были в нем [в доме Субочевых] всевозможные *сенцы*, и *горенки*, и светлицы, и *хороминки*, и *рундучки* с *перильцами*, и голубцы на точечных *столбиках*, и всякие задние *переходцы* и каморки... А в саду — что *клетушек, кунок, амбарчиков, погребков, ледничков...* — как есть гнездо!

Кроме того, ряды существительных или прилагательных, объединенных морфемным повтором, определяют ритм тургеневской прозы — «ритм с легким и быстрым нарастанием ударности в градации эпитетов... с рассеянной, растерянной концовкой» [Чичерин 1977: 219].

Ритмизации текста и гармонизации его структуры способствует также внутренняя рифма, которая возникает в словах, связанных контактными морфемным повтором, например:

Все в доме *притихло* и *приникло* («Накануне»);
Промелькнул опять *флейтист*, *прогремел*
опять *пианист* («Клара Милич»);
Бледно-серое небо *светлело*, *холодело*, *синело* («Бежин луг»).

Дистантный морфемный повтор, выступающий в усилительно-выделительной функции, служит средством развертывания или акцентирования художественного образа. Так, в повести «Вешние воды» соотносится эпитет *змеевидные* (косы) и метафорический предикат *змеиться*: *На губах змеилась торжество*. Их корреляция определяет оценочную характеристику Марии Николаевны Полозовой и создает образ «змеи», который в свою очередь взаимодействует в тексте с образом ястреба: *У ястреба, который когтит пойманную птицу, такие бывают глаза*.

В романе «Новь», в сцене самоубийства Нежданова, повторяются лексемы с корнем *крив-* (*кривой*, *искривлено*). Актуализируемый в результате семантической компонент ассоциативно соотносится с самооценкой героя и одним из ключевых в тексте мотивом «вывихнутости»; ср. признание Нежданова и оценку им Марианны:

Я был рожден *вывихнутым*... хотел себя выправить, да еще хуже себя вывихнул;

Очень она нервическое существо; это тоже по моей части. И *вывихнута* (выделено Тургеньевым. — *Н.Н.*) она так же, как я...

Таким образом, морфемный повтор в произведениях Тургенева последовательно характеризует отдельный образ, тему или мотив текста. Он может выполнять текстообразующую и интегративную функции. Так, например, цикл «Стихотворения в прозе» («*Senilia*») объединен корневым повтором слов, относящихся к семантическому полю «Смерть».

Итак, для идиостиля Тургенева характерно интенсивное использование экспрессивных словообразовательных средств: оценочных новообразований разных словообразовательных типов, контактного и дистантного морфемного повтора, диминутивов, сложений с компонентом *полу-*, потенциальных сложных эпитетов. Эти средства участвуют в развертывании мотивов текста и создании художественных образов, значимых для реализации идейно-эстетического содержания произведения, а также способствуют ритмизации текста.

ЛИТЕРАТУРА

Алиомарова Д.М. Языковая картина мира в прозе И.С. Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2010.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. — М., 1973.

Топоров В.Н. Странный Тургенев. — М., 1998.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. — М., 1978–2014.

Чичерин А.В. Очерки по истории русского литературного стиля. — М., 1977.

REFERENCES

Aliomarova D.M. Yazykovaya kartina mira v proze I.S. Turgeneva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Mahachkala, 2010.

Zemskaya E.A. Sovremennyyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie, Moscow, 1973.

Toporov V.N. Strannyi Turgenev, Moscow, 1998.

Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t., Moscow, 1978–2014.

Chicherin A.V. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilia, Moscow, 1977.

«Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева: «внутренний» хронотоп как циклообразующий признак

Циклообразующие признаки, лежащие в основе «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева, недостаточно изучены, хотя исследование цикла имеет длительную историю. Статья посвящена своеобразию пространственно-временной организации произведения. Хронотоп миниатюры «Деревня» и двух «зеркальных» миниатюр «Череп» и «Стой!» рассматривается как подобие целого в плане организации пространства внешнего и внутреннего и времени частного и «всечеловеческого» соответственно.

Ключевые слова: *время; композиция; цикл; циклообразующие признаки; художественное пространство; хронотоп; ключевые оппозиции; слова-лейтмотивы.*

Elena Yu. Gejmbuh

«Prose Poems» by I.S. Turgenev: «Inner» Chronotope as Cycle-organized Characteristics.

The cycle-organized characteristics underlied «Prose Poems» by I.S. Turgenev are understudied though the cycle investigation has the long history. The article is dedicated to the originality of «inner» chronotope as the cycle-organized characteristics of «Prose Poems». The chronotope of the miniature «Derevnya» and two «reflex» miniatures «Cherepa» and «Stoy!» is considered as the something like the whole according to organization of the extra- and inner-space and local and panhuman time.

Key words: *time; composition; cycle; cycle-organized characteristics; artistic space; chronotope; key oppositions; words as keynotes.*

Содержание «Стихотворений в прозе» И.С.Тургенева подтверждает мысль о том, что смысл целого не складывается из «суммы содержаний» отдельных «стихотворений», или, по словам И.В. Фоменко, «взаимодействие текстов рождает новые смыслы, недоступные при отдельном восприятии произведений, входящих в цикл» [Фоменко 1990: 5].

Какие же «новые смыслы» рождаются в «Стихотворениях в прозе» сверх / поверх смыслов отдельных миниатюр?

На наш взгляд, идеальный ответ на этот вопрос дал Л. Гроссман, подчеркнувший, что в цикле находит свое совершенное

выражение парадоксальность тургеневского мироощущения: «Перед безнадежной пустотой неба, перед равнодушием природы и ужасом смерти, перед слепыми силами судьбы и ничтожества людской среды жизнь получает смысл лишь от глубокой привязанности, от евангельской правды, от создания новой красоты. Любовь, кротость, творчество — вот что надписывает Тургенев на своем светлом барельефе против пасмурного: *Necessitas, Vis, Libertas*. Вот почему под тяжким бременем хаоса жизнь все же прекрасна» [Гроссман, Электронный ресурс].

Каким же образом складывается ощущение содержательного единства цикла, если тематика отдельных «стихотворений» удивительно многообразна? Та напряженность, которая свойственна И.С. Тургеневу и в постановке, и в решении волнующих его проблем, и та парадоксальность, о которой пишет Л. Гроссман, просматриваются в системе антонимов, через которую, как правило, и определяется тематика цикла: жизнь и смерть, человек и природа, молодость и старость, истинное и ложное, сиюминутное и вечное и т.п. (отметим, что в самом цикле мало произведений, названия которых содержит антонимы: «Враг и друг», «Чернорабочий и белоручка», «Писатель и критик», «Истина и правда»).

Елена Юрьевна Геймбух, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, Институт гуманитарных наук

E-mail: gejmbuh@rambler.ru

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Москва, 129226, Россия

Moscow City University

4, 2nd Selskokoziastvenny Proezd, Moscow, 129226, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Геймбух Е.Ю. «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева: «внутренний» хронотоп как циклообразующий признак // Русский язык в школе. — 2018. — № 9. — С. 37–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-37-41.

Мы считаем, что ответ на вопрос о единстве цикла может быть найден при обращении к циклообразующим признакам. Изучение циклов — как лирических, так и эпических — имеет обширную историю (см., например: [Фоменко 1990; Лукин 1997; Хализев 1989; Афонина 2005; Егорова 2004; Ляпина 1999; Нестерова 2012; Шрага 2009] и др.). Признаки цикла могут выделяться как на линейном (И.В. Фоменко), так и на вертикальном (В.А. Лукин) уровне.

И.В. Фоменко выявляет систему универсальных циклообразующих связей: заглавие, композиционное строение, лексика, метрика, пространственно-временные отношения [Фоменко 1992: 90]. Заглавие тургеневского цикла уже не раз становилось предметом изучения; метрической организации в прозаическом тексте мы не видим, поэтому обратим внимание на такие признаки, как лексика, композиция, хронотоп.

Циклообразующее начало лексики, по мнению И.В. Фоменко, основано на повторении ключевых слов, выполняющих роль «скреп» между отдельными произведениями. Такие «скрепы» явно просматриваются и в «Стихотворениях в прозе» — мы их определили как ключевые оппозиции / антонимичные пары. Отметим, что в тургеневском цикле выявляется еще и целая система повторяющихся слов, которыми «обрастают» слова-лейтмотивы и которые раскрывают специфику отношения к проблеме. Так, «жизнь» для И.С. Тургенева непосредственно связана с «молодостью», и ассоциативным шлейфом к «жизни» становятся слова, имеющие явную или скрытую сему 'молодость': *молодые лета, молодой, свежесть, дерзостно, счастливо, бойкий, веселый, резвый, красивый, утро, май, поэзия (О поэзия! Молодость! Женская, девственная красота! Вы только на миг можете блеснуть передо мною — ранним утром ранней весны!* «Посещение»). Старость в «Стихотворениях в прозе» — уже не жизнь, а ожидание смерти (*Лежи, больное существо, пока смерть тебя същит.* «Куропатки»). В этом со- и противопоставлении ключевых оппозиций «молодость / жизнь» и «старость / предчувствие смерти» кроется, по И.С. Тургеневу, специфика хронотопа человеческой жизни.

Пространственно-временные отношения становятся, по мнению И.В. Фоменко, циклообразующим началом в том случае, когда композиция «создает иллюзию

объективного развития самой действительности» [Фоменко 1992: 93]. Если же соотношение произведений в цикле основано на «прихотливости ассоциативных сцеплений», то имеет место «опосредованное воссоздание отношения к миру», через которое передается «меняющийся мир и меняющееся восприятие» [Там же: 95]. Однако даже если в «Стихотворениях в прозе» нет «объективного развития» действительности и сам автор советует читать произведения «враздробь», в цикле все равно можно выявить тип хронотопа, определяющий авторское мировидение как с точки зрения пространственно-временной организации изображаемого мира (например, время частное и «всечеловеческое», пространство внешнее и внутреннее), так и в аспекте пространственно-временной организации художественного текста (например, единство ментального и событийного сюжетов). К примеру, частное время человеческого бытия в цикле И.С. Тургенева не только включает в себя жизнь и ее воплощения (молодость, поэзия, счастье) и старость, болезни — предвестники смерти, но и вбирает отблески вечности, благодаря чему и преодолевается трагедийное звучание отдельных миниатюр.

Иной подход к выявлению признаков цикла представлен в работе В.А. Лукина «Текст с самоописанием в изоморфном ему интертекстуальном пространстве» [Лукин 1997], в которой автор пытается найти ответ на вопрос, что же заменяет в циклах лирических прозаических миниатюр жесткую последовательность расположения произведений.

Если И.В. Фоменко изучает линейное развертывание цикла как единого целого, то В.А. Лукин выстраивает сложную, многоуровневую, иерархически организованную структуру; в ее основании — особые тексты, «носители связности, которые отсылают к другим текстам, выполняя таким образом метатекстовую функцию» [Там же: 8]. Произведения такого рода исследователь называет текстами с самоописанием и утверждает, что они являются одновременно и частью целого, и его подобием. В «Стихотворениях в прозе» В.А. Лукин обнаружил два текста-самоописания — «стихотворения» «Фраза» и «Кубок», которые писатель считал глубоко личными и которые так и остались неопубликованными при его жизни. Признаками текстов с самоописанием исследователь называет «сверхиконичность, макроперформативность

и метатекстовость» [Лукин 1997: 16]. «Текст с самоописанием, — утверждает В.А. Лукин, — появляется во фрагментарном интертекстуальном пространстве. В нем он возглавляет центростремительные силы, объединяющие тексты» [Там же: 17].

На наш взгляд, так как художественный текст — явление многоярусное, многоуровневое, то и «тексты с самоописанием» могут актуализировать подобие части и целого на разных уровнях. Если «Фраза» и «Кубок» «описывают» соотношение автор — текст, то «стихотворение в прозе» «Как хороши, как свежи были розы...» посвящено процессу преодоления трагичности мироощущения и его преобразования в «светлую печаль», переходу от прощания с жизнью к утверждению бесконечности жизни как таковой.

Вероятно, можно найти «центростремительные силы, объединяющие тексты» [Там же], и на хронологическом уровне, т.е. выделить «стихотворения», являющиеся не только частью целого, но и его подобием. Рассмотрим пространственно-временную организацию изображаемого мира на материале «стихотворения» «Деревня» (пространство внешнее и внутреннее) и двух «зеркальных» миниатюр «Череп» и «Стой!» (время частное и «всечеловеческое»).

Спецификой соотношения пространства внешнего и внутреннего в тургеневском цикле является интериоризация как «наследие» лирического рода, когда «всё» становится частью «я». Процесс такого превращения представлен в первом «стихотворении» цикла.

Основа «Деревни» — переживание летнего дня где-то в центре России: *Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия — родной край*. Благодаря двум номинативным предложениям бытийного характера, семантика которых — существование здесь и сейчас, лирический герой сразу же вписывает себя в окружающий мир.

Лирический герой одним взглядом окидывает и природу вокруг — до *конца-края земли и неба*, и деревню, и деревенских жителей. И хотя в описании есть глаголы, быстрая смена впечатлений не дает возможности развиться ни одному действию, и кажется, будто описана не живая жизнь, а картина:

Ровной синевой залито всё небо; одно лишь облачко на нем — не то плывет, не то тает;

Русокудые парни <...> зубоскалят. Из окна выглядывает круглолицая молодка... <...> Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца....

Ощущению «картинности» способствует и перенесение прямой речи персонажа в дискурс автора, ее оформление кавычками и включение частицы *мол*: «*Кушай, мол, на здоровье, заезжий гость!*»

В основной части миниатюры господствуют глаголы настоящего времени несовершенного вида (в описании состояния природы: *звенят, воркуют, реют, фыркают и жуют; не лают и стоят, пахнет*; мира, окружающего человека: *стекла отливают, стоит лавочка, темнеют сени*; самого человека — субъекта и объекта восприятия: *лежу, перекидываются словами, смеется, стоит, улыбаются, держит* и др.). Это настоящее актуальное, которое на протяжении описания сближается с настоящим изобразительным: «Картина выходит за пределы “непосредственного видения”, восприятия и, как художественное обобщение, приобретает независимость от момента речи, освобождается от прикрепленности лишь к этому моменту» [Русская грамматика 1980, 1: 631].

Интериоризация окружающего мира подчеркивается в финале выходом лирического героя из состояния созерцания, что отражается в использовании наречия *вдруг* и смене видо-временных форм глаголов: на первом плане здесь глаголы прошедшего времени совершенного вида (*вдруг... закричал... похлопал... промычал...*), а прямая речь вынесена за пределы авторского монолога.

Специфика настоящего времени (сближение семантики актуального и изобразительного) имеет двойное значение в тургеневском тексте. С одной стороны, усиливается ощущение, что изображенная гармония в мире — это не столько мгновенное его состояние, сколько постоянное качество (этот вывод подкрепляется финальными восклицаниями). С другой стороны, окружающее оказывается открытым не только внешнему взгляду лирического героя, но и его внутреннему зрению, и в недрах внутреннего «я» возникают риторические вопросы, о значимости которых свидетельствует их расположение в самой сильной позиции текста — в финале.

Итак, идиллическая картина описания деревни завершается двумя восклицаниями лирического героя. Первое из

них — подведение итогов наблюдений за той жизнью, частью которой хоть на время становится и лирический герой: *О, довольство, покой, избиток русской вольной деревни! О, тишь и благодать!* Семантика данных номинативных предложений (как и первых) — утверждение «события, ситуации, представленных в полном отвлечении от их носителя или производителя» [Русская грамматика 1980, 2: 357]. Междометие с функцией интенсификации и восклицательная интонация усиливают бытийное значение предложений.

Однако в следующем абзаце происходит смысловой «толчок», сдвиг, о которых как о свойстве лирики говорит Т. Сильман: «...лирическое стихотворение... распадается на две части: эмпирическую и обобщающую... Лирический герой как бы еще раз... окидывает взором эмпирическую сторону событий, чтобы постигнуть и ощутить их суть» [Сильман 1977: 7]. *Тишь и благодать* оказываются недостижимыми для лирического героя, который внутренне все же отделяет себя от изображаемого:

И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде, и всё, чего так добиваемся мы, городские люди?

А так как семантика данного риторического вопроса — «уверенное экспрессивно окрашенное отрицание» [Русская грамматика 1980, 2: 395], получается, что лирический герой в силу своей принадлежности к «городским людям» не причастен к деревенскому покою. Кванторное же местоимение *всё* делает финал «Деревни» открытым, и все остальные миниатюры цикла (кроме второй) кажутся иллюстрациями к этому *всё*: беспокойные люди пытаются понять, можно ли убежать от смерти («Старуха»), что есть жизнь («Собака»), что за пределами жизни («Соперник») и т.д. Отметим, что *всё* воспринимается как «чужое», либо становящееся своим, либо отталкиваемое им.

Таким образом, от первого стихотворения цикла ко всем другим протянуты ниточки на разных уровнях: тематическая общность определяется поисками ответа на вопрос, *чего так добиваемся мы, городские люди?*; субъектная структура цикла предопределена референциальной неоднозначностью субъекта речи (*мы* — это и все русские люди, и только «городские»); пространство внешнее воспринимается как фрагмент внутреннего пространства лирического героя.

Отметив специфику пространственных отношений в цикле («всё» как часть «я»), обратим внимание на его временную организацию. В качестве примера привлечем не одну миниатюру, а две, в соотношении которых наиболее ярко раскрывается своеобразие взглядов И.С.Тургенева на бытие в целом и на оппозицию «сиюминутное — вечное» в частности.

Миниатюры «Череп» и «Стой!» можно, вероятно, назвать «зеркальными», так как проблема «сиюминутное — вечное» представлена в «стихотворениях» антонимически, и именно эта полярность делает данные тексты подобием цикла в целом.

«Череп» построены на сопоставлении двух изображений одного разговора. Номинативные предложения в начале миниатюры, как и в «Деревне», вписывают говорящего в окружающий мир. Однако эпитет и неопределенно-личное предложение однозначно отделяют лирического героя от восторженного «множества»: *Идет трескучий разговор об одной известной певице; Ее величают божественной, бессмертной...* В третьем абзаце, опять при помощи *вдруг*, внешнее изображение сменяется «внутренним видением», и рассуждающими о бессмертии оказываются черепа: *...удивительно, неподражаемо бессмертная... да, бессмертная певица пустила свою последнюю трель!* Разительный контраст между тем, что лирический герой видит, и тем, что слышит, и обуславливает ту горькую иронию, которой наполнена миниатюра: чувство причастности к вечности — не более чем иллюзия человека.

Однако миниатюра «Стой!» предлагает иной взгляд на бессмертное — духовное приобщение к *тайнам поэзии, жизни, любви* — и утверждает, что *другого бессмертия нет — и не надо!* При этом лирический герой не отрицает естественного хода бытия: *...ты снова щепотка пепла, женщина, дитя...* Но то мгновение, когда человек чувствует себя причастным к вечности, остается с ним *навсегда, не кончится никогда*. А так как поэзия и музыка бессмертны, то бесконечно и счастье от возможности выразить и почувствовать их красоту.

В каждом из «стихотворений» идет речь о «бессмертной» певице, но в первом невозможность бессмертия подчеркивается изображением физической смертности человека, а во втором, напротив, утверждается возможность *бессмертного мгновения*, в котором певице удалось *выразить...*

красоту и в котором она *стала вне всего преходящего, временного*. Другими словами, в центре тургеневского мироздания — не физиологическая ипостась человека, а его духовное бытие, которое не подвластно законам природы и про которое действительно можно сказать «божественное, бессмертное». Кроме того, весь окружающий мир является частью «я», которое вбирает в себя «всё». И пока человек жив, ощущение «всё во мне и я во всем» (Ф.И. Тютчев) дает ему возможность чувствовать себя бессмертным.

Таким образом, пространственно-временная организация художественного мира «Стихотворений в прозе» является циклообразующим признаком, а «тексты с самоописанием» на разных уровнях (в том числе и на хронотопическом) эксплицируют внутренние связи между миниатюрами, благодаря чему при дискретности повествования возникает ощущение единства художественного мира.

ЛИТЕРАТУРА

Афо́нина Е.Ю. Поэтика авторского прозаического цикла: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2005.

Гроссман Л. Последняя поэма Тургенева [Электронный ресурс]. — URL: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/grossman-poslednyaya-poema.htm>

Егорова О.Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2004.

Лукин В.А. Текст с самоописанием в изоморфном ему интертекстуальном пространстве. На материале «Senilia. Стихотворения в прозе» И.С.Тургенева. — Орел, 1997.

Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. — СПб., 1999.

Нестерова С.В. Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2012.

Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1—2.

Сильман Т. Заметки о лирике. — Л., 1977.

Фо́менко И.В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. — Тверь, 1992.

Фо́менко И.В. Поэтика лирического цикла: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1990.

Хализев В.Е., Шешунова С.В. Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина»: учеб. пособие для вузов. — М., 1989.

Шрага Е.А. Прозаическая циклизация и ее роль в русском литературном процессе 1820—30-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 2009.

REFERENCES

Afonina E.Yu. Poetika avtorskogo prozaicheskogo tsikla: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Tver', 2005.

Grossman L. Poslednyaya poema Turgeneva, available at: <http://turgenev-lit.ru/turgenev/kritika-o-turgeneve/grossman-poslednyaya-poema.htm>

Egorova O.G. Problema tsiklizatsii v russkoi proze pervoi poloviny XX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk, Volgograd, 2004.

Lukin V.A. Tekst s samoopisaniem v izomorfnom emu intertekstual'nom prostranstve. Na materiale «Senilia. Stihotvoreniya v proze» I.S.Turgeneva, Orel, 1997.

Lyapina L.E. Tsiklizatsiya v russkoi literature XIX veka, Sankt-Petersburg, 1999.

Nesterova S.V. Tsiklichesкое tekstopostroyeniye v maloi epicheskoi proze: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Tver', 2012.

Russkaya grammatika, Moscow, 1980, vol.1—2.

Sil'man T. Zametki o lirike, Leningrad, 1977.

Fomenko I.V. Liricheskii tsikl: stanovlenie zhanra, poetika, Tver', 1992.

Fomenko I.V. Poetika liricheskogo tsikla: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk, Moscow, 1990.

Halizev V.E., Sheshunova S.V. Tsikl A.S. Pushkina «Povesti Belkina»: ucheb. posobie dlia vuzov, Moscow, 1989.

Shraga E.A. Prozaicheskaya tsiklizatsiya i ee rol' v russkom literaturnom protsesse 1820—30-h gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, Sankt-Petersburg, 2009.

Краh человеческого в человеке

(Лингвостилистический анализ рассказа

А.И. Солженицына «Случай на станции Кочетовка»)

В статье дан лингвостилистический анализ рассказа А.И. Солженицына «Случай на станции Кочетовка». Цель статьи – показать, как по воле случая преданный делу Ленина и партии человек совершает двойное убийство – физическое и нравственное. Автор анализирует причины, по которым стало возможно нравственное падение героя, выявляет языковые средства, помогающие раскрыть социальные истоки крушения человеческого в человеке.

Ключевые слова: *случай; трансформация семантики; отрицательные конструкции; синтаксический параллелизм; система противопоставлений; окказионализмы-характеристики; вставные конструкции; человеческое начало.*

Elena A. Frolova

Crash of Human in a Human Being (Linguostylistic Analysis of the Story «Sluchai na Stantsii Kochetovka» by A.I. Solzhenitsyn).

The article presents the linguostylistic analysis of the story «Sluchai na stantsii Kochetovka» by A.I. Solzhenitsyn. Its aim is to show how the true-believing man can commit double homicide – bodily and moral. The author analyses the reasons of the character's moral lapse possibility, defend language means that can discover the social origins of crashing human in a person.

Key words: *event; semantics transformation; negative constructions; syntactic parallelism; system of oppositions; occasionalisms-characteristics; expletive constructions; human source.*

...Солженицын гениально изображает страсти социальные. И в этом ему, конечно, помогает его время, такое ужасное.

А.Ф. Лосев

Рассказ А.И. Солженицына «Случай на станции Кочетовка» был написан в период «оттепели», в 1962 г., и через два месяца опубликован в журнале «Новый мир» вместе с рассказом «Матренин двор». По мнению В. Шаламова, «Случай» – обвинительный акт большой силы, который «по своей художественной силе не уступает “Ивану Денисовичу”, а кое в чем даже превосходит» [Случай на станции... Электронный ресурс]. Это одно из

немногих произведений русского писателя, в котором действие происходит во время Великой Отечественной войны. Рассказ основан на реальном событии, произошедшем на станции Кочетовка с приятелем Солженицына – Леонидом Власовым. Главный герой произведения помощник коменданта станции Василь Васильич Зотов, человек с твердыми нравственными принципами, всегда поступающий по совети, по воле случая оказывается вершителем судеб человеческих: совершает двойное убийство – отправляет на физическую смерть бывшего артиста, окруженца Игоря Дементьевича Тверитинова, одновременно разрушая в себе человеческое начало.

Одним из ключевых в рассказе становится слово *случай*, вынесенное в заголовок текста. В соответствии с данными «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, в семантике данной лексемы объединены семы ‘факт’ («1. Положение, происшествие, то, что произошло, случилось»), ‘пространственно-временная ситуация’ («2. Подходящее время, обстоятельство») [Ожегов 1985: 636] и ‘непреднамеренность’. Солженицын рассказывает случай, произошедший в случайном

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Институт филологии

E-mail: frojlen@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Фролова Е.А. Краh человеческого в человеке (Лингвостилистический анализ рассказа А.И. Солженицына «Случай на станции «Кочетовка») // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 42–47. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-42-47.

месте. Узловая железнодорожная станция, на которой происходят события, — «не место обитания», а «пункт следования, который все минуют» [Седакова, Электронный ресурс], одни благополучно, другие нет. И одновременно это место встреч по воле случая.

Описывая один день из жизни Зотова, А.И. Солженицын подготавливает нравственное падение героя. Силой обстоятельств лейтенант Зотов загнан на прифронтовую станцию, где вынужден сидеть в маленькой угловой комнате линейной коммандатуры, *откуда уже дальше не было двери*. Отсутствие выхода имеет прямой и переносный смысл: герой мучается от невозможности участвовать в военных действиях и от бессмысленности своей деятельности. Писатель подчеркивает роль войны в хаосе природной и человеческой жизни. Стихия начинает управлять жизнью и поведением людей:

Зато дождь и навел порядок: не было этой *бестолковой людской перетолчки*, постоянного *кишения* гражданских на платформах и по путям, нарушавшего приличный вид и работу станции. *Все спрятались, никто не лазил* на карачках под вагонами, *не перелезал* по вагонным лесенкам, местные *не перлись* с ведрами вареной картошки, а пассажиры товарных составов *не бродили* меж поездов, *как на толкучке*, развесив на плечах и руках белье, платье, вязаные вещи¹ (здесь и далее в цитатах курсив мой. — Е.Ф.).

Использование омофоничных корневых морфем в определении *бестолковой* ('бессмысленной') и компаративе *как на толкучке* (производное от глагола *толкать* (-ся)) акцентирует сему 'отсутствие порядка', которая в окказионализме *перетолчки* с аналогичным корнем трансформируется в значение 'дробя, превращать в мелкие куски, в порошок' (ср. семантику глагола *перетолочь*). Отсюда и существительное *кишения* — люди превращаются в шевелящуюся, копошащуюся массу. Утрачивается смысл человеческого существования: все как один, и одновременно *все — никто*. Определительное и отрицательное местоимения-антонимы уравниваются в значении. Бессилие масс передано с помощью повторяющегося отрицания действий разных социальных слоев, что реализуется

благодаря использованию стилистически разнородных глаголов: *не лазил, не перелезал, не перлись, не бродили*.

Бессмысленность обязанностей главного героя рассказа охарактеризована одной фразой: Зотов занят *переписыванием шифрованных номеров транспортов с одной карандашной ведомости на другую*. Отсутствие четкого понимания происходящего и невозможность предвидеть будущее даны через синтаксический параллелизм парцелированных отрицательных конструкций:

Тоска была даже не о жене, оставшейся с еще не рожденным ребенком далеко в Белоруссии, под немцами. Не о потерянном прошлом, потому что у Зотова не было еще прошлого. Не о потерянном имуществе, потому что он его не имел и иметь не хотел бы никогда.

У главного героя рассказа нет прошлого. Человек без прошлого не имеет будущего.

Война приоткрыла жизнь людей, бушует только природная стихия: *И только дождь трубил в разоренной трубе*. Солженицын олицетворяет мир природы и предметное окружение человека, используя метафоры-соматизмы: *дождь-косохлест... бил в крыши и стены товарных вагонов, в грудь паровозам; сек по красно-обожженным изогнутым железным ребрам двух десятков вагонных остовов...*

Эпитеты-композиции *по красно-обожженным ребрам, стеклянно-пузырящейся водой* объединяют компоненты с семантикой природного и рукотворного начал, а определение — грамматический неологизм — *невсачивающимися (...и даже темно-бурая насыпка полотна вздрагивала невсачивающимися лужами)* помогает автору нарисовать картину природного катаклизма — всемирного потопы, уничтожающего жизнь.

«Время X» обостряет нравственный выбор человека. Так, в образе главного героя рассказа «Случай на станции Кочетовка» борются законопослушный гражданин и человеческие чувства (отношение лейтенанта Зотова к торговле на станции). Скребущая душу тоска, *угнетенность, потребность выть вслух была у Зотова от хода войны, до дикости непонятного*. Выполнение инструкций не помогает, а порой вредит жизни в прифронтовой области:

А дней десять назад свалились откуда-то два шальных немецких мотоциклиста, влетели в Кочетовку и на ходу строчили из автоматов. Одного из них положили, другой унесся, но на станции от стрельбы все переполошились,

¹ Здесь и далее текст цит. по: Солженицын А. Один день Ивана Денисовича: рассказы 60-х годов. — СПб., 2017. — С. 201–268.

и начальник отряда спецназначения, ведающий взрывами в случае эвакуации, успел рвануть водочкачку заложенным ранее толом. Теперь вызвали восстановительный поезд, и третий день он работал здесь.

Военные сводки *клевшили сердце* мощника коменданта. Окациональный глагол со значением 'давить тисками' подчеркивает душевные страдания героя от хода военных действий, а страх лейтенанта Зотова перед неведомым будущим раскрывает суть взаимоотношений рядовых граждан и политической системы государства:

Не только вслух (*вслух спросить было опасно*), но самого себя Зотов боялся так спросить — всё время об этом думал и старался не думать...

Вася Зотов *преступлением считал* в себе даже пробегание этих *дрожящих мыслей*. Это была хула, это было оскорбление всемогущему, всезнающему Отцу и Учителю, который *всегда* на месте, *всё* предвидит, примет *все* меры и не допустит.

Вставная конструкция объясняет ситуацию: *опасно — боялся*; постоянно думал — старался не думать, потому что даже жалкая мысль уже *преступление!* И как попытка отречься от *дрожящих мыслей* — хвала *Отцу и Учителю*, который не может ошибаться. Не случайно писатель использует прописные буквы, превращая апелляции в имена собственные, характеризующие отношение граждан к властителю, а также пятикратный повтор звукового комплекса *все/всё*, подчеркивающего безграничное могущество и силу правителя.

Писатель изображает разное поведение людей в ходе войны. Одна и та же ситуация вызывает у них различную реакцию. Так, военный диспетчер Валя Подшебякина оправдывает конвойного, застрелившего одного из окруженцев, пытавшихся разворовать эшелон с мукой (*— А что ж ему оставалось? — доказывала Валя, пристукивая карандашиком. — Ведь он на посту, ведь он часовой!*), а дед Кордубайло на стороне голодных окруженцев (*— Ну, правильно, — кивал старик, роняя крупный красный пепел махорки на пол и на крышку фонаря. — Правильно... Есть все хотят.*). Той же Вале как-то совестно выменивать вещи у эвакуированных, а тетя Фрося считает, что у *выковыренных-то и брать!*

Естественно звучит в устах деревенской бабы просторечная форма субстантивата, однако она оказывается точной

характеристикой людей, вырванных с корнем с насиженных мест и едущих в неизвестность. Ситуация войны, когда земля переходит из рук в руки (*По сводкам Информбюро провести линию фронта было нельзя, можно было спорить, у кого Харьков, у кого Калуга...*), — это время отступления и наступления. Все действующие лица произведения — странники, оторванные от своей малой родины. Не случайно Солженицын не конкретизирует, откуда родом главный герой рассказа. О «северных» корнях лейтенанта Зотова читатель догадывается по манере помощника коменданта окать, на которую неоднократно обращает внимание автор. Так возникает мотив бездомности.

По воле случая герои Солженицына оказываются в ситуации выбора. И от их решения зависит не только судьба других персонажей, но и возможность самого действующего лица остаться человеком. Нередко герои в раскैसे даны на контрасте. Например, начальники конвоя Гайдуков и Дыгин противопоставлены не только внешне:

Первый — гренадерского роста, гибкий, с розовым охолодавшим лицом... <...> ... второй — коренастый, с лицом одубело-смуглым, темным.

Весело-разбитной Гайдуков *знал и уставы и как их можно и надо нарушать*. Дыгин же *сам себе тошен был, что такой недотепистый со своими стариками — за все одиннадцать дней не попросили они есть ни у гражданских, ни у военных: они знали, что лишнего куска в такое время не бывает*.

Лейтенант Зотов, в отличие от других персонажей рассказа, живет исключительно ситуацией войны и строго по инструкции. Солженицын подчеркивает положительные стороны главного героя: желание помочь голодным конвойным; негативное отношение к бухгалтеру Чичишеву, суетливому и услужливому перед начальством и грубому с простыми бойцами; ненависть к кладовщику и ларечнику продпункта Саморукову (*Эту породу он ненавидел, как фашистов, угроза от них была не меньше*). Писатель прибегает к междометным формам *девербативов лив, хлест*, в которых сконцентрирована интенсивность действия, чтобы передать решимость персонажа, его готовность отдать жизнь за спасение дела Ленина.

Но в *доброжелательных* глазах Зотова поселились недоверие и подозрительность — характерная черта того времени:

Висела раньше и карта путей сообщения, но капитан, комендант станции, велел снять ее, потому что в комнату сюда входят люди и если среди них затешится враг, то, скосясь, он может сориентироваться, какая дорога куда.

Лейтенант не доверяет даже своим сослуживцам. Например, когда в его комнату заходит военный диспетчер Валя Подшебякина, Зотов *залистнул шифровку и как бы случайно чистой бумагой колонки чисел, которые писал*; отвечая на ее вопрос, открыл скоросшиватель, *но не так, чтоб она могла туда засматривать*. Используя вставную конструкцию и оправдательно-смущенный оборот *как бы случайно*, Солженицын характеризует человеческое начало в своем герое. Ему самому некомфортно в данной ситуации, но инструкция превышает всего! Именно она заставляет Василь Васильича проявлять максимальную скрупулезность во всех действиях:

Зотов вздохнул и стал опускать маскировку на окнах, *аккуратно прижимая штормку к раме, чтобы ни щелочкой не просвечивало*.

Кульминационным моментом в развитии действия рассказа и в характеристике главного героя является его встреча с окруженцем Игорем Дементьевичем Тверитиновым. Ненавязчиво писатель раскрывает внутреннюю интеллигентность незнакомца: вежливо поклонился, попросил разрешения войти, при разговоре Зотова с Дыгиным, *поняв, что он мешает, отошел к стене, отвернулся и свободной рукой по очереди закрывал — нет, не закрывал, а грел уши*. Солженицын подчеркивает инородность Тверитинова с момента его появления на страницах произведения:

Очень симпатичная, душу растворяющая улыбка была у этого небритого *чудака*. Он и стрижен не был наголо. Короткие и негустые, но покрывали его крупную голову мягкие волосы, серватые от искорок седины.

Не был он похож ни на бойца, ни на гражданского.

Непохожий *чудак* становится мерилom нравственности лейтенанта Зотова. Два праведника — праведник от идеологии и праведник человеческий — одновременно близки и непримиримо враждебны друг

другу. Общение с Тверитиновым возрождает в Зотове человека:

Он [Зотов] еще походил, сел... Лицо его сразу потеряло деловитость и быстрый смысл, стало *ребяческое*...

В разговоре с этим *уравновешенным* человеком, сразу понравившимся Зотому, помощник коменданта постепенно забывает о войне и вспоминает «осколки» мирной жизни — посещение театра, пьесы Горького, защиту диплома:

Вся знал, что не время сейчас болтать, вспоминать, но уж очень был редок случай *ответи душу* с внимательным интеллигентным человеком.

Впервые душа лейтенанта Зотова начинает превалять над долгом. Умный уют отборных членов семьи Тверитинова, пахнувший на героя с фотокарточек, обостряет состояние его безродности. Солженицын исподволь готовит противостояние героев: беспрекословно подчиняющийся системе Зотов прячет недозволенные мысли, а московский актер Тверитинов вслух сетует:

Спрашивать ни у кого нельзя, за шпиона посчитают... Да вообще у нас вопросы задавать опасно.

По-разному оценивают герои-праведники творчество Горького, разные ассоциации возникают у них при упоминании тридцать седьмого года.

И вновь инструкция руководит действиями и мыслями помощника коменданта: он задает незнакомцу контрольные вопросы, на которые тот отвечает прямо и честно. Однако *инструкция требовала крайне пристально относиться к окруженцам, а тем более — одиночкам*. Писатель использует непосредственно-прямую речь, чтобы охарактеризовать колебания Зотова, строя ее в форме внутреннего диалога героя:

Тверитинов не мог доказать, что он отстал именно в Скопине. А может быть, в Павелье? И за это время съездил в Москву или еще куда-нибудь по заданию?

Но в его пользу говорило, что уж очень быстро он добрался.

Впрочем, где гарантия, что он именно из этого эшелона?

Праведник от идеологии побеждает человека. Не случайно именно лейтенант Зотов впервые употребляет глагол *разберутся*,

который впоследствии непроходящей болью отзовется в душе героя рассказа. Будучи надежным властью управлять поездами и вагонами, помощник коменданта начинает управлять человеческими судьбами. Страшное время, в которое *миллионы людей прокружились в какой-то проклятой карусели, станция, где холодный ветер нес перемесь дождя и снега, где изнывали эшелоны, безутолку толпились днем и на черных полах распологом спали ночью люди*, становятся хронотопом испытания человеческого в человеке. Писатель вводит в текст лексемы-новообразования, сквозь которые просвечивают мотивирующие единицы. Оказиональное наречие-контаминант *безутолку* построено на базе структуры и семантики литературных адverbативов *без устали* и *без толку*; в результате авторский неологизм синтезировал семы 'беспрерывно' и 'бессмысленно', рисуя картину беспорядочного движения. Глагольная форма *толпились* представляет собой контаминацию глаголов *толпиться* и *копошиться*, порождая образ людской массы, утратившей человеческую индивидуальность.

Случайный бесхитростный вопрос Тверитинова о прежнем названии Сталинграда становится роковой закономерностью падения человека в Зотове. Теперь роль внутренней речи помощника коменданта выполняют вставные конструкции в скобках:

(Значит, не окруженец. Подослан! Агент! Наверно, белоэмигрант, потому и манеры такие.)

(Да не офицер ли он передетый? То-то карту спрашивал... И слишком уж переиграл с одержонкой.)

(Ах, спростовал! Ах, спростовал! Так, спокойствие. Так, бдительность. Что теперь делать? Что теперь делать?) и т.п.

Поток мыслей пронесется в голове главного героя, вставшего на путь крушения принципов человечности. Зотов вынужден лгать и притворяться, чтобы скрыть от подозреваемого решение донести на него, задержать. И вновь писатель прибегает к вставным конструкциям, которые призваны показать внутреннюю неуютность помощника коменданта, его попытку заставить самого себя поверить в правильность содеянного:

(Чтобы не дать заметить перемены, надо было смотреть по-прежнему на Тверитинова, но он не мог себя заставить.)

(Ну, спроси, спроси: к а к о й праздник? Тогда уж последнего сомнения не будет.)

Солженицын рисует картину надвигающейся катастрофы. *Через холодный темный коридорчик* Зотов выводит Тверитинова *в черноту ночи*. Над вагонами 794-го поезда, который мог увести окруженца на фронт, *вспрыскивали струйки огненных искр*. Но лейтенант уводит Тверитинова от этих искорок жизни в смерть: станция превращается в *дремучий лес, в темное чистое поле, в медлительных годовых переменах уже покорно готовое к зиме*.

Еще борется человек в праведнике от идеологии: силится Зотов подобрать слова (*— Вы... я... — Зотов очень мягко, с трудом поднимая глаза на Тверитинова, — ...я пока по другому делу...*), сильнее окает.

И праведник человеческий чувствует надвигающуюся беду: *сильно вздрогнул* от окрика часового. Состояние окруженца передают обстановка и детали одежды персонажа:

Дико выглядела голова Тверитинова в широкой кепке вместе с *тревожной тенью* своей на стене и на потолке. *Перехлестнувшийся шарф* удавкой охватывал его шею.

Творительный сравнения в сочетании с ярким определением-эпитетом, в котором актуализирована сема 'ударить' (ср.: *хлестать* — 'бить, ударить чем-нибудь гибким'), затягивают петлю на шее героя, который наконец понимает:

— Вы — задерживаете (выделено Солженицыным. — *Е.Ф.*) меня?!.. но за что?! <...>.

Зотову невольно пришлось оглянуться и еще раз — последний раз в жизни — увидеть при тусклом фонаре это лицо, отчаянное лицо Лира в гробовом помешении.

— Что вы делаете! Что вы делаете! — кричал Тверитинов голосом гулким, как колокол. — Ведь этого не исправишь!! (выделено Солженицыным. — *Е.Ф.*).

Пунктуационное оформление реплик Тверитинова (сочетание вопросительного и восклицательного знаков, удвоенное восклицание, контактный повтор восклицательных конструкций) передает эмоциональный накал ситуации, состояние душевного потрясения героя. В последний раз взывает голос-набат к Зотову-человеку, но выбор уже сделан. Метафорический образ подчеркивает предательский характер поступка лейтенанта. Судьба Тверитинова предрешена: *потолок уже давил ему на голову*. Но по воле Солженицына праведник человеческий превращается в карающего демона:

Он взбросил руки, вылезая из рукавов, одну с вешмешком, распух до размеров своей *крылатой темной тени...*

Не выдерживает испытания бракованная душа праведника от идеологии. Потому *никогда потом во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека*, и приговором лейтенанту стали слова:

– Раз-берутся... У нас брака не бывает.

Типичный положительный герой советской литературы становится у Солженицына антигероем.

«Случай пересекает барьеры всех обычных разграничений: социальных, географических и т.д. Это повествование о непредвиденной событийности жизни, о непредсказуемой фатальности: что-то происходит случайно, но навсегда» [Седакова, Электронный ресурс].

ЛИТЕРАТУРА

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1985.

Седакова О. Маленький шедевр: «Случай на станции Кочетовка» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravmir.ru/malenkij-shedevr-sluchaj-na-stancii-kochetovka/> (дата обращения: 25.08.2018).

Случай на станции Кочетовка [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D0%B9_%D0%BD%D0%B0_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%9A%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0 (30.08.2018).

Солженицын А. Один день Ивана Денисовича: рассказы 60-х годов. – СПб., 2017. – С. 201–268.

Солженицын А. Один день Ивана Денисовича: рассказы 60-х годов. – СПб., 2017. – С. 201–268.

REFERENCES

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / pod red. N.Yu. Shvedovoi, Moscow, 1985.

Sedakova O. Malen'kii shedevr: «Sluchai na stantsii Kochetovka», available at: <https://www.pravmir.ru/malenkij-shedevr-sluchaj-na-stancii-kochetovka/> (25.08.2018).

Sluchai na stantsii Kochetovka, available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BB%D1%83%D1%87%D0%B0%D0%B9_%D0%BD%D0%B0_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8_%D0%9A%D0%BE%D1%87%D0%B5%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0 (30.08.2018).

Solzhenitsyn A. Odin den' Ivana Denisovicha: rasskazy 60-h godov, Sankt-Petersburg, 2017, pp. 201–268.

К сведению подписчиков!

В I полугодии 2019 года журнал «Русский язык в школе» с приложением «Русский язык в школе и дома» выйдет три раза: в январе, марте и мае.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства: «Роспечать» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334); «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – П3896), «Урал-Пресс», «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА»;

2) через интернет-сайты: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»); <http://www.rosp.ru/> (выбрать раздел «Подписка на периодические печатные издания»).

Диалектика языка в лингвистических работах А.Ф. Лосева

В статье рассматривается лингвистическая теория знаменитого философа и филолога, специалиста по античной культуре А.Ф. Лосева. Цель работы – на основе анализа многочисленных статей А.Ф. Лосева по истории и теории классических языков и современного структурализма сформулировать общую теорию языка. Сопоставительный анализ приведенных в статьях языковых фактов и сделанных выводов показал, что в работах Лосева последовательно проводится диалектический подход к языку. Язык рассматривается в контексте взаимного единства статической системы и изменчивой речи.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев; теория языка; структурализм и историзм в языкознании; язык и речь; диалектика языка.

Oksana A. Voloshina

Dialectics of language in A.F. Losev's linguistic works.

The article deals with the linguistic theory of A.F. Losev – the famous philosopher and philologist, a specialist in ancient culture. The purpose of the work is to formulate a general theory of language based on the analysis of numerous articles by A.F. Losev on the history and theory of classical languages and modern structuralism. A comparative analysis of the language facts and formulated conclusions presented in the articles showed that Losev's works consistently pursue a dialectical approach to language. Language is considered in the context of the mutual unity of the static system and changeable speech.

Key words: A.F. Losev; the theory of language; structuralism and historism in linguistics; language and speech; dialectics of language.

Научное наследие Алексея Федоровича Лосева – религиозного мыслителя, философа, филолога, знатока античной культуры и классических языков – обширно и многогранно¹. В предлагаемой работе

ставится задача выявления принципов философии языка, воплощенной в лингвистических работах А.Ф. Лосева².

Торжество структурного метода в первой половине XX в., введение в лингвистику математических приемов формализации описания языка привело, казалось, к непримиримому противоречию между

Оксана Анатольевна Волошина, кандидат филологических наук, доцент кафедры Общего и сравнительно-исторического языкознания

E-mail: oxanav2005@mail.ru

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Ленинские горы, д. 1, Москва, 119991, Россия

Moscow State Lomonosov University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Волошина О.А. Диалектика языка в лингвистических работах А.Ф. Лосева // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 48–54. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-48-54.

исследования культуры и философии античности, а также вскрыл универсальность мифа как базовой формы человеческого сознания.

² К собственно лингвистическим работам, посвященным исследованию языковой структуры, относятся статьи, опубликованные в сборнике под названием «Языковая структура» (1983): «О коммуникативном значении грамматических категорий», «О первичных типах языковой сигнификации», «О понятии языковой валентности», «Семантика языка и его структуральное изучение», «О пределах применимости математических методов в языкознании», «О возможности сближения лингвистики классической и лингвистики структуральной» и др. Именно эти работы и будут предметом анализа в данной статье.

¹ Достаточно упомянуть хотя бы многогранную работу «Очерки античного символизма и мифологии» (1930), знаменитую «Диалектику мифа» (1927), «Философию имени» (1927) и многие другие работы, которыми А.Ф. Лосев заложил целое направление

новой структурной лингвистикой и старым историческим языкознанием, не говоря уже о классической филологии, которая, по мнению многих теоретиков, из-за отсутствия единого научного метода вообще оказалась за рамками строгой научной парадигмы. Действительно, еще компаративисты XIX в. утвердили принцип исторического изучения языков в качестве главенствующего, претендующего не только на описание, но и на объяснение устройства и развития языков, а единственно научной грамматикой была признана грамматика историческая (не случайно итоговый труд одного из ведущих представителей младограмматизма Германа Пауля называется «Принципы истории языка»). На смену господствующему в XIX в. историческому методу пришел структурализм, основатель которого — Фердинанд де Соссюр — четко противопоставил два подхода к изучению языков — структурный (синхрония) и исторический (диахрония), причем настаивал на принципиальной несовместимости этих методов [Соссюр 1977: 112–114]: или исследователь занимается историческим изучением отдельных языковых фактов, тогда, в силу фрагментарности дошедшего до нас материала, исследование неизбежно эклектично, а выявление системного устройства языка невозможно; или ученый анализирует систему языка, строго придерживаясь одного временного периода, сознательно отказываясь от рассмотрения фактов в исторической перспективе. А.Ф. Лосев, однако, пишет об искусственности такого противопоставления, о взаимном дополнении различных методов исследования языка — историческом и структурном, снимая мнимую оппозицию. Он утверждает: «Живительная сила диалектического становления... стирает всякие метафизические грани между структурализмом и историзмом, как равно и между синхроническим и диахроническим методами, сохраняя в то же время и полную возможность отдельного изучения этих элементов, как и вообще непрерывность и прерывность в диалектике являются таким единством, которое оставляет нетронутым состоявшие его противоположности» [Лосев 1983: 124].

Лосев приводит примеры замечательных исследований в области индоевропейского сравнительно-исторического языкознания, успешно совмещающих синхронический и диахронический подходы. Разбирает

он, в частности, работы Э.А. Макаева³, Б.А. Серебренникова⁴ и других компаративистов, которым структурный подход не только не помешал историческому исследованию родственных языков, но позволил получить новые результаты и сформулировать некоторые положения о структурном тождестве родственных языков.

Математические методы, привнесенные в лингвистику структурализмом, дали языкознанию бесценный опыт попыток формализации системных отношений в языке. Однако А.Ф. Лосев настаивает на том, что использование строгих математических методов мало что дает лингвистике, так как отношения элементов в математике не тождественны отношениям в языке, т.е. языковая структура не математическая, а совершенно особенная. Какая же? Лосев пытается выявить принципы организации и функционирования языковой структуры. В работе «О пределах применимости математических методов в языкознании» ученый пишет: «Математическое обозначение имеет своим предметом те или иные системы бескачественных отношений при условии однородности, неизменности и неподвижности как самих этих отношений, так и составляющих их элементов» [Лосев 1983: 10]. Языковые элементы имеют другую природу, причем для языка эти их особенности являются огромным преимуществом, а не недостатком: «Язык и речь весьма ценны именно своей подвижностью и неоднородностью составляющих их элементов. Но как раз к этой-то вечно изменчивой неоднородности математика и не имеет никакого отношения, и математические обозначения здесь бесполезны» [Там же: 12].

Применение математических методов в лингвистике дает возможность формализовать и обобщить (привести к некоторой формуле) наблюдаемые в языке закономерности. Структурная лингвистика широко применяет различного рода символы, исследователи часто стремятся формализовать свой текст, прибегая к алгебраическим обозначениям. Лосев, однако, предупреждает,

³ Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских и германских языках. — М., 1970; Проблемы индоевропейской ареальной лингвистики. — М.; Л., 1964 и др.

⁴ Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития системы языка. — М., 1968; Вероятностные обоснования в компаративистике. — М., 1974.

что не всякая формализация полезна, иногда она не задает удобную формулу отношений языковых единиц или процессов, протекающих в языке, а всего лишь дублирует то содержание, которое легко может быть передано и без специальных технических обозначений. Искусственно вводимая формализация не представляет сама по себе ценности в лингвистических описаниях: «Если N есть имя или именная группа, а индексы этого N обозначают падежи, или Pron — местоимение, а Prt — предлог, то ясно, что это не формализация, а только стенография. Однако стенография текста есть чистая условность, не имеет никакого отношения к делу и ничего собой не формализует» [Лосев 1983: 118]. Но даже корректное использование приема формализации в лингвистическом описании не всегда приводит к экономной формулировке определенной закономерности в устройстве языка: «Математическое обозначение языкового факта не то чтобы решительно ничего в нем не обозначало, но обозначает в нем такую степень его общности, в которой уже теряется конкретность и специфика обозначаемого факта; а это значит, что математическое обозначение в данном случае ничего существенного не обозначает» [Там же: 16].

Лосев не отрицает, конечно, возможности использования математических методов в рамках структурной лингвистики, но утверждает, что эти методы могут помочь в описании языковой системы с точки зрения статического (синхронического) подхода, т.е. могут быть лишь составной частью лингвистической методики. Ведь язык, будучи сложным, диалектическим по своей природе образованием, необходимо исследовать самыми разными методами. Лосев утверждает: «Язык и речь представляют собою один из видов диалектического единства противоположностей, т.е. однородности и неоднородности, неизменности и изменчивости, неподвижности и подвижности, во время как количественные отношения всегда однородны, неизменны, неподвижны» [Там же: 11].

Таким образом, по мнению Лосева, математические методы могут использоваться лингвистами при описании языка как статического объекта для фиксации в виде формул отношений между языковыми единицами. Однако и в этом случае формализация языковой системы должна проводиться с учетом специфики языка как

особой семиотической системы, обслуживающей человеческую коммуникацию. Эта особенность языка накладывает ограничения на использование математических методов в лингвистических описаниях. В качестве подтверждающего примера можно привести приемы формализации, используемые знаменитым американским лингвистом Ноамом Хомским, который в работе «Синтаксические структуры»⁵ широко оперирует формулами, отражающими грамматическое (морфологическое) устройство предложений. Например, предложение *Искренность может испугать мальчика* Хомский предлагает представить в виде формулы $N-V-N$, где N обозначает имя или именную группу, а V — глагол. Однако такая формула должна допускать взаимную замену элементов, т.е. предполагать возможность перестановки двух имен (N_1 и N_2), в результате чего появляется невозможная для языка структура *Мальчик может испугать искренность*. В реальном языке говорящий учитывает множество самых разных семантических оттенков употребляемых слов, что приводит к ограничениям использования отдельных элементов в формальных структурах. Хомский приходит к выводу, что формальные схемы должны быть дополнены характеристиками входящих в предложение лексем — в нашем примере это характеристика по одушевленности/неодушевленности, ведь если мальчик (одушевленное существительное) может испугаться, то искренность (абстрактное неодушевленное существительное) — нет. Таким образом, Хомский убеждается в невозможности формализовать синтаксис и описать его вне всякой связи с семантикой; по его мнению, пытаться сделать это — все равно, что строить здание на песке, ведь синтаксис (как и любой другой уровень языковой системы) пронизан

⁵ Работа Н. Хомского «Синтаксические структуры» (Syntactic Structures) вышла в 1957 г. Русский перевод был опубликован в 1962 г. в сборнике «Новое в лингвистике» (Вып. II). Именно в этой работе Хомский впервые утверждает автономность синтаксиса в языковой системе и предпринимает попытку выявления законов устройства и преобразования синтаксических структур. В дальнейшем Хомский убеждается в невозможности описания синтаксиса без учета семантики — эта новая точка зрения автора отражена в работе «Аспекты теории синтаксиса» (Aspects of the Theory of Syntax) (1965).

семантикой, теснейшим образом с ней связан и зависит от нее [Хомский 1972: 60–62]. В работе «Семантика языка и его структуральное изучение» А.Ф. Лосев утверждает: «Большой формализм грамматического анализа отнюдь не означает отсутствие вообще всякой семантики и семантических отношений в области грамматики. Грамматика определяет семантику, которая без нее была бы слишком общей и, может быть, даже просто предметной и внеязыковой. Но как раз это и значит, что грамматический момент тоже входит в семантику, являясь только, может быть, более общим ее очертанием» [Лосев 1983: 218].

Именно в силу своей абстрактной природы грамматика структурируется и формализуется лучше лексики, именно синтаксические структуры и морфологические модели оказались наиболее формализованы в структуралистских лингвистических описаниях.

Лексическая семантика оказывается трудно формализуемой областью, поскольку значение слова определяется коммуникативной ситуацией в целом. «Почему так часто бывает, что имея самый совершенный словарь, мы прекрасно понимаем каждое слово, входящее в данную фразу, и никак не можем перевести всей фразы в целом? Это только потому, что смысловое расстояние между двумя значениями одного и того же слова настолько мало и незначительно, что никакой словарь не может охватить всех этих оттенков. Чтобы охватить все эти оттенки, нужно, кроме словаря данного языка, иметь еще опыт обращения с данным языком. А опыт-то как раз и возникает не из изучения словарей, но из использования самих языков, которое только и может подсказать ту или другую семантическую разницу в значении слова в разных контекстах» [Там же: 105–106].

Именно выполнение языком коммуникативной функции способствует постоянно и бесконечному варьированию семантики любого слова, причем изменение значения одного слова неизбежно влечет за собой сдвиг семантических границ между близкими по значению словами, что приводит к изменению всей лексической системы (или ее фрагмента), ибо «словарь..., как известно, представляет собой тесно переплетенную систему. Система эта постоянно находится *in fieri* («в становлении»), никогда не *in esse* («в бытии»)» [Там же: 105]. Динамика лексической системы,

зависимость семантики от дискурса, субъективизм в трактовке значений слов мешают формализации языкового описания и использованию математических методов, ведь «бесконечная смысловая заряженность каждого языкового элемента является подлинной спецификой языка, и только здесь неподвижное “основное” значение слова... становится живой и подлинной динамической картиной выражаемых нами мыслей в языке» [Там же: 141].

Семантика плохо структурируется и поддается формализации еще и потому, что на выражение значения «работает» каждый элемент языка, семантика «разлита» в области фонетики («фонематическая» и «силлабическая сигнификация» у Лосева) и морфологии («этимологическая» и «аффиксальная сигнификация»). О лексической и синтаксической сигнификации в работе «О первичных типах языковой сигнификации» речь не идет, так как Лосев ограничивается рассмотрением «первичных», т.е. простейших ее типов.

Фонематическую сигнификацию Лосев четко противопоставляет фонетической. Человеческая речь состоит не просто из звуков, но из звуков, получающих особую — сигнификативную — функцию⁶. Такие звуковые единицы в лингвистике традиционно называются фонемами. Подчеркивая отличие фонетической репрезентации от фонематической сигнификации, Лосев пишет: «Особенно заметно сигнификативное функционирование фонемы в тех случаях, где она фонетически даже совсем никак не выражена, где она фонетически является просто нулем. Ведь когда мы говорим *...лестный отзыв*, то в обыкновенной речи мы совсем не произносим того

⁶ Лосев приводит интересные примеры несответствия фонетической и фонемной репрезентации. Например, когда он слышит: *Здрст, Асей Федч*, то, несмотря на отличия реально звучания от фонемного состава фразы-ответствия, коммуникация проходит успешно, так как «живая речь есть, во-первых, сплошное и неразличимое становление, а во-вторых, нечто вполне различимое и раздельное, нечто осмысленное и даже коммуникативно-значимое... После этого я уже не знаю, как может наша наука о языке в учении о фонеме... обойтись без диалектического самооткровенного различия или самодвижного покоя. Без этого элементарнейшего требования диалектики нечего и думать конструировать ясную и понятную категорию фонемы» [Там же: 160–161].

звука *m*, который здесь пишется. Мы говорим *лесный отзыв*. Куда же делось здесь это *m*? Фонетически оно действительно исчезло. Но оно не исчезло фонематически, т.е. это *m* продолжает иметь здесь сигнификативное, т.е. смысловоразличительное значение...» [Лосев 1983: 156].

Под синлабической сигнификацией Лосев понимает способность слога передавать определенную семантику. В доказательство существования особого типа «слового значения» Лосев приводит пример:

...Звуковое сочетание *два* либо является слогом, либо входит в состав слога. Таковы латинское *duo* ... немецкое *zwei*, например, в слове *zwei*. Таково же несомненное слоговое значение этого *dv* в таких словах, как *дверь*, *двигать*, *двор*. Однако если мы это звуковое сочетание действительно свяжем с понятием слога, то тут же приходит нам на память масса других слов, где это *dv* вовсе не имеет никакого отношения к слогу, а является только внешним соединением звуков, относящихся к разным слогам. Возьмем такие русские слова, как *предвидеть*, *предвещать*, *предварять*... Всякому ясно, что это *dv* в данных словах не образует собою единого слога, а разделяется на такие звуки, которые относятся совсем к разным слогам. Звуковое сочетание *пред*, являясь в данных словах префиксом, уже по одному этому обладает своей собственной семантикой и есть результат своей собственной сигнификации... Но в таком случае спрашивается, чем же отличается *dv* как слоговое явление и *dv* как случайное совмещение разнокоренных слов. И ответ здесь может быть только один: семантика ни в каком случае не сводится на фонетику, потому что одно и то же фонетическое явление может обозначать семантически совсем разное, т.е. иметь значение, не имеющее ничего общего с глобальными звуками, на которых разыгрывается определенная роль семантики [Там же: 160–161].

Более сложные типы сигнификации относятся к значениям, передаваемым отдельными морфемами — корнями и аффиксами (соответственно, по терминологии Лосева, речь идет об этимологической и аффиксальной сигнификации). Этимологическая сигнификация — это следующий уровень внезвукового и несиллабического, а более сложно устроенного значения, передаваемого корнем слова:

Возьмем такие русские слова, как *мнение* или *мысль*. Корнем этих слов является звуковое сочетание *мн*, которое указывает уже не на звук *m*, и не на звук *n*, и не на их сочетание, но именно на область мнения, т.е. на область мышления, на область тех или иных функций разума

или сознания. Этот корень *мн*, лишенный всякого гласного звука и потому содержащий в себе нулевую огласовку, имеется и в других языках... Но этот корень может иметь и разные другие огласовки.

Такова, например, огласовка *мен*, которая отчетливо выступает в латинском слове *mens*, что значит тоже ум, разум и вообще разные состояния умственной деятельности. Сюда же относится и огласовка *мем*, — в латинском *memoria*, откуда и соответствующие слова в других языках.

Тот же самый корень фигурирует и в виде *мин*, как, например, в русских словах *упоминать*, *вспоминать*, *напомянуть*... Огласовку *ман* лингвисты находят в греческом *mania*, обозначающем одержимость какой-нибудь одной мыслью... Огласовку *мон* имеем в латинском *moneo* «уведещаю», «убеждаю». Но отсюда и латинские: *monstro* «указываю», «показываю»; *monstrum* «знамение», «предзнаменование», «чудо», «чудовище»... Старославянское и русское *память* тоже имеет своим корнем *мен*, поскольку это *я*, входящее в русское слово, в старославянском обозначается с помощью юса малого, а этот юс малый как раз и обозначает носовое *e* [Там же: 165–166].

На каком основании можно объединять все эти разнообразно звучащие морфемы в один корень? Фонетика и синлабика оказывают слабую помощь, так как общей звуковой формы корень не имеет. Лосев утверждает, что произнести этот корень невозможно, можно произнести только различные его огласовки: «Корень слова есть такая внезвуковая и внеслоговая общность, которую потому-то и нельзя произнести, что она присутствует в каждом отдельном корне невидимо и неслышимо. Она есть вполне специфическая, именно, этимологическая сигнификация» [Там же: 167].

Основанием для объединения разнообразных звучаний в одну морфему является общность выражаемого значения, в данном примере указание на мышление, мнение, т.е. корень характеризуется специфической — этимологической — сигнификацией.

Сигнификативную функцию выполняют не только корни, но и аффиксы. Каждый аффикс, как морфема, обладающая сложно устроенным значением, передает особое значение или целый комплекс значений. Лосев приводит подробный «сигнификативный анализ префикса *про*»: «И в том префиксе, который мы исследовали сейчас, и во всяком другом типе сигнификации мы исследуем, прежде всего,

коммуникативную направленность всякой сигнификации, а вместе с тем также и ее значение — интерпретирующее, контекстуальное, позитивно-негативное и пропозициональное. При достаточно подробном исследовании всякого типа языковой сигнификации обнаруживается ее чисто жизненная направленность»⁷ [Лосев 1983: 177].

Таким образом, языковая сигнификация, т.е. способность элементов языка выражать определенное значение, «в самой яркой форме обнаружила действительность мысли как структурно-функционирующую картину бурлящей человеческой жизни в актах языковой коммуникации» [Там же: 177].

Рассуждая о типах языковой сигнификации, Лосев показывает, что значение целого не может быть сведено к сумме значения частей. О сигнификативной функции фонемы можно говорить только в составе более крупной единицы — морфемы и слова, силлабическая функция также устанавливается в более широком контексте, а этимологическая сигнификация (значение корня) и аффиксальная представляют собой уже тип сигнификации совершенно другого уровня,

⁷ И далее: «Какой-нибудь с виду мало значащий префикс встает перед нами как некоего рода живое существо, которое куда-нибудь стремится или не стремится, чего-то достигает и чего-то не достигает, на что-то нападает или претерпевает нападение со стороны, что-то возвеличивает, а что-то унижает, проникает как бы во внутренность предмета, пронизывает и охватывает этот предмет, выскакивает за пределы предмета, сохраняя с ним связь или стараясь эту связь порвать, порождает разные предметы и их уничтожает и, наконец, либо возвеличивает самого себя, либо боится самого себя, даже нападает на самого себя и кончает самоубийством.

На это могут сказать: да ведь это же просто ваша фантазия, а на самом деле ничего такого с префиксом не делается. Нет, это неверно. Если язык доподлинно является орудием жизненного общения людей, то и на самом этом орудии не могут не отражаться людские жизненные отношения. И это очень хорошо, что какой-нибудь малозначащий префикс вдруг зажил и загулял у нас как самое настоящее живое существо. И это не метафора, а так оно и есть... То живое существо, о котором мы сейчас говорим в связи с разумно жизненными функциями языковой сигнификации, — вот в данном случае та языковая структура, без которой действительно невозможно никакое семантическое исследование» [Там же: 178].

ведь разные фонетические огласовки корня не мешают говорящим воспринимать корень как абстрактную единицу, выражающую определенную семантику: «Всякое целое всегда представляет собою некоторого рода новое качество, которого не было в составляющих его отдельных контекстных частях. Диалектика целого и частей — вот в чем разгадка необычайной надфонетической значимости каждого отдельного отрезка речи» [Там же: 149].

Итак, А.Ф. Лосев утверждает, что в основе языка лежат не математически точные отношения между элементами языка, а своеобразная (свойственная только языку) **семантическая система**, направленная на выполнение коммуникативной функции. Сама природа этой системы, основанной на значении языковых единиц (а значение всегда переменчивая, субъективная категория), предполагает динамику и диалектику как основные принципы своего существования.

Контекстная обусловленность влияет и на употребление различных грамматических форм. В статье «О коммуникативном значении грамматических категорий» Лосев утверждает, что «каждое слово и каждая грамматическая категория семантически варьируется бесконечное число раз в зависимости от живого контекста речи» [Там же: 179]. По мнению ученого, в каждой грамматической категории тесно и причудливо переплелись логические функции, которые отражают объективную действительность, и коммуникативные, благодаря которым происходит субъективный выбор и интерпретация элементов отражаемой в высказывании действительности. Например, грамматическая категория времени предполагает отнесенность действия описываемого в предложении к плану будущего, настоящего или прошедшего относительно момента речи. На самом деле, как утверждает Лосев, «любая грамматическая форма... в предметном смысле, может иметь любое значение» [Там же: 185]. Например, мы употребляем форму прошедшего времени — *Плакали наши денежки, Пропала моя головушка* — хотя речь идет о предполагаемой финансовой потере в будущем. Или известный еще из древних языков *praesens historicum* — употребление формы настоящего времени для повествования о прошедших событиях: *Иду я вчера по улице...*

Несовпадение грамматического оформления категории и выражаемого ею значения Лосев подтверждает на многочисленных примерах, в частности:

Побудительные предложения... вовсе не те, которые обязательно выражают побуждение в буквальном и непосредственном смысле слова. Если бы это было так, то в поговорке «не в свои сани не садись» мы бы находили какое-то побуждение избегать чужие сани. На самом же деле ни о каких саях, ни о своих, ни о чужих, нет здесь и помину; и «не садись» — едва ли тут императив. Но во всяком случае это какая-то сложная модальность и очень сложный комплекс разного рода смысловых тенденций... В предложении *Приди он вовремя, он бы меня застал* глагол *приди* надо было бы всерьез считать императивом, в то время как об императиве, если иметь в виду сущность данного высказывания, здесь нет никакого намека, а глагол *приди* имеет лишь условное значение [Лосев 1983: 199–200].

Лосев анализирует формы падежей, времен, залогов и наклонений в классических языках (древнегреческом и латинском) и везде приходит к выводу, что «грамматические категории, дающие то или иное понимание действительности, служат для перестройки ее в самых разнообразных направлениях» [Там же: 211]. Говорящий использует слова и грамматические конструкции для передачи палитры самых разных смысловых оттенков, отражая реальную действительность, предлагая свое видение окружающего мира, а также интерпретируя картины объективной действительности вплоть до полного их искажения (Лосев неоднократно указывает на то, что язык используется человеком не только для истинного, но и для ложного представления действительности). Разнообразные значения реализуются в конкретной речи, поскольку язык как статичное образование (перечень грамматических форм и словарь) преобразуется в речи, приобретая динамику, свойственную вечно изменяющейся

действительности и человеческой жизни. Каждая языковая единица, с одной стороны, строго зафиксирована в языке, а с другой стороны, оживает в конкретной речи, существуя таким образом в диалектическом единстве языка и речи.

Как специалист в области классической философии и филологии, А.Ф. Лосев занимался древнегреческим и латинским, однако, как уже было сказано, тщательный анализ языковых фактов всегда подводил Лосева к их обобщению и философскому осмыслению, т.е. к построению теории языка, завершался теоретическим осмыслением, органично вписывающимся в круг обсуждаемых им проблем из области филологии, философии и культурологии: «История мифа и языка должна строиться так, чтобы каждый исторический период давал не картину во всей ее конкретности, но только систему царящих в ней отношений, т.е. структурно. И наконец... установленные исторические системы должны быть возводимы к системам все более и более общим, вплоть до предельного метамифа и метаязыка» [Там же: 117].

ЛИТЕРАТУРА

- Лосев А.Ф. Языковая структура: учеб. пособие. — М., 1983.
Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. — М., 1977.
Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / пер. В.А. Звегинцева. — М., 1972.

REFERENCES

- Losev A.F. Yazykovaya struktura: uchebnoe posobie, Moscow, 1983.
Sossyur F. Kurs obshchei lingvistiki, in *Trudy po yazykoznaniiu*, Moscow, 1977.
Homskii N. Aspekty teorii sintaksisa / per. V.A. Zvegintseva, Moscow, 1972.

DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-55-60

А.Д. ШМЕЛЕВ

Александр Солженицын и кодификация русской пунктуации

В статье ставится вопрос о значении общих представлений А.И. Солженицына о пунктуации и использовании знаков препинания в его художественной прозе для кодификации русской пунктуации. Рассматривается роль общих принципов использования знаков препинания, изложенных в статье Солженицына «Некоторые грамматические соображения», а также его собственной пунктуационной практики в свете ведущейся в настоящее время Орфографической комиссией РАН работы по упорядочению русской пунктуации. Показано, что для Солженицына особо важную роль играет интонационное и смысловое содержание пунктуации (пунктуация как показатель на письме ритмики и мелодики речи и ее роль в понимании письменного текста).

Ключевые слова: кодификация; русская пунктуация; знаки препинания; сравнительный оборот; деепричастие / деепричастный оборот; вводные слова; однородные члены; повторяющиеся союзы; тире; кавычки; скобки; многоточие.

Aleksei D. Shmelev

Aleksandr Solzhenitsyn and Codification of Russian Punctuation.

The paper deals with the general view of punctuation set forth in Grammatical considerations by Alexander Solzhenitsyn as well as the use of punctuation marks in his literary prose. The paper claims that the general principles of punctuation put forward by Solzhenitsyn combined with the results of observation over his punctuation usage should have certain implications for the codification of Russian punctuation. The author suggests that taking account of Solzhenitsyn's ideas related to the use of punctuation marks and his own punctuational practice can be a help in finding a balance between semantic, syntactic and intonational criteria of punctuation.

Key words: codification; Russian punctuation; punctuation marks; comparison phrase; verbal adverb / verbal adverb phrase; parenthetic words; homogeneous parts of the sentence; repeated conjunctions; dash; quotation marks; parentheses; ellipsis.

Алексей Дмитриевич Шмелев, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Институт филологии; главный научный сотрудник, заведующий отделом культуры русской речи

E-mail: shmelev.alexei@gmail.com

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119991, Россия

Moscow Pedagogical State University

1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Российская академия наук

*ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 119019, Россия
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences*

18/2 Volkhonka str., Moscow, 119019, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Шмелев А.Д. Александр Солженицын и кодификация русской пунктуации // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 55–60. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-55-60.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00778.

Вступительные замечания

В последние два года вопросам пунктуации уделяется большое внимание на заседаниях Орфографической комиссии РАН. Бросающаяся в глаза неполнота раздела «Пунктуация» свода [Правила 1956] обусловила появление целого ряда справочных изданий, в которых делалась попытка заполнить существующие лакуны, однако рекомендации таких справочников, как правило, не имели серьезного научного обоснования, а иногда противоречили друг другу.

При этом работа по упорядочению правил русской пунктуации может вестись в двух разных ключах. С одной стороны, кодификаторы могут в первую очередь заботиться о логической стройности и непротиворечивости правил и легкости их усвоения. С другой стороны, они могут ориентироваться на узус, на практику печати, на использование знаков препинания в художественной литературе.

Творчество Александра Солженицына представляет собою уникальный материал в том отношении, что в нем можно обнаружить данные обоих типов. Знаки препинания играют важную роль в художественной прозе Солженицына, часто выполняют текстообразующую функцию, выявляемую посредством лингвистического анализа. Но, помимо этого, некоторые общие принципы употребления знаков препинания с установкой на логичность и непротиворечивость были изложены писателем в заключительных разделах статьи «Некоторые грамматические соображения» [Солженицын 1997: 535–539]. С рассмотрения этой статьи можно начать настоящее обсуждение².

Интонационный подход к пунктуации

Говоря об орфографии, Солженицын отмечал относительную автономность письменной речи, специально подчеркивая, что «фонетический принцип имеет пределы» [Там же: 530], и стремился, сколько мог, противостоять «нивелировке» письменной речи, возникающей под влиянием произношения. Однако, говоря о пунктуации, он, напротив того, замечал: «Я считаю нужным следить, чтобы не происходило такого резкого отрыва письменной речи от устной» [Там же: 535]. Мы видим, что

установки автора по отношению к орфографии и пунктуации до некоторой степени противоположны (ср.: [Шмелев 1993: 121]). Как известно, в основу русской пунктуации кладется сочетание трех принципов: смыслового (пунктуация способствует пониманию письменного текста), грамматического (пунктуация помогает выявить синтаксическую структуру письменного текста), интонационного (пунктуация служит показателем на письме ритмики и мелодики речи). Солженицын ориентировался в первую очередь на интонационный принцип пунктуации. Говоря об использовании запятых, он писал: «Запятые должны служить интонациям и ритму (индивидуальным интонациям фраз и персонажей), помогать их выявлять – а не быть мертво-привязанными для всех интонаций и всех ритмов». И далее: «Школьные пунктуационные правила формальны и не учитывают живое дыхание речи» [Солженицын 1997: 535]. Запятые, по Солженицыну, могут служить «могучим средством выражения», но для этого необходимо «пользоваться им достаточно свободно, применительно к тонкостям интонации» [Там же].

Интересно соображение писателя об устройстве русской пунктуации в сопоставлении с немецкой и английской пунктуацией. Он пишет, что принятая в соответствии с правилами русская пунктуация «слишком обременена формальными традициями немецких грамматистов», из-за чего в письменной речи возникает «частокор тормозящих запятых» [Там же]. Но и английская пунктуация не может быть принята за образец для русской. Как пишет Солженицын, «современный английский почти лишен запятых, и это обедняет его фразу» [Там же]. Впрочем, в некоторых случаях, как мы увидим, возможно влияние некоторых традиций английской пунктуации на принимаемые писателем решения.

«Избыточные» запятые

Каким же образом Солженицын «разгружал» предложения от «избыточных» запятых?

Прежде всего, он в некоторых случаях устранял запятые перед приложениями и сравнительными оборотами с союзом *как*. Он писал: «Мы не ставим запятую при краткости сравнения, беглости его применения или расхожести употребленного образа; не ставим, если сравнительный оборот имеет значение приравнивания или обстоятельства образа действия,

² В моем отклике на статью Солженицына рассмотрены общие орфографические проблемы и практически не затронуты вопросы пунктуации [Шмелев 1993].

или является именной частью сказуемого» [Солженицын 1997: 535–536]. Здесь следует заметить, что даже в своде 1956 г., на который, по-видимому, ориентировался Солженицын, в примечании 2 к § 150 говорится: «Не являются сравнительными оборотами и, следовательно, не выделяются запятыми именные части составных сказуемых» [Правила 1956: 85]. А в самом правиле сказано: «Сравнительные обороты, ставшие устойчивыми оборотами речи, запятыми не выделяются». По-видимому, под «расхожестью употребленного образа» Солженицын имел в виду именно это. Самым авторитетным пособием по пунктуации в настоящее время считается «полный академический справочник» [Правила 2007], и мы можем видеть, что некоторые уточнения касательно пунктуации при сравнительных оборотах, сделанные в этом справочнике, вполне согласуются с предложениями Солженицына. Формулировки свода 1956 г. в новом справочнике уточнены: указано, что обороты со сравнительными союзами не выделяются запятыми: (а) при сказуемых, требующих конкретизации (*смотрел на землю как на юдоль скорби*); (б) при передаче значения 'в качестве', когда оборот является частью сказуемого (*был прислан как главнокомандующий*); (в) если оборот сам является сказуемым (*Снег у крыльца как песок зыбучий*); (г) если оборот имеет значение образа действия (*Тропинка извивалась как змея*); (д) если обороту предшествует отрицание или частицы (*всё делает не как люди*); (е) если оборот является устойчивым сочетанием (*бледный как смерть*) [Там же: 259–260]. При этом к последнему пункту сделано примечание: «Если имеются некоторые отклонения в употреблении устойчивых оборотов (порядок слов, подмена слов в устойчивых словосочетаниях и др.), то выделение возможно» [Там же: 260]. Легко видеть, что, во-первых, в целом сделанные уточнения вполне соответствуют пожеланиям Солженицына, а во-вторых, что во многих случаях выбор ставить или не ставить запятыя принадлежит пишущему, который решает, сводится ли значение оборота к указанию на «образ действия», насколько сочетание является устойчивым, достаточно ли велико «отклонение», чтобы оправдать постановку запятой. Так, в академическом справочнике приводятся примеры: *тают, как дым*, и *развевался как дым* [Там же: 260]. В первом примере усматривается «подмена слова»,

делающая возможной постановку запятой, однако правило говорит, что постановка запятой в этом случае «возможна», но, очевидно, не обязательна. В справочнике дан пример *упрям как осёл* (без запятой – устойчивый оборот!), а среди примеров, приводимых Солженицыным в качестве образца разгрузки от излишних запятых, встречаем *упрямый станвится как осёл* [Солженицын 1997: 536]. Устойчивый оборот несколько видоизменен, поэтому запятая была бы возможна, но ее отсутствие не противоречит правилу.

Другой случай, на который Солженицын указывал как на пример «разгрузки от излишних запятых», – это «облегчение от запятых, несмотря на подчинительные союзы, и при цельных неразложимых выражениях» [Там же]. Здесь опять-таки можно заметить, что некоторые из предложений писателя развивают существующую традицию и предусмотрены существующими правилами. Так, традиционно не ставится запятая, когда союзные слова входят в состав неразложимых выражений [Правила 1956: 79]. Не ставится запятая, если придаточная часть усечена до одного союзного слова (*не уточнили когда*) [Там же: 80; Правила 2007: 285].

Третий случай «разгрузки от излишних запятых» – это деепричастия и деепричастные обороты. Солженицын писал: «...при интонационной беглости можно некоторые деепричастные обороты не заключать в запятыя»; здесь же он упоминал «одиночные деепричастия, которые приобретают значение наречия или обстоятельства образа действия» [Солженицын 1997: 536–537]. Его формулировка довольно близка к формулировке свода 1956 г., гласящей, что правило об обособлении не касается «таких одиночных деепричастий и деепричастных оборотов, которые примыкают непосредственно к сказуемому и по своему значению приближаются к наречию» [Правила 1956: 89]. В академическом справочнике сделана попытка исчислить все такие случаи более детально; однако представляется, что эта попытка лишь запутывает дело и по существу речь идет об относительной свободе пишущего обособлять или не обособлять деепричастия и деепричастные обороты, непосредственно примыкающие к сказуемому и по своему значению приближающиеся к наречию.

Четвертый случай, когда, по Солженицыну, необходима «разгрузка от излишних

запятых», может вызвать внутренние воз-
ражения у тех, кто привык к особенностям
русской пунктуации. Солженицын пи-
сал: «...разгрузка от запятых часто настоя-
тельна вокруг вводных слов и оборотов...»
[Солженицын 1997: 537]. Вообще говоря,
сама сущность вводных слов и оборотов
заключается в том, что они по определе-
нию требуют обособления. Правда, неко-
торые примеры, которые приводил Сол-
женицын, могут быть интерпретированы
так, что они не будут противоречить тому,
что традиционно предписывалось прави-
лами пунктуации. Когда Солженицын пи-
сал: «В зависимости от темпа фразы не
всегда должна вклиниваться запятая после
“во-первых”, “во-вторых”, “например”,
“конечно”» [Там же], – то это отчасти со-
ответствовало тому, что в своде 1956 г. гово-
рилось о различии между вводными и уси-
лительными словами и оборотами: «Следует
различать употребление одних и тех же
слов и оборотов то в качестве вводных (и,
следовательно, выделяемых запятыми), то
в качестве усилительных (и запятыми не
выделяемых)», – иллюстрируемом следу-
ющими примерами: «Вы все это понимаете,
конечно (конечно – вводное слово). /
Вы-то конечно приедете раньше меня (ко-
нечно, произносимое тоном уверенности, –
усилительное слово)» [Правила 1956: 93].
Кроме того, всегда существовало правило,
что если вводные слова (во-первых, во-вто-
рых, например) стоят в начале обособленно-
го члена предложения, то они не отделяют-
ся от него знаком препинания. Но в целом
в этом пункте Солженицын довольно силь-
но отступил от пунктуационной тради-
ции. Здесь можно усмотреть влияние ан-
глийских синтаксических представлений
и основанной на них английской пункту-
ации. В английском языке слова со значе-
нием ‘возможно’, ‘вероятно’, ‘очевидно’ и т.д.
считаются «эпистемическими наречиями»
и на письме не обособляются.

В статье «Некоторые грамматические
соображения» упоминаются и некоторые
другие случаи, когда Солженицын при-
ветствует отсутствие привычных запятых,
противоречащее правилам [Солженицын
1997: 538], например: *она обернулась оби-
женная; он испытывал не что иное как рев-
ность; однако эти примеры приведены без
комментариев, так что трудно оценить, на-
сколько системны были представления
Солженицына касательно этих случаев.*

«Углубление интонации» и смежные явления

Следует заметить, что в некоторых (прав-
да, немногочисленных) случаях Солжени-
цын, наоборот, ставил запятую там, где, по
правилам русской пунктуации, она не нуж-
на. Один из разделов его статьи называется
«Углубление интонации замедляющими
запятыми». Раздел начинается со «случа-
ев, оговоренных правилами», снабженных
примерами, причем большинство из них со-
ставляют запятые при однородных членах
предложения: при повторяющихся союзах
(например: *первый, и второй, и третий год
тюрьмы; все они очень умными себя представ-
ляли, и очень тонкими, и очень сложными*),
иногда при повторяющемся слове (*десять
раз за процесс возвращается, и возвращается,
и возвращается*), а также при отсутствии
союза (*приудобился он читать эту тихую,
спокойную книгу*) [Там же]. Значимость этих
примеров, как кажется, состоит преимуще-
ственно в том, чтобы по закону контраста
указать на случаи, когда писатель предпочи-
тал следовать традиции и не осуществлять
«разгрузку от излишних запятых».

Однако выясняется, что есть и слу-
чай, когда Солженицын предпочитает ста-
вить запятую вопреки правилам. В первую
очередь, это относится к примерам, ко-
гда в ряду однородных членов предложе-
ния последний из них присоединяется по-
средством союза *и*. Солженицын в таких
случаях иногда ставит запятую перед со-
юзом (*на увечье, на смерть, и без надежды
на возврат*), и здесь можно усмотреть влия-
ние английской пунктуации (так называе-
мая «оксфордская запятая»). Чаще все-
го Солженицын в подобных случаях ставит
запятую при однородных сказуемых (*ми-
новал комнату, другую, и увидел накрытый
стол; мы исправились, и у себя на родине ос-
воились; она робела, и при встрече не могла
бы найтись*) [Там же].

Отдельную проблему, обсуждаемую в
этом разделе статьи писателя, составля-
ет пунктуация при частице *де*. Солженицын
вполне активно использовал «словечки» *мол*,
де и *дескать* как показатели интерпретации
коммуникативных намерений³. Частицы *мол*
и *дескать* писатель, как правило, выделяет
запятыми. В отношении частицы *де* следует
заметить, что существующие правила на это

³ Об особенностях употребления этих частиц
см., например: [Плунгян 2008].

счет не вполне эксплицитны. В своде 1956 г. говорится, что слова с частицей *-де* пишутся через дефис [Правила 1956: 48]. Ясно, что это правило (от которого, очевидно, и отталкивался Солженицын) не охватывает значительного числа случаев употребления частицы *де*, например ее употребления в начале предложения:

А я поздравлял его и редакцию так: писал под Москвой, везли в Рязань, а там — в почтовый ящик. *Де*, может, я все-таки в Рязани, оттого не являюсь. («Бодался теленок с дубом»).

Поэтому комментарий писателя: «Частицу “де” принято присоединять через дефис к предыдущему слову. Но иногда это невозможно (...), — а выделять запятыми кажется обременительным. Но в иных случаях интонация велит взять в запяты» [Солженицын 1997: 538], — представляется вполне оправданным (в качестве примеров «обременительности» запятых Солженицын приводит фразы: *что де он с веками блекнет; и потому де это справедливо*, а в качестве примера необходимости запятой — *будто, де, купить на него ничего нельзя*).

В разделе «Другие особенности пунктуации» Солженицын вышел за пределы собственно пунктуационной проблематики. Речь в нем идет, в частности, об употреблении строчных и прописных букв после тех или иных знаков препинания. Однако одно из замечаний в этом разделе заслуживает пристального рассмотрения. Солженицын писал: «По существующим правилам — в конце фразы, содержащей цитату или закавыченную прямую речь, вопросительный, восклицательный знаки и многоточие ставятся до кавычек, а точка почему-то после. Это не логично. Мы ставим точку также до кавычек, если закавыченная фраза является законченной, и — после них, если кавычки заключают несамостоятельную часть объемлющей фразы» [Там же: 539]. Здесь логика Солженицына безупречна. Более того, именно такими ображениями регулируется постановка точки до или после закрывающей скобки. Можно высказать предположение, что и здесь на писателя повлияли правила английской пунктуации, в соответствии с которыми точка ставится перед закрывающей запятой. Более того, предложение Солженицына более логично, нежели механический выбор порядка знаков: точка перед кавычками или после. Однако принятие этого предложения будет слишком

резким разрывом с общепринятой традицией, и нет оснований надеяться, что оно будет принято пишущим сообществом без внутреннего сопротивления.

Пунктуационная практика Солженицына

В целом ряде случаев пунктуация Солженицына имеет ключевое значение для художественного звучания его текстов. Вероятно, и рядовые читатели, и исследователи творчества писателя обращали внимание на использование им знака тире. Характерно использование тире после союза, стоящего в самом начале предложения, например в «Крохотках»:

Только не пошли, Бог, старости в нищете и холоде.

Как — и бросили мы стольких и стольких... («Старение»);

То-то в лагере: наломаешь кости за день, только положил голову на соломенную подушку — уже слышишь: «Подъ-ё-ом!!» И — никаких тебе ночных мыслей. («Ночные мысли»).

В крохотке «Поименование усопших» этот прием используется несколько раз:

Понять этот замысел — не в резвой юности, когда мы тесно окружены близкими, родными, друзьями. Но — с годами.

И — ничего больше мы не узнаём, пока живы. И — неизвестные они, и, по-прежнему, такие привычные.

Но — отставшие от нас по годам: иные, кто был старше нас, те уже и моложе.

Этот же прием Солженицын нередко использует и в публицистике, например:

А ведь среди этой публики — и писатели есть. И — как же они себе мыслят литературу без признаний? («Наши плюралисты»).

Регулярно Солженицын ставит тире после подлежащего, выраженного личным местоимением, — как перед именными, так и перед глагольными сказуемыми. Снова можно привести примеры из «Крохоток»:

Я — бью, единожды. («Колокол Углича»);

Ты — выше самого себя. («Утро»);

Оно — с высокой мудростью завещано нам людьми святой жизни. («Поименование усопших»).

Однако описание функций тире в художественной прозе и в публицистике Солженицына может составлять предмет отдельного исследования. Очевидно, что тире обычно используется Солженицыным в соответствии с ритмикой и мелодикой текста. Для кодификации пунктуации существенно, что практика использования писателем

знака тире свидетельствует: функции этого знака в русской пунктуации не поддаются строгому регулированию, часто в большей степени обусловлено коммуникативными намерениями автора, нежели строгими общепринятыми правилами.

Среди других знаков препинания, обращающих на себя внимание у Солженицына, можно назвать скобки⁴. Скобки в произведениях писателя часто маркируют важные фрагменты текста. Это вовсе не те побочные замечания, которые можно выпустить без ущерба для содержания. При этом во всех разнообразных примерах использования скобок у Солженицына можно усмотреть нечто общее. Текст в скобках раскрывает внутреннюю подоплеку того, о чем говорится вне скобок. Это может быть скрытая для внешнего наблюдателя мотивировка поведения персонажа или, напротив, описание того, как выглядит персонаж «со стороны», сам того не замечая; невысказанные мысли персонажей или исторический смысл происходящих событий, который прояснится лишь впоследствии; информация, проливающая свет на описываемую бытовую ситуацию, или исторический комментарий, необходимый для современного читателя. Текст в скобках делает явным то, что в противном случае осталось бы неявным.

Интересно также использование Солженицыным знака многоточия. Он иногда маркирует смену режима повествования: переход от авторского повествования к описанию размышлений персонажа или, напротив, переход от несобственно-прямой речи к комментарию от лица «умудренного повествователя» (см.: [Шмелев 2015: 73]).

Как скобки, так и многоточие также относятся к числу знаков, которые во многих случаях не предписываются правилами, а выбираются по желанию автора. К такого рода знакам относится и восклицательный знак, причем его использование Солженицыным весьма своеобразно и заслуживает отдельного исследования.

Общий вывод может состоять в следующем: соображения Солженицына о пунктуации, а также его пунктуационная практика могут оказать важную помощь в работе над уточнением правил русской пунктуации.

⁴ Об использовании скобок в художественной прозе и публицистике писателя см.: [Шмелев 2012]. Сокращенный вариант статьи был ранее опубликован в сборнике памяти Б.С. Шварцкопфа (см.: [Шмелев 2006]).

ЛИТЕРАТУРА

Плунгян В.А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen* [Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72]: Sagner, München, 2008. – С. 285–311.

Правила русской орфографии и пунктуации. – М., 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В.В. Лопатина. – М., 2007.

Солженицын А.И. Некоторые грамматические соображения // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. – Ярославль, 1997. – Т. 3. – С. 524–539.

Шмелев А.Д. Возможное и действительное в произведениях Александра Солженицына // *Солженицынские тетради. Материалы и исследования*. – Вып. 4. – М., 2015. – С. 70–94.

Шмелев А.Д. Об орфографических воззрениях Солженицына // *Русская речь*. – 1993. – № 5. – С. 119–121.

Шмелев А.Д. Скобки у Солженицына // *Солженицынские тетради. Материалы и исследования*. – Вып. 1. – М., 2012. С. 167–183.

Шмелев А.Д. Скобки у Солженицына // *Язык и мы. Мы и язык*. – М., 2006. – С. 516–529.

REFERENCES

Plungyan V.A. O pokazatelyah chuzhoi rechi i nedostovernosti v russkom yazyke: *mol, yakoby* i drugie, in *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen* [Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72]: Sagner, München, 2008, pp. 285–311.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii, Moscow, 1956.

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik / pod red. V.V. Lopatina, Moscow, 2007.

Solzhenitsyn A.I. Nekotorye grammaticheskie soobrazheniya, in *Solzhenitsyn A.I. Publitsistika: v 3 t.*, Yaroslavl', 1997, vol. 3, pp. 524–539.

Shmelev A.D. Vozmozhnoe i deistvitel'noe v proizvedeniyah Aleksandra Solzhenitsyna, in *Solzhenitsynskie tetradi. Materialy i issledovaniya*, issue 4, Moscow, 2015, pp. 70–94.

Shmelev A.D. Ob orfograficheskikh vozzreniyah Solzhenitsyna, in *Russkaya rech'*, 1993, № 5, pp. 119–121.

Shmelev A.D. Skobki u Solzhenitsyna, in *Solzhenitsynskie tetradi. Materialy i issledovaniya*, issue 1, Moscow, 2012, pp. 167–183.

Shmelev A.D. Skobki u Solzhenitsyna, in *Yazyk i my. My i yazyk*, Moscow, 2006, pp. 516–529.

Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В.В. Виноградова

В статье рассматриваются функции единиц образной системы в создании научного стиля В.В. Виноградова. Описана образность базовых, фоновых и метафорических терминов. Проанализирована семантическая структура образа базового термина *стиль*, выявлены образные парадигмы концептов «язык», «речь», «стиль». Показана взаимосвязь научного мышления и метафорического стиля, роль устойчивых когнитивных метафор в создании, хранении и передаче прагматической информации и организации культурно-исторического контекста.

Ключевые слова: *словесная образность; метаязык науки; научный стиль; метафора; фоновый термин; В.В. Виноградов.*

Natalia V. Khalikova

Imagery and Metaphorical Space of the Term in the Language of Scientific Texts by V. Vinogradov.

The article considers the functions of the system of verbal imagery's in the creation of the scientific style of V.V. Vinogradov. The figurativeness of basic, background and metaphorical terms is described. The semantic structure of the image of the basic term «style» is analyzed, figurative paradigms of the concepts Language, Speech and Style are revealed. The article shows the relationship between scientific thinking and metaphorical style, the role of sustainable cognitive metaphors in the creation, storage and transfer of pragmatic information and the creation of a cultural and historical context.

Key words: *verbal imagery; meta-language of science; scientific style; metaphor; background term; V.V. Vinogradov.*

Используя системно-структурный принцип научного описания, академик В.В. Виноградов везде стремился увидеть «замкнутое в себе явление» как «особого рода целостную структуру» [Виноградов 1980: 70]. Одна из метафорических идиоглосс языка В.В. Виноградова — «замыкать» в значении ‘приводить к целостному восприятию языковой действительности’. Самая известная книга ученого по морфологии «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947) была охарактеризована современниками как «изложение новых идей, целостных оригинальных концепций по всем центральным проблемам

грамматики» [Академик В.В. Виноградов 1970: 6]. Новую категорию художественного текста — «образ автора» — Виноградов увидел как «сложную, но целостную систему экспрессивно-речевых средств», в которой «ярче всего выражается стилистическое единство композиционного целого» [Виноградов 1959: 154]. Помимо предметно-логической сущности, называемой термином и раскрываемой методом описания системных свойств, Виноградову был важен сам способ представления явления, его словесный образ, поскольку очень сложными и предельно новаторскими были решаемые им в середине XX в. вопросы. Образно-метафорическая и фразеологическая системы научного языка Виноградова способствовали восприятию образа науки, или, по выражению А.П. Чудакова, «светлого поля сознания», в котором язык преподносился ученому «во всех ипостасях разом. Обладая таким стереоскопическим зрением, он видел жизнь каждого факта языка во всех ярусах языковой системы; иногда кажется, что и всю языковую систему в целом» [Чудаков 1995: 9]. История становления и развития научной фразеологии и образных парадигм Виноградова — предмет отдельной работы. Целью настоящей статьи является анализ образно-метафорической обработки ключевых терминов

Наталья Владимировна Халикова, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка

E-mail: vltsd@yandex.ru

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

ул. Веры Волошиной, д. 24, Мытищи, Московская область, 141014, Россия

Moscow State Regional University

24 str. Very Voloshinoy, Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Халикова Н.В. Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В.В. Виноградова // Русский язык в школе. — 2018. — № 9. — С. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-61-66.

созданной им науки о языке художественной литературы — *язык, речь, стиль*.

Виноградов особым образом «видел» проблемное ядро описываемых им систем, «белые пятна в них», часто в самом начале научного рассуждения (обычно во введении, первом параграфе книги) говоря о «сплетении», «клубке», «узле», требующим от него «распутывания» — решения. Редко, когда книга, особенно в начале научной деятельности (20-е гг. XX в.), не открывается ярким словесным зачином:

Гоголь как художник слова — это тема историко-литературного исследования, которое почти не начато. В нее, *как в большой спутанный клубок, вплелось* множество побочных проблем. Некоторые из них *уходят далеко за пределы творчества Гоголя...* [Виноградов 1976: 191].

За традиционными во введении словесными образами «клубка» обозначенной проблемы и идущего за ним «по трудному пути» исследования ученого ассоциативно ощущается фольклорный зачин с его триединым началом и вещим камнем на распутье. «Изучение индивидуально-поэтического стиля *может направиться по трем путям*», — типичное для Виноградова начало, открывающее «Этюды о стиле Гоголя» [Там же: 231].

Предпосылкой образности является традиционная философия языка, основные положения которой ученый находил в классической русской словесности, работах русских ученых XIX — начала XX в. «В основе воззрений академика В.В. Виноградова лежала философия языка и речевой деятельности как самостоятельной, огромной и пребывающей в постоянном движении сферы духа. Он не писал специальных работ на такие темы. <...> Но в любой работе <...> общая виноградовская философия языка присутствует в качестве второго плана» [Чудаков 1989: 32]. Одним из устойчивых выражений («фразеологических осколков», по его меткому выражению) было «дух и стиль» писателя (эпохи, направления, языка).

Виноградов выработал особый стиль филологического рассуждения, где на первом плане были элементы терминологической системы, а на втором, субъективном плане — исследовательские ценности и индивидуально-авторская научная картина мира. Стилистически естественная манера образного письма в 30–50-е гг. XX в. требовала от ученого некоторого усилия. «Второй план» как раз сберегал «дух филологии». Образ

исследователя в его текстах формировался на базе так называемой «референции говорящего», понимаемой как представленный в научных парадигмах и концептах социокультурный тип мышления [Руденко 1992]. В научных работах Виноградова трансформировалось научное безличное «мы» и возникла скрытая категория «образа исследователя», мысль которого «была пронизана пафосом любви к родной словесности и ее лучшим представителям, подняла на должный пьедестал забытые советской наукой имена славянских просветителей и филологов-классиков XIX века, “консервативных” писателей, убеждала читателей в непреходящей ценности русского языка как основы национальной культуры» [Никитин 2015: 116].

Образ исследователя вариативен: это эмоциональный повествователь, философ-лирик, тонкий аналитик, лектор-собеседник. Общим принципом является восприятие действительности в «двуплановом» слове. Из письма Н.М. Малышевой: «Мне кажется, что под тусклой и грязной поверхностью жизни течет чистая вода. Минутами (это трудно выразить простыми словами) я переживаю процесс погружения в глубину. Свежие, прозрачные струи тогда охватывают меня, и сквозь них я радостно вижу ключевой хрусталь» (5 марта 1927) [Виноградов 1995, Электронный ресурс]. Именно поэтому Виноградову часто удаются своеобразные «стихотворения» в научной прозе, насыщенные фигурами речи (гиперболами, градацией, амплификацией, периодами, сравнениями и др.), особенно там, где вводится совершенно новый метод или предмет исследования. Вот один из примеров:

Стилистика выростала, *как дикий бурьян*, на границе между лингвистикой и историей литературы. *Сквозь нее проходило много исследователей*, но специально ее, как особую науку, *возделывали* лишь те из них, кто занимался философией языка, эстетикой слова и историей литературной речи. <...> И почти каждая стилистическая проблема *балансирует на канате, протянутом* от литературных дисциплин к лингвистике. Эти колебания, это раздвоение редко бывали плодотворными [Виноградов 1980: 42].

В стадии формирования индивидуальной картины мира метафоричность — неотъемлемое условие научного текста. «Научная картина мира есть проекция научной парадигмы на мир здравого смысла посредством метафоры, и прием

этот – потребность человеческого мышления, оперирующего одновременно абстракциями и образами» [Никитина 2014: 37].

Термины-универсалии в метаязыке Виноградова можно назвать ключевыми, основными научными концептами. Это «язык», «слово», «стиль», «символ», «образ автора». По оригинальному выражению В.В. Колесова, в языке такое слово проходит в своем развитии «ментальный цикл»: образ – понятие – символ – концепт [Колесов 2012: 112]. На первом плане метаязыка и текста они выступают как термины индивидуальной теории (*стиль, прием, синтаксис, слово, символ* и т.д.). На «втором плане», имея множество дефиниций, выраженных зачастую и в риторической форме, они включаются в сложную игру образных переосмыслений, развивают многозначность вокруг своего семантического ядра, вступают в синонимические отношения, в разной степени абстрагируются, формируют вокруг себя образно-метафорическое пространство. Все эти процессы могут стать предметом отдельного исследования.

В метаязыке Виноградова в кругу какого-либо концептуального понятия (например, «стиль») выделяются: 1) определенно осознаваемые термины (*стиль, речь, фразеологическая единица, символ*); 2) фоновые термины¹ (*речевой строй, церковнославянская стихия*); 3) метафорические термины (*дух языка, речевая струя, стилистический излом, побеги* (ответвления) *стиля, острый эпитет, фразеологические осколки*). Ключевые термины образуют устойчивые метафорические (образные) парадигмы² из множества единиц, которыми Виноградов пользуется на протяжении десятилетий.

Тип виноградовской метафоры – корневая, гипотетическая, когнитивная. Ее функции: во-первых, экспликация и импликация глубинных, интуитивно угадываемых

¹ Е.С. Никитина говорит о двух словарях (слоях) терминов в текстах высокой книжной научной культуры: 1) «термины, с которыми ученый работает, это элементы его проблематики; здесь необходима полная осознанность и определенность употребления терминов»; 2) «фоновый слой, это термины, без которых можно обойтись, создавая научный текст, но они не находятся в фокусе внимания автора; их использование до некоторой степени сходно с употреблением слов обиходного языка» [Никитина 2014: 28].

² Термин Н.В. Павлович [Павлович 1995].

смыслов; во-вторых, «...приблизить к восприятию человека ненаблюдаемый объект и выразить предположение, а не опыт» [Никитина 2014: 39].

Создаются пересекающиеся смысловые ряды:

Язык – путь, пространство, водный поток, почва, организм, растение...

Стиль – пространство, поле, почва, рисунок, цветок, водный поток...

Речь – ткань, пространство, водный поток...

Метафорические парадигмы *язык – пространство, водный поток, организм, тектонический сдвиг* или *речь – ткань* являются базовыми универсалиями для всего филологического дискурса, входят в метаязык всех филологов. Но в языке Виноградова их восприятие и сочетаемость приобретают характер индивидуальной устойчивости и воспроизводимости. Так, в книге «Поэтика русской литературы» парадигма, наряду с частотными и типичными (*пространство, поток, почва*), включает следующие взаимосвязанные образы-доминанты: *речь – ткань* (в связи с чем Виноградов называет Гоголя «тряпичником»), *стиль – рисунок (картина, набросок, штрихи), творчество – строительство, зодчество (здание)*. Приведем примеры приемов образной индивидуализации:

И первая поэма Гоголя <...> спаяна из чужих и разнородных кусков, которые прозрачными швами сшиты в одно пестрое одеяло. <...> рисует Гоголя как ловкого «тряпичника», *шивателя разных литературных форм и жанров...* [Виноградов 1976: 211];

Новые стилистические узоры чертились по гоголевской канве [Там же: 227];

Кроме того, Пушкин с середины двадцатых годов *начинает чертить новый стилистический узор по чужой канве* [Виноградов 1941: 243].

Функционально-стилистические типы речи на протяжении многих десятилетий устойчиво ассоциировались с *водным пространством*, где *всплывает* проблема рассказчика, словесный *поток* вводился писателем *в русло*, в *стихии* живой устной речи можно *затонуть*, стилистика – *резервуар*, откуда *черпают* краски, и т.д. *И над всеми этими противоречиями гремит лингвистический гром!* [Виноградов 1980: 44]. Стиль, язык и речь ассоциируются также и с *пространством, почвой, полем*. А.П. Чудаков сказал, что от Ломоносова Виноградов взял идею языка-стихии и языка-поля, от

Гумбольдта идею тектонических разломов, геологических сдвигов, слома [Чудаков 1989: 31–32].

Одна и та же корневая метафора градуируется в пределах образной парадигмы: исторические процессы стиля – это *стихия, сфера, микрокосм*; отдельные явления – *реки, потоки, поле*, конкретные символы – *цветник, сорняки, ручейки, струи*, даже – *брызги* [Виноградов 1980: 247].

Таковы метафорические модели в предисловиях и заключениях виноградовских статей и книг о стилях. Это традиционные символические значения с глубокой положительной коннотацией, с заложенными в эти образы идеями созидания, победы в трудной борьбе, энергии, которую дает природа, расширения пространства, света – символов, которые есть в каждом тексте русской словесности. Виноградов щедро применяет при этом воздействующие приемы риторики и поэтики: повторы, анафоры, амплификацию, гиперболы. Метафорические импликации позволяли ученому «сомкнуть», например, пушкинский «образ автора» и современный, идеологически ориентированный образ «борьбы» советского общества, избегнув при этом вульгаризации в научной стилистике 30-х гг. XX в. Заключение книги «Стиль Пушкина» было написано в победном жизнеутверждающем тоне в то время, когда нарастала внутренняя тревога автора за свою судьбу:

От пушкинского лирического стиля идут беги и ответвления в самых разнообразных направлениях: и к Лермонтову, и к Некрасову, и к Кольцову <...>. И действительно, в пушкинском стиле – зерно многих художественных приемов Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого и Чехова. Самые далекие и враждебные стили проистекли из одного источника, так как такого разнообразия и богатства стилистических форм, как у Пушкина, не было ни у одного поэта. <...> Здание русского литературного языка и русской литературы возводилось Пушкиным на глубоко национальной основе, с привлечением художественного опыта, техник и материалов западноевропейских литератур [Виноградов 1941: 619].

Образная парадигматика важна при анализе концептуального термина-полисеманта. В теории о языке художественной литературы *стиль* является наиболее частотным (в сравнительном отношении к *языку* и *речи*), входит в название серии книг (в работе

«Стиль Пушкина» корневая морфема *стил*-упоминается более тысячи раз). Взгляды Виноградова на многочисленные семантические варианты базового термина отражаются в статьях специальных литературоведческих словарей [Поэтика 2008: 247–249; Болотнова 2009: 211]. Виноградов различал *стиль автора, стиль произведения, стиль языка, стиль речи (героя), литературный стиль*. Семантическая структура универсального образа включает аллосемы, позволяющие создавать переходные варианты значения научных концептов «язык», «речь», «стиль». Приведем примеры «водной образности»:

Пушкин, прежде всего, произвел новый, оригинальный синтез тех разных социально-языковых *стихий*, из которых исторически складывается система русской литературной речи. <...> элементы живой русской национально-бытовой речи, *широким потоком хлынувшие в стиль* Пушкина с середины двадцатых годов [Виноградов 1941: 5];

Чтобы убедиться, какую *широкую и свежую волну* не только народно-поэтических формул, но и простонародно-бытовых *выражений* и их комбинаций с книжной фразеологией *нес этот поток народной словесности и ее стилистических имитаций в литературную речь*, достаточно привести несколько примеров из «Песен западных славян» [Виноградов 1935: 451].

Как видим, признаком ‘текучесть’ Виноградов не «украшает» научную речь, но всегда вводит его при многоаспектном описании семантики речевых единиц, языковых пластов, стилистических структур в целом:

Во многих художественных конструкциях – разнородные эмоционально-смысловые волны *наплывают на данные символы* – особенно на стержневые – последовательно, по мере развертывания словесных рядов [Виноградов 1980: 248].

Семантическая структура образа научного концепта «стиль» включает следующие основные образные значения:

1. Стиль – пространство, сферы, область, круг (в отличие от «языка» – *пути*, по которому в этом пространстве движется автор). Стиль – это локус, вбирающий и притягивающий семантические и стилистические «события» и «предметы»:

Путь Пушкина от стиха к прозе *пролегает в области* повествовательных форм [Виноградов 1980: 176];

Стиль – понятие *широкое* и многозначное. *Я подхожу к стилю Пушкина со стороны лингвистики* [Виноградов 1941: 3].

Это значение наиболее частотно. Рассматриваемые явления и единицы с той или иной степенью динамичности *вносятся, исчезают, появляются, стираются, перемещаются* в нем. Поэтому так важны для описания стиля *границы и пределы*. Пространство с его границами, пограничными зонами и безграничностью поля воплощает идею поиска идеальной формы:

Имперфект в пушкинском стиле выполняет функции *пограничной черты*: он *устанавливает пределы* той временной сферы, в которую замкнуты отрезки сюжетного действия [Виноградов 1980: 232].

1.1. Стиль — почва, поле. Метафора отражает идею возникновения (зарождения) и развития (произрастания) той или иной стилистической единицы, категории:

Эти стилистические нормы речевого коллектива или жанра — *то поле, на котором вырастают* индивидуальные отличия [Виноградов 1980: 239];

Нужно помнить, что в стилистических формах, как и везде в сфере речи, границы *представляют собою пестрое поле* смешанно-пограничных типов [Там же: 241].

1.2. Стиль — растение:

Ростки индивидуального пушкинского стиля до 1816—1817 годов *с трудом пробиваются и прорастают* сквозь заросли различных литературных традиций, *сквозь* характерную для юности великого поэта *пестроту разностилья* (ср.: разнотравье. — Н.Х.) [Виноградов 1941: 120];

Но и у эти писателей *национально-речевые корни прозаического стиля* были не очень глубоки и недостаточно демократичны [Там же: 516].

1.3. Стиль — стройка, перестройка:

Перелом в самом повествовательном стиле <...> не мог не отразиться и на *приемах строения* повествовательного диалога, усиливая их бытовую характерность [Там же: 213].

1.4. Стиль — водное пространство, поток:

Вместе с тем в стиле этого былинного цикла *широко и свободно вливаются* церковно-славянские формулы, характеризующие христианскую культуру славянства [Там же: 234];

Современная поэту критика заметила этот *прибой образно-идеологической волны* «славенизмов» в стиле «Полтавы», но не сумела истолковать их как форму исторической стилизации... [Там же: 143].

II. Стиль — субъект процесса, движения, сила, интенция. В этом качестве стили *вступают в борьбу, одерживают победы, стремятся* к чему-либо, *проигрывают*:

Таким образом, *Пушкин на своем стилистическом пути* на короткое время *встречается* с Жуковским, *идет* общей с ним *дорогой* — тогда, когда перед великим поэтом возникла задача создания новых форм экспрессивного синтаксиса [Виноградов 1941: 305];

Пушкин уже в начале двадцатых годов *объявляет войну* описательному, манерному стилю карамзинистов [Виноградов 1941: 19].

III. Стиль — рисунок, эскиз, набросок, контур:

В рассказе Томского развиваются и реализуются те стилистические «тенденции, которые *эскизно намечены* авторским вступлением и ярко выражены в дальнейшем течении повести (СПД: 204);

В самих приемах подбор и сочетания фраз еще трудно *наметить вполне четкую и твердую стилистическую линию*. Более или менее резко *обозначаются* лишь *общие семантические контуры* анакреонтического, эротического и элегического стиля [Виноградов 1941: 121].

IV. Стиль — орудие, слово — заряд:

...с конца 10-х годов до середины 20-х годов, многообразные стили мировой литературы *представляли боевой арсенал* освоенных поэтом художественных форм [Виноградов 1980: 238];

...в трагической недоговоренности, эллиптичности стиля *заложена взрывчатая сила* эмоционального заряда [Виноградов 1980: 84].

V. Стиль — тайна, скрытое:

Стилистическая *затаенность* этого восхищения... [Виноградов 1941: 58].

VI. Стиль — материал, вещество:

Субъектно-экспрессивная *ломкость* повествовательного *стиля* была связана с преобразованием структур предложений [Там же: 364];

Становилась иной стилистическая характеристика слова. *Ломались нормы* его употребления. *Стили смешивались* [Виноградов 1935: 317].

Как видим, образность научного мышления отнюдь не экспрессивное «украшение речи», она является неотъемлемым признаком языковой личности Виноградова и проявляется в одинаковых фразеологических сериях в частных письмах, выступлениях, рецензиях, статьях. Полипарадигматичность

и полифункциональность научной образности помогает создавать, хранить и передавать большой объем прагматической информации, что является результатом обособо «видения» Виноградовым общего в частном, системных свойств в многомерных речевых структурах, осмысление которых в историческом и диахроническом аспектах требовало напряженной интеллектуальной работы исследователя.

ЛИТЕРАТУРА

Академик Виктор Владимирович Виноградов // Вопросы языкознания. — 1970. — № 1. — С. 6—19.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. — М., 2009.

Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М., 1959.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы: Избранные труды / послесл. А.П. Чудакова: коммент. Е.В. Душечкиной и др. — М., 1980. — Т. 5.

Виноградов В.В. Письма Н.М. Виноградовой-Малышевой // Новый мир. — 1995. — № 1. — С. 157—170 [Электронный ресурс]. — URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/1/pub_soob.html (дата обращения: 14.04.2018).

Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды / отв. ред. М.П. Алексеев, А.П. Чудаков. — М., 1976. — Т. 4.

Виноградов В.В. Стиль Пушкина. — М., 1941.

Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. — М.; Л., 1935.

Колесов В.В. Концептология: учебное пособие. — Кемерово, 2012.

Никитин О.В. В.В. Виноградов. Великий русский язык // Русская речь. — 2015. — № 6. — С. 114—119.

Никитина Е.С. Семантический анализ языка науки: На материале лингвистики / отв. ред. Н.А. Слюсарева. — М., 2014.

Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. — 2-е изд. — М., 1995.

Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. — М., 2008.

Руденко Д.И. Когнитивная наука, лингво-философские парадигмы и границы культуры // Вопросы языкознания. — 1992. — № 6. — С. 19—35.

Чудаков А.П. О характере научной медитации и стиля В.В. Виноградова // Русская речь. — 1989. — № 6. — С. 31—36.

Чудаков А.П. Семь свойств научного метода Виноградова // К 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. — М., 1995. — С. 9—15.

REFERENCES

Akademik Viktor Vladimirovich Vinogradov, in *Voprosy yazykoznanija*, № 1, 1970, pp. 6—19.

Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus*, Moscow, 2009.

Vinogradov V.V. *O yazyke hudozhestvennoi literatury*, Moscow, 1959.

Vinogradov V.V. *O yazyke hudozhestvennoi prozy: Isbrannye trudy / poslesl. A.P. Chudakova, komment. E.V. Dushechkinoi*, Moscow, 1980, vol. 5.

Vinogradov V.V. Pis'ma N.M. Vinogradovoi-Malyshevoi, in *Novyi mir*, 1995, № 1, pp. 157—170, available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mir/1995/1/pub_soob.html

Vinogradov V.V. *Poetika russkoj literatury: Izbrannye trudy / Otv. red. M.P. Alexeev, A.P. Chudakov*, Moscow, 1976, vol. 4.

Vinogradov V.V. *Stil' Pushkina*, Moscow, 1941.

Vinogradov V.V. *Yazyk Pushkina. Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo jazyka*, Moscow, Leningrad, 1935.

Kolesov V.V. *Kontseptologiya: uchebnoe posobie*, Kemerovo, 2012.

Nikitin O.V. V.V. Vinogradov. Velikii russkii yazyk, in *Russkaya rech'*, 2015, pp. 114—119.

Nikitina E.S. *Semanticheskii analiz yazyka nauki: Na materiale lingvistiki / Otv. red. N.A. Slusareva*, Moscow, 2014.

Pavlovich N.V. *Yazyk obrazov: paradigmy obrazov v russkom poeticheskom yazyke*, 2nd issue, Moscow, 1995.

Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatii / gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko, Moscow, 2008.

Rudenko D.I. *Kognitivnaya nauka, lingvofilosofskie paradigmy i granitsy kultury*, in *Voprosy yazykoznanija*, 1992, № 6, pp. 19—35.

Chudakov A.P. *O haraktere nauchnoj meditatsii i stile V.V. Vinogradova*, in *Russkaya rech'*, 1989, № 6, pp. 31—36.

Chudakov A.P. *Sem' svoystv nauchnogo metoda Vinogradova*, in *K 100-letiyu so dnia rozhdeniya akademika Viktora Vladimirovicha Vinogradova*, Moscow, 1995, pp. 9—15.

Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова

Статья посвящена описанию орфографической составляющей первого советского нормативно-го «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова. Особенности правописания словаря анализируются в контексте орфографической ситуации послереформенного периода и взглядов Д.Н. Ушакова. Устанавливаются подходы к нормализации таких, например, спорных групп написаний, как сложные прилагательные со значением оттенка цвета, гласные *о/е* под ударением после шипящих в суффиксах существительных, *н/nn* в суффиксах прилагательных и причастий. Выявляются основные группы орфографических вариантов в словаре, уточняется их нормативный статус. Определяется влияние словаря на нормализацию послереформенного правописания.

Ключевые слова: *Дмитрий Николаевич Ушаков; «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова; история орфографии; разноречивой послереформенного правописания; особенности правописания в словаре; орфографические варианты; нормализация правописания.*

Svetlana V. Naumenko

Questions of Orthography Normalization in «Tolkovy slovar' russkogo yazyka» after edition of D.N. Ushakov.

The article is dedicated to orthographical content of the first soviet standard «Tolkovy slovar' russkogo yazyka» after edition of D.N. Ushakov. The specific aspects of spelling are analyzed in the context of orthographic situation in postreformed period and D.N. Ushakov's views. It is set the approaches to normalization of such controversial groups of writing as compound adjectives with the meaning of colour shade, stressed vowels *o/e* after hushings in nouns' suffixes, *n/nn* in suffixes of adjectives and participles. The basic groups of orthographic variants in the dictionary are defended, their normative status is determined. It is defended the influence of the dictionary on the normalization postreform spelling.

Key words: *Dmitrii Nikolaevich Ushakov; «Tolkovy slovar' russkogo yazyka» after edition of D.N. Ushakov; orthography history; inconsistency of the postreform writing; specific aspects of spelling in dictionary; orthographical variants; orthography normalization.*

Широкому кругу читателей выдающийся лингвист и талантливый педагог Д.Н. Ушаков (1873–1942) известен прежде всего в качестве редактора первого

нормативного советского «Толкового словаря русского языка» (1934–1940). Научные достоинства словаря определили его влияние на дальнейшее развитие отечественной лексикографии. Впервые примененные здесь принципы нормативно-стилистической характеристики слова, многоаспектная система разнообразных помет стали основой для будущих толковых словарей разного типа, в том числе и двуязычных: «... все значительные словари советской эпохи создавались с оглядкой на ушаковский словарь», поэтому «ни одному из составителей наших толковых словарей не будет в обиду, если сказать, что все они вышли из ушаковского словаря» [Отечественные лингвисты 2003: 65; Ханпира 1984: 75].

Популярное название словаря — «ушаковский» — это безусловное признание

Светлана Васильевна Науменко, кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по научно-методической работе

E-mail: rgbsvnaum@mail.ru

Канский педагогический колледж

ул. 40 лет Октября, д. 65, г. Канск, Красноярский край, 663606, Россия

Kansk Pedagogical College

65 str. 40 let Oktyabrya, Kansk, Krasnoyarsk region, 663606, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Науменко С.В. Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова // Русский язык в школе. — 2018. — № 9. — С. 67–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-67-74.

заслуг Д.Н. Ушакова, который был главным организатором не только собственно научной, но и всей технической части издания тезауруса [Никиitin 2015]. Словарь «продолжил пушкинскую традицию заботы о русском языке», от него «веет талантливостью... в нем легко дышать. Его хочется читать... Чувствовать обаяние и мощь русского языка» [Панов 2007: 741]. Успех словаря, как указывал один из его составителей С.И. Ожегов, был обеспечен наличием трех условий: «Первое — это внутренние свойства самого Дмитрия Николаевича, как человека и ученого. Второе — это характерное для всей научной деятельности Дмитрия Николаевича вообще — умение найти в нужный момент наиболее актуальную проблему науки и русского просвещения. И наконец, — третья — это богатейший ученый опыт Дмитрия Николаевича, ученая интуиция, тонкое живое знание русского слова и его духа» [Ожегов 1992: 72]. Принципиально важно и то, что Д.Н. Ушаков сумел привлечь к работе над словарем таких профессионалов, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.П. Обнорский, С.И. Ожегов, В.В. Томашевский, В.И. Чернышев, Л.В. Щерба.

Русский литературный язык после октябрьских событий 1917 г. «акцентирует разрыв с традицией», своеобразную «революцию языка» [Грановская 2005: 382]. Прежние стандарты «словоупотребления, ударения в слове, написания и произношения резко заколебались», крайне остро обозначив проблему широкого нормирования нового качества литературной речи, в том числе и ее письменной формы [Цейтлин 1958: 113–114]. Практической формой ее разрешения виделся авторитетный толковый словарь, с инициативой создания которого в 1920 г. выступил В.И. Ленин, уточняя, что он непременно должен быть «по новому правописанию», т.е. учитывать итоги орфографической реформы 1917–1918 гг. [Письмо В.И. Ленина к Е.А. Литкенсу 1935: 199]. К практической реализации этой идеи удалось приступить только в 1928 г., поскольку ранее «сущность новой, становящейся нормы была... неясна, между тем как цели словаря были нормативные» [Ожегов 1952: 88].

Особенно сложной тогда оказалась ситуация в правописании, которое, по свидетельству современников, захлестнула «настоящая эпидемия безграмотности» [Суворовский 1927: 8]. Отчасти она

оказалась неизбежным следствием реформы орфографии 1917–1918 гг., поскольку любое реформирование, как справедливо указывает Л.В. Щерба, разрушает авторитет и престиж орфографии как таковой: «Практический вывод, который был сделан... почти всем обществом, был тот, что орфография — вещь неважная, пиши, дескать, как хочешь, не в том сила... Эта новая оценка орфографии была подкреплена свойственным всем революционным эпохам презрением к “форме” и погоней за “существом”» [Щерба 1927: 82–83]. «Учительская газета» приводит следующие примеры «орфографической беспечности, нагло скалящей зубы в афишах, объявлениях, плакатах»: «*Запис бальных по живой оперети*»; «*Союз пиццивиков организует в субботу вечер пения и дикломации*»; «*Пичение, сухар, мендаль и прочие диликатесы*»; «*паисная икра*» [Дагайский 1923].

Закономерно, что борьба за грамотность, являющуюся, по выражению С.И. Ожегова, «первоэлементом письменной речи», вскоре начинает осознаваться как часть политической программы советского государства: «Грамотность и культура нам необходимы для социалистического строительства... овладение техникой грамотного письма приобретает большое политическое значение» [Ожегов 1956: Л. 1; О новом правописании 1930: 6]. Однако решение этой задачи затрудняла общая неупорядоченность орфографии, «сбивчивость и противоречивость многих правил», которая в силу объективных причин не была устранена орфографической реформой 1917–1918 гг. [О новом правописании 1930: 6]. Авторы издававшихся самостоятельно и независимо друг от друга ведомственных справочников и словарей устремились «кустарно проводить ревизию правил», способствуя «внешению нового разнобоя и новой путаницы в русское правописание, вместо того, чтобы содействовать установлению единообразия в этом важном деле» [Шапири, Уаров 1933: 3; Иоаннисянц 1936: 69]. Д.Н. Ушаков писал по этому поводу: «Современное состояние нашего языка таково, что не может быть двух орфографических словарей, которые бы не противоречили друг другу.. В одном пишется *ватрушка*, в другом *вотрушка*, в одном *ресурс* с двумя *сс*, в другом с одним *с* и т.д., и т.д. ... словари противоречат друг другу, потому что они отражают то состояние, в котором мы с вами находимся... сейчас — что город, то норов. Если

вы придется по издательствам, то увидите, что в них необычайный разноречивый» [Выступление на совещании словесников: Л. 12–13]. Между тем и печать, и школа, как отмечал Д.Н. Ушаков, «жаждали того или иного определенного установления колеблющихся случаев» [Отзыв Д.Н. Ушакова: Л. 33].

Характерная для различных сфер общественной и производственной жизни 1930-х гг. стандартизация также «явилась стимулом в борьбе за унификацию письма», найдя отражение в стремлении создать общепринятый «твердый шаблон» и «стандарт правописания» [Обнорский 1934: 458–459]. В связи с этим от толкового словаря ожидали, что он будет иметь «своей орфографией... огромное нормализующее и унифицирующее влияние», став «мерой, способной вывести школу и печать из того орфографического хаоса, который сейчас является их бичом» [Письмо Б.А. Ларина к Д.Н. Ушакову: Л. 3 об.; Тезисы доклада Д.Н. Ушакова об орфографии: Л. 18 об].

Следует сказать, что к проблемам орфографии Д.Н. Ушаков обратился еще в 1911 г., написав работу «Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопрос о его реформе». С 30-х гг. XX в. он входит в состав нескольких орфографических комиссий, руководит разработкой проектов орфографических и пунктуационных правил, ведет масштабную просветительскую работу в области правописания среди педагогов, обращается в различные ведомства с предложениями о координации работы по упорядочению орфографии, составляет широко известный школьный «Орфографический словарь» (1934). Весь этот опыт орфографической работы, несомненно, был применен им и в толковом словаре, оказавшем «громадное влияние на упорядочение орфографии 30-х гг.» [Цейтлин 1958: 121].

Словарь стал важным шагом к созданию первого в истории русского правописания орфографического стандарта – действующего «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956). Во-первых, это был первый большой и общедоступный словарь русского языка в соответствии с реформированной орфографией. Во-вторых, здесь учитывались все основные группы разноречия послереформенного периода, что отвечало задаче их систематизации и постепенной нормализации. Отражая противоречия, существовавшие в правописании

своего времени, словарь в то же время ярко обнаруживает движение к стабильной и единой орфографии, необходимость которой была предметом обсуждения множества публикаций Д.Н. Ушакова.

В-третьих, пытаясь сузить круг спорных написаний, словарь провел регламентацию, пусть и не всегда оставшуюся неизменной, например слитного написания сложных прилагательных-терминов, образованных от двух существительных (*грудобрюшный, тазобедренный*), и слитного написания прилагательных со значением оттенка цвета (*светлосиний, светлолиловый, темнокрасный, чернобурый*, но *изжелта-красный, иссиня-черный*) при распространенных тогда в практике *голено(-) стопный, груди(-)брюшный, светло(-)синий, светло(-)лиловый, тазо(-)бедренный, темно(-)красный, черно(-)бурый* и *изжелта(-)красный, иссиня(-)черный*.

Правописание сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета, Д.Н. Ушаков указывал «в числе основных линий современного орфографического разноречия» [Ушаков 1937: 17–18]. Любопытно, что непоследовательность орфографического оформления таких прилагательных характерна уже для первого толкового словаря русского языка – «Словаря Академии Российской» 1789–1794 гг., который, подобно словарю под ред. Д.Н. Ушакова, тоже решал задачи регламентации единой общенациональной языковой нормы своего времени: *блѣдноалый* (I, 232) и *блѣдно-алыя* (II, 18, 186); *блѣдноголубый* (I, 232), *блѣдно-голубый* (I, 170) и *блѣдно голубаго* (I, 170); *свѣтло-оливковою* (IV, 129, 216) и *свѣтлосвѣрая* (IV, 129, 243); *темно красное* (III, 451) и *темнокрасной* (III, 1174, 1219); *темно-лазорева* (III, 665) и *темнолазорева* (III, 665); *темно-сѣрая* (III, 440) и *темносѣрая* (III, 1022); *изъ красна черноватый* (I, 387), *изъ красна-желтоватая* (III, 402) и *изкрасна пурпуровыхъ* (I, 80). Непоследовательность орфографического оформления отражает и «Словарь современного русского литературного языка» под ред. В.И. Чернышева и С.П. Обнорского (1948–1962 гг.), где наряду со слитным написанием *бледножелтый, бледнорозовый* в заголовках словарных статей в иллюстративном материале также находим примеры и дефисного оформления: *Тишка сорвал большой бледно-желтый цветок* (Д.Н. Мамин-Сибиряк); *небесно-голубой* и *темно-кофейный* [Словарь современного русского литературного языка 1948 (Т. 1); 1954 (Т. 3); 1956 (Т. 5)].

Показательно, что рекомендации толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова в части слитного правописания сложных прилагательных, обозначающих оттенки цвета, повторят проекты правил орфографии и пунктуации 1947, 1948 и 1951 гг., С.П. Обнорский в «Вопросах современной русской орфографии» (1944), А.Б. Шапиро в «Русском правописании» (1951) и С.Е. Крючков в «Спорных вопросах русской орфографии» (1952), «Словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова (1949, 1952), что, несомненно, свидетельствует об авторитете нормативных решений толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова для своего времени.

Наблюдения за печатными изданиями 1935–1953 гг., например, «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1935, 1959), стихотворений Н.А. Некрасова (1939, 1952, 1953), «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя (1952), «Хаджи-Мурата» Л.Н. Толстого (1946, 1953) также отражает постепенную динамику закрепления слитных написаний таких прилагательных: *бледно-лиловым, темно-голубым, темно-коричневым, ярко-оранжевая, ярко-прозрачный* (издания 1935 г. и 1939 г.) и *бледнолиловым, бледнозолотого, темноголубым, темнокоричневым, яркобелые, яркооранжевая, яркопрозрачный, яркосиние* (издания 1946 г., 1950 г., 1952 г., 1953 г.). Утвержденное же действующими «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956) дефисное написание прилагательных типа *бледно-золотой, светло-лиловый, темно-красный* было предложено проектом правил 1955 г. Нововведение уже на этапе предварительного обсуждения вызвало немало возражений, поскольку различные нормативные издания, в том числе школьные учебники и орфографические словари, «устанавливали в течение более десятка лет совсем другую традицию» слитного написания таких прилагательных, как *бледнолиловый, темноголубой* [Добромыслов 1954: 30].

Предпринятая авторским коллективом толкового словаря нормализация правописания гласных *о/е* под ударением после шипящих в суффиксах существительных тоже упорядочивала противоречивую практику, где можно было встретить *бельчонок, волчонок, зайчонок* и *бельченок, волченок, зайченок*. Как отмечали современники, если правило Я.К. Грота о правописании *о* в ударной и *е* в безударной позиции после шипящих «твердо установилось... в окончаниях существительных и прилагательных»,

то правописание суффиксальных морфем в 30–40-е гг. XX в. продолжали отличать «непоследовательность и многие колебания» [Проект 1930: 13]. Так, в суффиксах существительных наблюдалось «тяготение к *о* после твердых *ж, ш* и, наоборот, к *е* после мягкой *ч*: *горшок, лужок, но зрачек, скачек; медвежонок, но галченек; душонка, книжонка, но девченка, рученка; горшочек, дружочек, но зрачечек, сучечек* [Там же]. Толковый словарь в качестве нормативных закрепил в суффиксах существительных написание с гласной *о* под ударением после *ч*, независимо от ее мягкости: *волчонок, галчонок, девчонка, зайчонок, зрачок, пиджачок, сучок, сучочек, скачок*.

Последовательно устраняются словарем под ред. Д.Н. Ушакова и характерные для практики тех лет колебания в рекомендациях относительно правописания бесприставочных страдательных причастий и соответствующих прилагательных. Так, в одном справочнике указывалось, что причастия, «не имеющие приставок, пишутся с одним *н* в суффиксе, если употребляются и в качестве обычных прилагательных: *вязал — вязаный, путать — путаный, солил — соленный, стрелял — стреляный*», в другом, наоборот, в этом случае рекомендовалось *нн* [Шапиро, Уаров 1933: 30; Филиппов 1933: 92–93].

В толковом словаре правописание бесприставочных страдательных причастий прошедшего времени последовательно регламентируются с *нн*, тогда как соотносительных прилагательных — с *н*: *вязанный* (прич. страд. прош. вр. от *вязать*) и *вязаный* (*вязаная кофта, скатерть*), *граненный* (прич. страд. прош. вр. от *гранить*) и *гранённый* (*гранённый стакан, гранёная яшма*); *соленный* (прич. страд. прош. вр. от *солить*) и *солённый* (*солёный суп, солёная морская вода*). Устойчивым оказывается в толковом словаре и правописание таких спорных в послереформенной орфографической практике прилагательных, как *деревянный, оловянный, стеклянный, но серебряный*.

Конечно же, нормативные задачи в области орфографии были разрешены в той мере, в какой это было возможно при отсутствии официального орфографического стандарта. Так, орфография словаря отразила колебания и противоречия, которые существовали в правописании до утверждения «Правил русской орфографии и пунктуации» (1956): 600 единиц имеют в словаре факультативное написание.

Однако нормативная позиция составителей словаря и его главного редактора Д.Н. Ушакова четко видна и в этом случае. Как правило, один из орфографических вариантов сопровождается указанием на меньшую употребительность или неправильность, устарелость. Так, в предисловии поясняется, что в тех случаях, когда «в практике наблюдается колебание правописания, например, *ватрушка* и *вотрушка*, *калач* и *колач*, в словаре даются оба варианта. Если они могут считаться одинаково правильными, то тот, который представляется более распространенным, приводится как *основной*, а другой помещается в скобках со словом “или”» [ТСРЯ 1935(1): XXXI]. Отметим, что при этом предпочтительность или безусловная правильность именно основного варианта последовательно подчеркивается с помощью шрифта (оформление примеров максимально приближено к тому, как они представлены в словаре):

БЕЗУДЕРЖУ (или без *удержу*), БЕЗУСТАЛИ (или без *устали*), БЕЧЁВКА (или *бичёвка*), ВАТРУШКА (или *вотрушка*), ВКОНЕЦ (или *в конёц*), ВСКОБКУ (или *в скобку*), ДИЭЗ (или *диёз*), ЗАХЛЕСНУТЬ (или *захлестнуть*), КОЩЕЙ (или *кашэй*), КАМОРКА (или *коморка*), КАЛАЧ (или *колач*), КАМФОРА (или *камфара*), КАРГА́ (или *корга́*), КАРАЧКИ (или *корачки*), КРЯХТЁТЬ (или *крехтёт*), ЛАКАТЬ (или *локать*), ЛЕДИ (или *лэди*), МАЕТА́ (или *маята́*), НАИЗНА́НКУ (или *на изна́нку*), НАСМА́РКУ (или *на сма́рку*), НАШЕНСКИЙ (или *наши́нский*), НЕВЗЛЮБИ́ТЬ (или *не взлюби́ть*), ПАНЕ́ВА (или *понёва*), ПАРО́М (или *пором*), ПЕЧЕВО (или *пéчиво*), ПЛАСТИЛИ́Н (или *пластели́н*), ПОПОЛУ́ДНИ (или *по-пополудни*), ПОЧТДИРЕ́КТОР (или *почт-директор*), РАЗЫСКНО́Й (или *розыскной*), РАЩЕ́НИЕ (или *рощёние*), РИТО́РИКА (или *реторика*), СГОРА́ТЬ (или *сгарать*), СМА́ХУ (или *с ма́ху*), СНЕГИ́РЬ (или *сниги́рь*), СЫСПОКО́Н (или *с испокон*), ТРИФО́ЛЬ (или *трефо́ль*), ХОЛУ́ЙСТВО (или *халу́йство*), ЧИХВО́СТИТЬ (или *чехво́стить*).

Если же распространенный в практике вариант рассматривается как *неправильный* или *устарелый*, то используются пометы «неправ.» или «устар.»:

ВАЛТО́РНА (валто́рна *неправ.*), ИМПРЕСА́РИО (импресса́рио *неправ.*), КАВЫ́ЧКИ (ковы́чки *неправ.*), КАЗАК (козак

устар.), КАРЕ́ЛЫ (корёлы *неправ.*), КОНУРА́ (или, *устар.*, канура), КОРРИ́ЖИРОВАТЬ (чаще, но *неправ.* *коррегировать*), ЛА́ДАНКА (ладонка *неправ.*), ОТА́РА (а́тара *неправ.*), ПАЛИСА́ДНИК (полисадник *неправ.*), ПАТОЛОГОАНАТО́М (паталог-анатом *неправ.*), СЕМЕННИ́К (семянник *неправ.*), ПАРНА́С (или, *устар.*, *парнас*), ПАСОВА́ТЬ (или, *устар.*, *пассовать*), ПОВИ́ЛИКА (или, *устар.*, *павили́ка*), ПОДСТА́ТЬ (или, *устар.*, *подста́ть*), ПОЛИЦЕ́ЙМЕЙСТЕР (или, *устар.*, *полицимейстер*), ПОРЕ́Й (или, *устар.*, *поррей*).

Дополнительные, устаревшие или *неправильные* варианты помещаются в словаре на своих местах в алфавитном порядке, но словарная статья разрабатывается только к основному варианту, указывая тем самым пользователю на его большую предпочтительность и правильность:

БОДЯ́ГА. См. бадяга; ПИГО́ЛИЦА. См. пигалица; ПИЕЛИ́Т. См. пиелит; ПИЕМИ́Я. См. пиемия; ПИЕ́СА. См. пьеса.

Необходимо особо подчеркнуть, что все комментарии и иллюстративный материал словарной статьи, содержащей в заголовке орфографический вариант, включают только основной вариант, что способствовало еще большему закреплению его как более предпочтительного в сознании пишущих:

ДИСТИЛЛИ́РОВАТЬ (или *дестиллировать*), рую, руешь, *сов. и несов., что* [от латин. *distillo* или *destillo* — *капаю*] (*спец.*). Подвергнуть (подвергать) перегонке, очистить (очищать) перегонкой (жидкости). *Д. воду. Дистиллированная вода.*

МАСШТА́Б [*аш*] (или *машта́б*), а, м. [нем. *Masstab*]. **1.** Отношение уменьшенных расстояний и размеров на карте и чертеже к действительным. *Географическая карта крупного масштаба. М. — 10 верст в дюйме. В десятиверстном масштабе.* **2.** Мера. *В большом, в маленьком масштабе.* // Охват, значение, размах. *В мировом масштабе. Масштабы производства стали гигантскими.* **Масштаб цен** (*экон.*) — установленное соотношение между денежными единицами различного наименования.

МА́ЧЕХА (или *мачиха*), и, ж. **1.** Жена отца по отношению к детям от прежнего его брака. **2.** *перен.* О ком-чем-н. неблагоприятном, враждебном. *...Дережня была для него мачехой, и он готов был бежать из нее...* Стлн (о крестянине при капитализме).

По нашим наблюдениям, производные слова также нередко даны с учетом орфографии только основного нормативного варианта:

БАЯН (или боян), но БАЯНИСТ; ВАТРУШКА (или вотрушка), но ВАТРУШЕЧНЫЙ; КАЗАК (или козак), но КАЗАЦКИЙ, КАЗАЧИЙ, КАЗАЧКА, КАЗАЧОК, КАЗАЧОНОК; ПАРОМ (или пором), но ПАРОМЩИК.

Если же факультативность правописания в заголовках словарных статей у производных сохраняется, то и в этом случае внутри статьи последовательно используется только основной вариант. Следует отметить, что действующими «Правилами русской орфографии и пунктуации» (1956) в качестве нормативного в абсолютном большинстве случаев будет закреплен именно рекомендуемый словарем основной вариант.

Особую группу представляют варианты написаний иноязычных слов, где отражены колебания в выборе одиночной или удвоенной согласной:

АК(К)ОРД, ДОП(П)ИНГ, КАБ(Б)АЛА, КАРТА(Р)АКТА, КОМ(М)ЕРЦИЯ, КОРАЛ(Л), КОЭФ(Ф)ИЦИЕНТ, ПОПУР(Р)И, РЕС(С)УРС.

По отзывам современников, вопрос об одиночных и удвоенных согласных в иноязычных словах оказался в послереформенной орфографии «самым большим и спорным», здесь было невозможно «провести никакого единого принципа»: писали *агрегат* и *агрегат*, *аллея* и *алея*, *аллюминий* и *алюминий*, *аккредитив* и *акредитив*, *коэффициент* и *коэфициент*, *официальный* и *официальный*, *терраса* и *терраса* [Орфографический справочник 1936: 59; Уаров, Шапиро 1933: 12]. Данная группа вариантов толкового словаря отражает один из самых сложных аспектов теории и практики отечественной орфографии, где при отмеченной еще Я.К. Гротом «неодинаковости понимания условий передачи иностранных слов» кодификаторами «в большинстве случаев объективно однозначных решений быть не может и выбор в той или иной степени условен» [Грот 1876:180; Нечаева 2011: 22]. Колебания в употреблении удвоенных согласных в заимствованных словах по-прежнему «относятся к наиболее частотным... характерно, что иногда разноречиво существует независимо от фиксации данного слова в орфографическом словаре» [Букчина 1988: 8].

Статус вариантов типа АГ(Г)РЕГАТ в предисловии к толковому словарю, несмотря на их многочисленность (205 единиц), никак не поясняется, однако из текста словарной статьи, как правило, можно установить более предпочтительный вариант, который и следует считать основным:

АК(К)ОРД, а, м. [ит. *accordo*] (муз.). Соединение нескольких (не менее трех) одновременно звучащих звуков, образующих гармоническое музыкальное сочетание. *Взять несколько аккордов на рояле. Заключительный аккорд* (книжн.) — *перен.* заключительное действие, конец. *Крах предприятия был заключительным аккордом бесхозяйственной деятельности акционеров.*

АК(К)РЕДИТИВ, а, м. [от латин. *ascredo* — доверяю]. 1. Денежный документ, содержащий приказ одного кредитного учреждения другому об уплате кому-н. определенной суммы одновременно или по частям (банк.). *По аккредитивам вклады выплачиваются в любой сберегательной кассе СССР.* 2. Верительная грамота (дипл.); см. верительный.

КОМ(М)ЕНТИРОВАТЬ, рую, руешь, *сов.* и *несов.*, *кого-что* [от латин. *commento* — объясняю] (книжн.). Дать (давать) комментарий к чему-н., толковать, объяснять. *К. Маркса.*

В связи с этим необходимо пояснить позицию Д.Н. Ушакова относительно допустимости орфографических вариантов. Единство правописания он рассматривал как обязательное условие «единства самого национального языка», этот «принцип единства становится еще более важным и очевидным, если принять во внимание неуклонно растущее значение русского языка внутри нашего многонационального государства и его интернациональное значение за рубежом» [Ушаков 1936: Л. 8–14]. Одно и то же, по мнению Д.Н. Ушакова, «может писаться по-разному только в том случае, когда в самом языке имеются две формы: *тракторы* и *трактора*, *уславливаться* и *уславливаются*, *мологский* и *моложский* и т. п., — здесь выбор — дело не орфографии, а орфоэпии и стилистики» [Ушаков 1993: 70]. Первая послереформенная орфографическая комиссия при Главнауке 1929 г., в состав которой входил и Д.Н. Ушаков, декларировала безвариантное написание всех слов, где «прежде допускалось двоякое» орфографическое оформление, поскольку наличие вариантов «противоречит здоровому инстинкту охраны орфографии как социального фактора» [Проект 1930: 21; Диспут // Ф. 358.

Оп. 2. Д. 75. Л. 16]. В предисловии к своему школьному «Орфографическому словарю» Д.Н. Ушаков также подчеркивает, что он «избегает давать двоякие написания слов (например, *идти* и *итти*)», предлагая «из числа существующих... одно» [Ушаков 1934: 3].

В толковом словаре это отношение к орфографическим вариантам находит свое выражение в том, что, во-первых, среди них отсутствуют равноправные, один из вариантов обязательно получает характеристику *дополнительный/устарелый/неправильный*. Во-вторых, в тексте словарной статьи (комментарии, иллюстративный материал) последовательно используется именно основной вариант, который осознавался как более предпочтительный, следовательно — более правильный и нормативный. Для читателя этот статус основного варианта подчеркивался не только с помощью помет, но и особенностей его графического оформления. Всё вместе это отвечало представлению, что в силу своей специфики орфографическая норма не должна предусматривать выбор. В-третьих, орфографические варианты находятся только в позиции заголовков словарных статей. Можно предположить, что варианты вошли в корпус толкового словаря в интересах обычных пишущих, поскольку исключение дополнительных, устарелых и неправильных вариантов при неупорядоченности послереформенной орфографии могло бы существенно затруднить наведение справок о нормативном написании конкретных слов.

Научная и активная просветительская деятельность Д.Н. Ушакова была подчинена глубокому пониманию того, что «устойчивая орфография принадлежит к числу культурных ценностей» [Панов 2004: 514]. Толковый словарь во многом задает то направление, по которому в следующее десятилетие пойдет унификация и упорядочение правописания: «Орфография современного русского языка выросла не только из школьного “Орфографического словаря” Д.Н. Ушакова (и С.Е. Крючкова) и подготовленного при его активном участии свода 1956 г., но и особенно из “Толкового словаря русского языка” под его редакцией» [Отечественные лингвисты 2003: 63]. Нормализаторский резонанс словаря был, бесспорно, внушительным, поэтому в новом толковом «Словаре русского языка» под ред. С.И. Ожегова, изданном в 1949 г., спорные написания уже не найдут

отражения в силу их относительной немногочисленности к этому моменту.

Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова и сегодня остается уникальным памятником отечественной словесности, «своего рода учебником жизни не одного поколения русских людей, черпающих с его страниц бесценные исторические и языковые факты эпохи» [Никитин 2015].

ЛИТЕРАТУРА

Букчина Б.З. Вопросы орфографической унификации печатных изданий. — М., 1988.

Грановская В.М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. — М., 2005.

Грот Я. Филологические разыскания. — СПб., 1876.

Дагайский. О чем тоскует красный карандаш? // Учительская газета. — 1923. — № 17

Диспут // АРАН. — Ф. 358. — Оп. 2. — Д. 75.

Добромыслов В.А. Облегчить усвоение правописания — основная задача его унификации // Русский язык в школе. — 1954. — № 5.

Иоаннисянц Ц.С. [Рец.] Справочники для работников печати // Большевицкая печать. — 1936. — № 12.

Нечаева И.В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. — М., 2011.

Никитин О.В. Загадки «Ушаковского» словаря // Литературная газета. — 2015. — № 37.

Обнорский С.П. Русское правописание и язык в практике издательств // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. — 1934. — № 6.

Ожегов С.И. Русская орфография (1956) // АРАН. — Ф. 1516. — Оп. 1. — Д. 79.

Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. — 1952. — № 2.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова // РАН. Серия литературы и языка, 1992. — № 3. — С. 72.

О новом правописании. — М., 1930.

Орфографический справочник (проект). — М., 1936.

Отечественные лингвисты XX века. — М., 2003.

Панов М.В. О культурно-историческом подходе к орфографии // Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. — М., 2004. — Т. 1.

Панов М.В. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова // Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. — М., 2007. — Т. 2.

Письмо Б.А. Ларина к Д.Н. Ушакову от 18.03.1934 // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 4. — Д. 20.

Письмо В.И. Ленина к Е.А. Литкенсу от 19.05.1921 // Полное собрание сочинений В.И. Ленина, 1935. — Т. 52.

Проект реформы правописания. — М., 1930.

Словарь Академии Российской. — СПб., 1789—1784.

Словарь современного русского литературного языка / под ред. В.И. Чернышева [и др.]: в 17 т. — М.; Л., 1948—1962.

Суворовский А.М. Распад орфографии // На путях к новой школе. — 1927. — № 12.

Ушаков Д.Н. Выступление на совещании словесников // АРАН. — Фонд 502. — Оп. 3 — № 106.

Ушаков Д.Н. Записка к Сводам орфографических и пунктуационных правил (1936) // АРАН. — Ф.502. — Оп. 1. — Д. 76.

Ушаков Д.Н. Об орфографии // Русская речь. — 1993. — № 1.

Ушаков Д.Н. Орфографический словарь. Для начальной и средней школы. — М., 1934.

Ушаков Д.Н. О современном правописании // Большевицкая печать. — 1937. — № 2.

Ушаков Д.Н. Тезисы доклада «Об орфографии» // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 103.

Ушаков Д.Н. Отзыв о новом орфографическом словаре Я.С. Хомутова // АРАН. — Ф. 502. — Оп. 3. — Д. 92.

Филиппов Н. Техничко-орфографический словарь. — Л., 1933.

Ханпира Э.И. «Толковый словарь русского языка» под ред. Ушакова (К пятидесятилетию выхода в свет 1-го тома) // Русский язык в школе. — 1984. — № 6.

Цейтлин Р.М. Краткий очерк истории русской лексикографии. — М., 1958.

Шапиро А.Б., Уваров М.И. Орфография, пунктуация и техника корректуры: справочник для работников печати. — М., 1933.

Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Вопросы педагогики. — 1927. — Вып. 2.

REFERENCES

Bukchina B.Z. Voprosy orfograficheskoi unifikiatsii pechatnykh izdaniy, Moscow, 1988.

Granovskaya V.M. Russkii literaturnyi yazyk v kontse XIX i XX vv., Moscow, 2005.

Grot Ya. Filologicheskie razyskaniya, Sankt-Petersburg, 1876.

Dagaiskii. O chem toskuet krasnyi karandash?, in *Uchitel'skaya gazeta*, 1923, № 17.

Disput, at АРАН, F. 358, Op. 2, D. 75.

Dobromyslov V.A. Oblegchit' usvoeniya pravopisaniya — osnovnaya zadacha ego unifikiatsii, in *Russkii yazyk v shkole*, Moscow, 1954, № 5.

Ioannisyants C.S. Spravochniki dlya rabotnikov pechati, in *Bol'shevistskaya pechat'*, 1936, № 12.

Nechaeva I.V. Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnykh zaimstvovaniy, Moscow, 2011.

Nikitin O.V. Zagadki «Ushakovskogo» slovara, in *Literaturnaya gazeta*, 2015, № 37.

Obnorskiy S.P. Russkoe pravopisanie i yazyk v praktike izdatel'stv, in *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*, Moscow, 1934, № 6.

Ozhegov S.I. Russkaya orfografiya (1956), at АРАН, F. 1516, Op. 1, D. 79.

Ozhegov S.I. O trekh tipah tolkovykh slovari sovremennogo russkogo yazyka, in *Voprosy yazykoznaniiya*, 1952, № 2.

Ozhegov S.I. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka pod red. D.N. Ushakova, in *RAN. Seriya literatury i yazyka*, 1992, № 3, p. 72.

O novom pravopisanii, Moscow, 1930.

Orfograficheskii spravochnik (proekt), Moscow, 1936.

Otechestvennye lingvisty XX veka, Moscow, 2003.

Panov M.V. O kul'turno-istoricheskom podhode k orfografii, at *Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku*: v 2 t, Moscow, 2004, vol. 1.

Panov M.V. Tolkoviy slovar' russkogo yazyka pod red. D.N. Ushakova, at *Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku*: v 2 t, Moscow, 2007, vol. 2.

Pis'mo B.A. Larina k D.N. Ushakovu ot 18.03.1934, at Arhiv RAN, F. 502, Op. 4, D. 20.

Pis'mo V.I. Lenina k E.A. Litkenu ot 19.05.1921, at *Polnoe sobranie sochinenii V.I. Lenina*, 1935, vol. 52.

Proekt reformy pravopisaniya, Moscow, 1930.

Slovar' Akademii Rossiiskoi, Sankt-Petersburg, 1789—1784.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / pod red. V.I. Chernysheva [et al.]: v 17 t, Moscow; Leningrad, 1948—1962.

Suворovskii A.M. Raspad orfografii, in *Na putyakh k novoi shkole*, 1927, № 12.

Ushakov D.N. Vystuplenie na soveshchaniy slovesnikov, at АРАН, Fond 502, Op. 3, № 106.

Ushakov D.N. Zapiska k Svodam orfograficheskikh i punktuatsionnykh pravil (1936), at АРАН, F.502, Op. 1, D. 76.

Ushakov D.N. Ob orfografii, in *Russkaya rech'*, 1993, № 1.

Ushakov D.N. Orfograficheskii slovar'. Dlya nachal'noi i srednei shkoly, Moscow, 1934.

Ushakov D.N. O sovremennom pravopisanii, in *Bol'shevistskaya pechat'*, 1937, № 2.

Ushakov D.N. Tezisy doklada «Ob orfografii», at АРАН, F. 502, Op. 3, D. 103.

Ushakov D.N. Otzyv o novom orfograficheskome slovare Ya.S. Homutova, at АРАН, F. 502, Op. 3, D. 92.

Filippov N. Tekhniko-orfograficheskii slovar', Leningrad, 1933.

Hanpira E.I. «Tolkoviy slovar' russkogo yazyka» pod red. Ushakova: (K pyatidesyatiletiiyu vyhoda v svet 1-go toma), in *Russkii yazyk v shkole*, 1984, № 6.

Tseitlin R.M. Kratkii ocherk istorii russkoi leksikografii, Moscow, 1958.

Shapiro A.B., Uvarov M.I. Orfografiya, punktuatsiya i tekhnika korrekturny: Spravochnik dlya rabotnikov pechati, Moscow, 1933.

Shcherba L.V. Bezgramotnost' i ee prichiny, in *Voprosy pedagogiki*, 1927, issue 2.

«Благогласие слова»

(О лексикографическом опыте А.И. Солженицына)

В статье рассматривается необычный лексикографический опыт А.И. Солженицына (1918–2008) по составлению историко-культурного тезауруса забытых слов, извлеченных из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и произведений поэтов и писателей XIX–XX вв. с целью применения этих слов в современной речевой практике. Обращается особое внимание на экофилологическую проблематику словарной работы, призванной охранять народный и литературный язык от неумеренного использования заимствований и искажения природного облика слова.

Ключевые слова: *лексикография; словесная культура; экофилология; диалект; литературный язык и народная традиция.*

Oleg V. Nikitin

«Blagoglasie slova» (About Lexicographical Experience of A.I. Solzhenitsyn).

The article considers the unusual lexicographical experience of A.I. Solzhenitsyn (1918–2008) on compiling the historical and cultural thesaurus of the forgotten words from «Tolkovi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka» by V.I. Dal' with the purpose of its regeneration and using in the modern speech. The specific attention is paid to ecophilological problematic of the lexicographical work for keeping the popular and literary language safe from unreasonable use of borrowings and deformation of natural word image.

Key words: *lexicography; verbal culture; ecophilology; dialect; literary language and popular tradition.*

Лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств.

А.И. Солженицын.

«Русский словарь языкового расширения»

Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына, вышедший в 1990 г., совсем небольшой по объему. Работая над «Словарем», писатель ставил перед собой задачу – восстановить в памяти нынешнего «техногенного» поколения благозвучие и смысл исконного слова, поднять его из небытия архивов и исторических хроник, возродить дух народной культуры, научить слышать и понимать широкую гамму красок живой речи. В «Словаре» А.И. Солженицына нет

чуждых русскому языку слов, даже если они и сочинены мастерами-стихотворцами или талантливыми писателями.

В кратком «Объяснении» к своему труду автор написал, что заинтересовался «работкой далевского словаря» в 1947 г.:

Для этого я сперва читал подряд все четыре тома Даля, очень внимчиво (так у автора. – *О.Н.*), и выписывал слова и выражения в форме, удобной для охвата, повторения и использования. Затем нашел эти выписки еще слишком громоздкими и стал из первой выжимки вытягивать вторую, а затем из второй третью [Солженицын 1990: 3].

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

E-mail: olnikitin@yandex.ru

ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет»

ул. Веры Волошиной, д. 24, Мытищи, Московская область, 141014, Россия

Moscow Region State University

24 str. Very Voloshinoy, Mytishchi, Moscow region, 141014, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Никитин О.В. «Благогласие слова» (О лексикографическом опыте А.И. Солженицына) // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 75–79. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-75-79.

Первоначальный замысел А.И. Солженицына был, очевидно, связан с его писательскими интересами и поиском художественного призвания, своего почерка. Он вполне осознавал недостаточность своих знаний по «великорусскому языку»:

Вся эта работа в целом помогла мне воссоздать в себе ощущение глубины и широты русского языка, которые я предчувствовал, но был лишен их по своему южному рождению, городской юности, – и которые, как я все острее

понимал, мы все незаслуженно отбросили по поспешности нашего века, по небрежности словоупотребления и по холостяцкому советскому обычаю [Солженицын 1990: 3].

Постепенно представление о смысле чтения классического словаря переросло из увлечения в потребность учиться и читать других этому благовесту — родной речи. А.И. Солженицын замечал:

И мне захотелось как-то еще иначе восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутя к нему — особенно для тех молодых людей, в ком сильна жажда к свежести родного языка... И вообще для всех, кто в нашу эпоху оттеснен от корней языка затертостью сегодняшней письменной речи. Так зародилась мысль составить «Словарь языкового расширения» или «Живое в нашем языке»: не в смысле «что живет сегодня», а — что еще может, имеет право жить [Там же].

Кроме тезауруса народной речи В.И. Даля, при работе над «Словарем» А.И. Солженицын использовал произведения В.П. Астафьева, В.И. Белова, И.А. Бунина, Н.В. Гоголя, А.А. Григорьева, Ф.М. Достоевского, С.А. Есенина, Е.И. Замятина, С.А. Клычкова, В.О. Ключевского, А.В. Кольцова, Ф.Д. Крюкова, Н.С. Лескова, Д.Н. Мамин-Сибиряка, П.И. Мельникова-Печерского, А.Н. Островского, А.Ф. Писемского, А.С. Пушкина, В.Г. Распутина, А.М. Ремизова, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, Г.И. Успенского, И.С. Шмелева, В.М. Шукшина. В «Русский словарь языкового расширения» вошли также «исторические выражения, сохраняющие свежесть; и слышанные мною самим (Солженицыным. — О.Н.) в разных местах — но не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» [Там же].

Прежде чем читать и анализировать «Словарь», надо понять замысел его автора — не филолога или академического работника, а художника слова. Лингвистические наброски, которые вместо теоретического предисловия делает А.И. Солженицын к тексту книги, говорят о его личных предпочтениях. Он хотел ухватить из прошлого мелодию слова, в гармонии его природной стихии, и найти в нем нечто такое, что будет светить под лучами животворного источника духа языка. Он писал об этом так:

Повышенное внимание я уделял наречиям и отглагольным существительным мужского и женского рода, ценя их энергию. Я опирался

на личное языковое чутье, примеряя, какие слова еще не утратили своей доли в языке или даже обещают гибкое применение. И когда таким словом я находил областное, старинное или церковное — я и включал его, часто без ограничительной ссылки: по их неутраченной выразительности такие слова имеют достоинство к жизни и распространению [Там же: 4].

Исследование стандартного, общепринятого бытования лексемы не учитывает контекста — временного, индивидуального, территориального — того культурно-исторического ландшафта, в котором развивается слово. Потому так важно для А.И. Солженицына не сужение (норма), а расширение границ словотворчества (антинорма). «В словарном расширении, — писал он, — мы встречаем слова сотен новых оттенков, непривычного числа слогов и еще никем не употребленных рифм» [Там же].

А.И. Соженицын — очень тактичный лексикограф, оттого многие его примеры, включенные в книгу, остаются без семантических комментариев, например: *забичество* [Там же: 66], *злоречить* [81], *искупимый* [88], *крутобережье* [98], *ладонь озера* [100], *легконравный* [101], *нашеземец* [128], *недовидеть* [130], *перекривляка* [169], *раскрасава* [212] и мн. др. В таких случаях писатель ориентируется на звукопись речи, ее корнеслов, имеющий часто глубинные праславянские связи. А.И. Солженицын вызывает к природному чутью любознательного читателя, как бы «подсказывает мысль о возможном» применении слова, что важно в контексте авторской работы над книгой: «В некоторых случаях объяснение не дано для большей свободы использования, простора воображения» [Там же].

Этого же принципа А.И. Солженицын придерживался и при описании грамматических свойств слов: минимум рекомендаций и только в тех случаях, когда надо указать правильное управление, например: «*усовершенствовать* что» [Там же: 252], или действие по глаголу типа «*усыл, усылка*»; «*утай, утайка*» [253], его свойства — *глубенеть* «становиться глубже» — безличный глагол [49], или родовую принадлежность вроде «*сухоньра* 'пройдоха'», «*сведуга, заедуга* 'сварливый ч<е>л<о>в<ек>'» с пометами «об.» [238] — общий род и т.п. Автор так пояснял это неакадемическое правило:

Грамматические категории слов, для сокращения объема, указаны далеко не везде, а лишь где мне это казалось нужным в пособленье. Род

существительных большей частью самопонятен, наречия отмечены чаще, по их непривычности. Плаголы не всегда приводятся в паре (несовершенный и совершенный вид), иногда только один из пары или объясняется только один из двух – который я нахожу более выпуклым, выразительным [Солженицын 1990: 4].

Гораздо богаче представлены в «Словаре» локальные пометы, которые под художественным пером писателя тоже приобрели расширительное понимание. Это не только указания на диалекты: *безымень* – архангельское [Там же: 15], *беряя* ‘женщина, собирающая ягоды’ – архангельское [21], *вечере* ‘в нынешний вечер, сегодня вечером’ – вологодское [28], *дождь гудёт* ‘течет струей, с гулом’ – южное, рязанское [53], *дикой* ‘шалльной, малоумный’ северное [56], но и на стилистическую окраску слов: *ветрогон*, *глупендяй*, *дурандашник*, *злодырь*, *крапивное отродье*, *башка незаплатанная* и др. – бранные; или книжный характер слов типа *вьяще* ‘больше по числу, количеству’ с пометой «стар<инное>» [48], *горе* в первом значении ‘высоко вверху’ с пометой «ц<е>рк<овное>» [50]. Встречаются в тексте также слова с пометами «старообрядческое», «песенное», «сказочное», «народное», «тюремное», «лагерное».

Книга завершается тремя приложениями. В первом – «Добавления» – автор поместил несколько десятков слов из произведений А. Малышкина (*баловливо*, *бегучий*, *кружильный*, *непочётливый*, *скребучий* *голос*, *чертоломно* и др.), В. Распутина (*безгордый*, *во всю дюженьку*, *изначалье*, *искачествовать*, *окид* *взгляда*, *разночудье*, *рукоумелье*, *староречие*, *чуднозвучие* и др.) и некоторые «исторические выражения» (*безбожество*, *благоповедение*, *глубокословный*, *небезудивительный*, *нечаятельный* *поступок*, *продерзость*, *произыскание* и др.) [Там же: 267].

Во втором приложении – «О лошадях» – А.И. Солженицын рассказывает о мастьях лошадей: *вороночалая* ‘вороная со сплошной примесью белесой или рыжей шерсти, навис черный’ [Там же: 268], *гнедая* ‘рыжая, бурая, а навис черный’ [Там же], *голубая* ‘пепельного цвета, мышастая’ [Там же], *изабеловая* ‘светловолосая, изжелта белесоватая’ [Там же], *каурая* ‘рыжая впрожелть, навис такой же или светлей’ [269], *навис* ‘хвост и грива у коня’ [Там же], *саврасая* ‘рыжая впрожелть, навис черный; светлогнедая с желтизною’ [270] и т.п.; об

их характере и «душевных» качествах: *осадчивый конь* ‘послушный на попятку, мягкий на удила’ [269], *лошадь остегалась* ‘обтерпелась, не боится кнута’ [Там же], *отрясчивая лошадь* ‘не стоит спокойно на месте’ [Там же] и др.; об упряжи, кличках. Автор приводит звонкие обороты речи: *потуривай лошадей, пошёл!* [270]; *угоил ты лошадку!* с пометой «ир<о>н<и>ч<еское>» – ‘загнал’ [271], художественные образы: *лошадь носит боками* ‘тяжко дышит’ – из Л.Н. Толстого [269], *гонять лошадей на проглядку* – из И.С. Шмелева [270], *спотыкливая лошадь* – из И.С. Тургенева [271].

В третьем представлены отдельные бранные слова, в том числе и писательские окказионализмы из произведений Е.И. Замятина вроде *голова-два-уха*, *лешейбойник*, *окаяха*, *отерхан*, *оторвяжник*, *чудород* [272].

Можно сказать, что А.И. Солженицын в своем оригинальном творении представил концепцию экофилологии языка: он пытался вмешаться в эволюцию его форм и мечтал о том, чтобы оживить красивыми и редкими словами современную речь. Этот опыт не единичен в отечественной традиции (см.: [Хроленко 2017: 239–241]) и чрезвычайно полезен как осмысленная идея сбережения самого главного культурного богатства России – ее языка, а значит – этнической самобытности народа, того, что называют «русскостью». Современный исследователь этой проблематики А.Т. Хроленко верно подмечает, что языковая глобализация XXI в. разрушительно действует на природу национальных языков: облегчает коммуникацию, заменяет ее информационными технологиями, упрощает и коверкает устное и письменное общение [Там же: 101–103]. На первый план выходит так называемая массовая культура – обезличенная, подражательная, крикливая и пустая. «Словарь» А.И. Солженицына в значительной мере – выступление против «оболонизации» интеллекта. Писатель призывал читателей прильнуть к богатствам родного языка, не отгораживаться от него стеной, быть разумными и внимательными к философии обычного слова, дорожить им, защищать русскую речь. Об этом заботились наши великие филологи прошлого И.И. Срезневский, Ф.И. Буславев [Никитин 2018], А.А. Шахматов, писатели и поэты Пушкинской плеяды, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, видевшие

в слове сакральный смысл, сильный инструмент влияния на общество, его интересы и в конечном счете прозревшие в нем будущее России.

«Словарь» А.И. Солженицына не следует оценивать с привычных научных позиций и применять к нему строгие критерии исследовательского подхода в том понимании, которое свойственно лексикографической традиции. Он занимает «особое место среди словарей устаревших и редких слов» [Шимчук 2003: 83]. Автор вполне ясно об этом писал в «Объяснении»: «...этот словарь противоположен обычному нормальному: там отсеиваются все недостаточно употребительные — здесь выделяются именно оно. Словарь составлен *не по привычным нормам* (здесь и далее курсив наш. — О.Н.), и я не претендую ни на какую научность обзора. Этот словарь имеет цель скорее *художественную*» [Солженицын 1990: 4]. Неудивительно поэтому, что после выхода в свет «Словаря» его ожидала резкая критика: филологи выискивали ошибки и нестыковки, обвиняли автора в плагиате и примитивизме, укоряли его в незнании основ лексикографии и т.д. (см., например, статьи И.Г. Добродомова [1997], А. Плущера-Сарно [Электронный ресурс]). Не вступая с ними в затянувшийся спор, скажем, что «Словарь» А.И. Солженицына — прежде всего книга для чтения, а не научный труд. В ней не стоит искать каких-то «структурных схем» и логики словарных статей. То, чему современные лексикографы уделяют особое внимание, — семантике текста, точности определений, омонимичности значений слов, стилистическим пометам, без которых не может состояться стандартный словарь, неприменимо к авторскому опыту. В основе солженицынского «Словаря» лежит иная идея: обогатить литературный язык яркими примерами диалектизмов, редкими эпитетами, синонимами современных слов, которые вышли из повседневного обихода, но без них эта лагуна остается ничем не заполненной или, точнее, пребывает в культурном безвременье новояза.

О феномене Даля — Солженицына уже пишут как о культурном явлении, подчеркивая «эффект художественности» «Русского словаря языкового расширения». В то же время, например, М.Н. Эпштейн отмечает и другую сторону этого интересного эксперимента, сравнивая двух лексикографов: «Если Даль — романтик национального

духа и языка и почти бессознательный мистификатор, то Солженицын сознательно усиливает эту далевскую интуицию и по линии кропотливой реставраторской работы (черпает у Даля), и по линии модернистского изыска (отбирает только не вошедшее широко в язык, самое “далевское” у Даля)» [Эпштейн, Электронный ресурс].

«Словарь» А.И. Солженицына показывает скрытые возможности просторечия, некоторых бранных слов, обаятельных местных речений — и в целом свидетельствует о высоком потенциале разговорной стихии. Быт слова, по А.И. Солженицыну, — это его смысловой орнамент, живая морфология, звучная фонетика, рожденные часто не по правилам и не подчиняющиеся законам нормированного языка, но своей образностью и неповторимостью красок они гармонируют с духом языка, его историей и мифологией и несут в себе отпечаток характера русского народа (см.: [Никитин 2018]). Как удивительно красивы и ладны на слух выбранные им слова: *безграмотство* Г.И. Успенского [Солженицын 1990: 12]; бунинское *инобытный* [87]; *истайна* [89], *она все со своим обнимышем* — о ребенке [143], *ни хмурилки в небе* В.П. Распутина [256]; *исчужжи* Н.С. Лескова [90]; бранно-ласковое *канальюшка* [91], *кить работы* А.М. Ремизова [91]; *класть худую славу, наклёванная ягода* [92], *лиходейная раздука* С.А. Есенина [102]; *лозготуха* ‘тараторка’ [103], *лысье жердь* ‘стёсывать кору’, *любозрители* ‘зеваки’ [104], *на дворе мглит*, т.е. стоит мгла [107], *межпогодье* В.П. Астафьева [107]; *чужеумный* Ф.И. Тютчева [262] и т.д.

Эту книгу А.И. Солженицын писал для себя, «для своих литературных нужд и языковой гимнастики» [Там же: 3], стремясь заполнить первозданным словом пропасть «образованщины», а также и для тех неравнодушных читателей, которые хотят уйти от «штампов советского времени» [Там же]. В этом смысле «Словарь» выполнял еще и социально-историческую функцию: филологическое и человеческое возмущение его автора словесными лозунгами коммунистической эпохи имело политический подтекст, но, по сути, было глубоко выстраданным личным опытом воскрешения духа слова. Здесь великого писателя можно поставить в один ряд с такими творцами, как В.И. Даль и Н.С. Лесков, Д.Н. Ушаков и С.И. Ожегов, борющихся за дух слова (см., например: [Никитин 2012]). В этом

контексте важна и такая черта «Словаря», подмеченная И.Ю. Малыгиной: «Жизнь слову дает писатель — именно это демонстрирует А. Солженицын, включая лексику из словаря, из произведений русских писателей в собственные тексты, показывая его силу и энергетику воздействия на читателя» [Малыгина 2016: 38].

Не случайно традиция «языкового расширения» слова была близка А.И. Солженицыну. Он жил этой возвышенной спасительной мыслью — идеей народного языкотворчества — долгие годы. Александр Исаевич пронес свое слово сквозь страшные испытания ГУЛАГа, советский котлован несбычываемых фантазий, где то самое природное слово превратилось в инструмент идеологии. А.И. Солженицын всегда отстаивал иное назначение Божьего дара человека — прививать любовь к ближнему, крепить и множить ее через живое слово. «Языковая гимнастика», который увлекался писатель, — развитие чувства и воображения, своего рода полет во времени без стилистических границ по летописным страницам истории родной культуры, где за каждым росчерком пера — не просто расписная миниатюра, а целый сюжет, биография, «вселенная в алфавитном порядке».

Необычный лексикографический эксперимент А.И. Солженицына по сохранению и приумножению словесного полотна народных узоров притягательен не только своей концепцией экофилологии. Он содержит призыв к нам сберечь родную речь, дорожить каждым ее отблеском, питаться благогласием оттенков радуги русского языка, вопреки «продерзостям» неугомонной эпохи и смятению мысли. Родной язык живет вместе с нами и в нас до тех пор, пока его остов крепок и упругие ветви мудрости книжных веков, соединяющих истину и добро, разум и праведность, тянутся к божественному свету словотолкованья.

ЛИТЕРАТУРА

Добродомов И.Г. Буртасское слово жгонского языка на постмерьянской территории (Из материалов Русского словаря языкового расширения А.И. Солженицына) // *Russian linguistics*. — 1997. — Vol. 21. — № 3. — С. 275–286.

Малыгина И.Ю. «Русский словарь языкового расширения» А.И. Солженицына как форма «диалога» с русскими писателями XX в. (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — Тамбов, 2016. — № 1. — Ч. 2. — С. 34–39.

Никитин О.В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари): монография. — Славянск-на-Кубани, 2012.

Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // *Русский язык в школе*. — 2018. — № 5. — С. 79–86.

Плутсер-Сарно А. О «Словаре языкового расширения» А.И. Солженицына // [Электронный ресурс]. — URL: http://plutser.ru/histogy_dictionary/hslang/ustar_slovar5/ (дата 17.09.2018).

Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. — М., 1990.

Хроленко А.Т. Введение в экофилологию: учеб. пособие. — М., 2017.

Шимчук Э.Г. Русская лексикография: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. — М., 2003.

Эпштейн М. Слово как произведение: о жанре однослова // *Новый мир*. — 2000. — № 9 [Электронный ресурс]. — URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/9/epsh.html (дата 17.09.2018)

REFERENCES

Dobrodomov I.G. Burtasskoe slovo zhgonского yazyka na postmeryanskoi territorii (Iz materialov Russkogo slovarya yazykovogo rasshireniya A.I. Solzhenitsyna), in *Russian linguistics*, 1997, Vol. 21, № 3, pp. 275–286.

Malygina I.Yu. «Russkii slovar' yazykovogo rasshireniya» A.I. Sozhenitsyna kak forma «dialoga» s russkimi pisatelyami XX v. (A. Solzhenitsyn, E. Zamyatin, I. Shmelev), in *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov, 2016, № 1, P. 2, pp. 34–39.

Nikitin O.V. Ocherki po istorii russkoi leksikografii pervoi poloviny XX veka (tolkovye slovary): monografiya, Slavyansk-na-Kubani, 2012.

Nikitin O.V. «Filologiya duha». Fedor Ivanovich Buslaev kak yazykovaya lichnost' (K 200-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, 2018, № 5, pp. 79–86.

Plutser-Sarno A. O «Slovare yazykovogo rasshireniya» A.I. Solzhenitsyna, available at: http://plutser.ru/histogy_dictionary/hslang/ustar_slovar5/ (17.09.2018).

Russkij slovar' yazykovogo rasshireniya / comp. A.I. Solzhenitsyn, Moscow, 1990.

Hrolenko A.T. Vvedenie v ekofilologiyu: uchebnoe posobie, Moscow, 2017.

Shimchuk E.G. Russkaya leksikografiya: uchebnoe posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii, Moscow, 2003.

Epshtein M. Slovo kak proizvedenie: o zhanre odnosloviya, in *Novyi mir*, 2000, № 9, available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/9/epsh.html (17.09.2018)

Н.А. Фатеева. Поэзия как филологический дискурс

Новая книга Натальи Фатеевой, известного специалиста в области лингвистической поэтики, представляет собой многоаспектное исследование метаязыковой составляющей поэтического текста. Автор на обширном материале, охватывающем два с лишним века развития поэтического языка, показывает, как поэты в своих текстах описывают свое творчество: процесс рождения стиха, различные единицы стиховой организации текста, его языковые особенности. Большой корпус привлекаемых для анализа текстов позволил исследователю рассмотреть каждое изучаемое явление в его эволюции. Автор убедительно показывает, как по мере развития поэтического языка проявляется тенденция к усилению метаязыковой рефлексии; описываемые поэтами лингвистические явления и термины становятся все более специальными, их круг расширяется, характеризуя все уровни языка. Особое внимание уделяется языку поэзии рубежа XX–XXI вв., в котором, помимо широкого диапазона лингвистической и стиховедческой терминологии, наблюдаются разнообразные девиации на всех уровнях его организации (фонетико-орфографическом, словообразовательном, лексико-семантическом, грамматическом), которые

уже давно входят в круг исследуемых автором книги языковых явлений (в частности, см. монографию «Открытая структура. О поэтическом языке и тексте рубежа XX–XXI веков»). В рецензируемой книге креативный характер девиаций в современной поэзии исследуется под углом зрения заданной темы – в метапоэтическом ракурсе.

В центре внимания исследователя давно находятся интертекстуальные явления, междисциплинарный и интермедиаальный аспекты изучения поэтического языка. Все они органично вошли в исследование поэтического творчества как филологического дискурса. Интертекстуальные параллели многократно исследуются автором при выяснении мотивации девиаций, при изучении идиостильных особенностей проявления метапоэтического начала. Междисциплинарный подход проявляется в том, что язык в роли метаязыка рассматривается автором и как язык геометрических терминов (при изучении их роли в творчестве Набокова), и как язык философии (в заключительном разделе о метаязыковой рефлексии в «филологической поэзии», сближающейся с философией языка). Интермедиаальность характеризует изучение отражения принципов живописи в метаязыке поэзии (в разделе о Казимире Малевиче).

Рецензируемая книга, безусловно, отличается новизной, так как не имеет аналогов ни по широте охвата исследуемого материала в плане его временных рамок, ни по широте диапазона анализируемых аспектов метаязыковой составляющей поэтического текста. Хотя в основу книги легли уже опубликованные работы автора, здесь они, будучи подчинены исследуемой теме, значительно переработаны и дополнены и приобрели новый ракурс в составе единой цельной монографии. Надо отметить также обширный и продуманный список литературы и предлагаемый автором интереснейший словарь метапоэтических

М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Зоя Юрьевна Петрова, ведущий научный сотрудник

E-mail: zouap@mail.ru

Институт русского языка имени В.В. Виноградова, Российская академия наук

ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, 119019, Россия

Vinogradov Russian language Institute, Russian Academy of Sciences

Volkhonka str., 18/2, Moscow, 119019, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Петрова З.Ю. – Н.А. Фатеева. Поэзия как филологический дискурс // Русский язык в школе. – 2018. – № 9. – С. 80–82. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-80-82.

неологизмов, который может лечь в основу дальнейшей лексикографической работы в этом направлении.

Охарактеризуем кратко содержание книги. Она состоит из трех глав. В первой главе под названием «Поэзия как самоописывающаяся система» рассматриваются фиксируемые поэтами психофизиологические процессы и состояния, сопровождающие поэтическое творчество. Центральный раздел первой главы посвящен поуровневому исследованию метаязыковой организации поэтического текста. Ученый выделяет следующие ее уровни: лексический (использование поэтами лингвистических и стиховедческих терминов, а также обозначений письменного и устного способов представления текста в качестве метаязыковых средств); фразеологический (обыгрывание фразеологизмов, содержащих лингвистические термины); лексикографический; словообразовательный (словотворчество, создание неологизмов); грамматический (объектом метаязыковой рефлексии поэта становятся грамматические категории и формы); фонетико-орфографический (обыгрывание звуков и букв, включая и метаграфему — расположение текста на странице, внешний облик букв и пр.); диалектологический; пунктуационный; интерлингвистический; уровень стихосложения; текстовый уровень.

Заметим, что, строго говоря, возможно, не все указанные выше явления можно назвать термином *уровень*. Так, есть сомнения в правомочности отнесения к языковым уровням лексикографии, интерлингвистики (межъязыкового взаимодействия), диалектных языковых особенностей.

Рассматривая динамические процессы в составе множества метаязыковых компонентов поэтического текста, Н.А. Фатеева приходит к выводу об усилении «профессионального» характера метаязыковой рефлексии к концу XX — началу XXI в.: «поэзия начинает совмещать собственно поэзию с параллельным исследовательским аппаратом, который относится к сфере метаязыка» (с. 81).

Среди наиболее частотных метаязыковых компонентов текста на всем протяжении развития поэтического языка можно назвать слово-понятие *рифма*, которому автор монографии посвящает в рамках первой главы отдельный изящный очерк. Особое внимание в нем уделяется образному представлению рифмы. Как и в других разделах книги, образные параллели,

характеризующие рифму, рассматриваются в диахронической перспективе. Основной круг образов формируется в XIX в., в произведениях Пушкина, Жуковского, Вяземского, Баратынского, например, персонифицирующие тропы, представляющие рифму как женский персонаж: подруга, шалунья, соблазнительница и пр., зооморфные тропы, а также образ рифмы как «брака слов», образ борьбы поэта с рифмой; отмечается и связь рифмы с образом дороги/пути. В более поздние периоды поэты, с одной стороны, развивают традиционные образные параллели, а с другой, в особенности в поэзии последних лет, используют новые образные соответствия, например *зеркало* (В. Гандельсман, О. Николаева), *рифф* 'рефрен в джазовой и рок-музыке' (Е. Чигрин) и др.

Во второй главе «Неологизмы и девиации: креативный аспект» рассматривается девиантность в поэзии как осознанный поэтический прием, относящийся к метаязыковым явлениям. В этой главе, как и в первой, анализируемый материал классифицируется по уровням организации текста: фонетико-орфографическому, лексико-семантическому, словообразовательному, грамматическому. Последнему уделяется наибольшее внимание: исследуются девиации в области категории рода имен существительных, категории возвратности у глагола. Выявляется смысловая обусловленность девиантных форм. Следует отметить вывод исследователя по поводу того, что креативный потенциал девиаций в поэтическом тексте следует оценивать не сам по себе, а с точки зрения развития, обогащения общенационального языка. Наибольшей «жизнеспособностью» обладают те нестандартные языковые формы, которые развивают возможности, заложенные в языковой системе, не вызывают трудностей интерпретации. Отдельный раздел второй главы посвящен создаваемым поэтами новым лингвопоэтическим и стиховедческим терминам, расширяющим представление о соответствующих денотатах — лингвистических и стихотворных явлениях. Н.А. Фатеева выделяет два способа создания поэтами терминов-неологизмов как элементов их «индивидуальной филологии»: 1) словообразование; 2) создание новых метафорических наименований. Отмечается, что словообразовательные метапоэтические неологизмы поэты начинают активно создавать в XX в., особенно много их у Хлебникова (*поец, звучьмо, читьмо, скорословарь, наимал, заумный язык*

и т.д.), Каменского (*словокант, словаль, словолей, звукань* и т.д.), Северянина (*поэзиться, опозтиться, звукоткань, озвенеть*); метафоризация как способ создания индивидуальных метапоэтических обозначений встречается уже в XIX в., например *подстрижка слов* (вместо «усечение») у Вяемского, этот способ далее развивается в XX в. у футуристов (А. Крученых, И. Терентьев, И. Зданевич), появляются такие термины, как *двухглавые слова, однорельсные слова, футуристический столбик* и пр. Словотворчество в области лингвопоэтической терминологии весьма активно развивается и в современной поэзии. Исследовательница иллюстрирует это явление многочисленными примерами из поэзии неофутуристов, концептуалистов и т.п. Практическим применением собранного обширного массива терминов-неологизмов, по мнению Н.А. Фатеевой, могло бы стать создание «Словаря метапоэтических неологизмов», словник которого составляет отдельный раздел монографии. Идея создания такого словаря представляется очень интересной и новой. Конечно, для его завершения потребуется большая работа: полезно дать контексты употребления каждого термина; возможно, сгруппировать слова по словообразовательным гнездам или дать соответствующие отсылки. Сам словник, как кажется, нуждается в некоторой корректировке: некоторые его единицы сложно отнести и к терминам, и к неологизмам, например *кровотечение речи, живоносные рифмы*.

Третья глава «Индивидуальные репрезентации метапоэтики» объединяет исследования несколько разного порядка. Два раздела этой главы посвящены собственно поэтическим идиостилям — В. Брюсова и И. Северянина. Интересный и новый аспект метапоэтических исследований представлен в разделе «“Взводень звонов” Валерия Брюсова как метатекст идиолекта Велимира Хлебникова»: изучается то, как один поэт метапоэтическими средствами изображает идиостиль другого, отбирая языковые средства, характерные для этого другого идиостиля.

В разделе «Поэзия Игоря Северянина как филологический дискурс» рассматриваются неологизмы-термины этого поэта, относящиеся к тематической группе «Язык поэзии, поэтическое творчество». Такой подход позволяет по-новому взглянуть на индивидуальный стиль Северянина, представив его как поэта-филолога.

В остальных трех разделах этой главы предмет исследования расширяется за счет включения в рассмотрение, во-первых, другого вида искусства — живописи, во-вторых, другого вида организации художественной речи — прозы и, в-третьих, науки — геометрии. Включение элементов живописи в метаязык поэзии рассматривается на материале отражения художественных принципов творчества Казимира Малевича в поэзии его современника — А. Крученых, в его собственных стихах и трактатах, в стихотворениях Д. Хармса и И. Бахтерева и затем — в поэзии Г. Айги, Л. Губанова, И. Бродского, М. Аввакумовой, А. Вознесенского. Два заключительных раздела третьей главы посвящены метаязыковой составляющей произведений В. Набокова. Здесь в исследование вовлекается проза, которую Н.А. Фатеева сближает с поэзией («Проза В. Набокова — явление поэтическое», с. 267, примечание), и язык геометрии, выполняющий функцию метаязыка в текстах Набокова. Исследовательница выявляет систему обозначений геометрических форм и фигур в творчестве Набокова, которая становится своеобразным метатекстом, надстраиваемым над текстами его романов.

И наконец, заключительная часть книги посвящена сближению современной поэзии с философией, в том плане, что метаязыковая рефлексия у ряда современных поэтов несет нагрузку философского осмысления мира.

Книга содержит также алфавитный указатель слов, обозначающих языковые и стиховые явления, которые встречаются в анализируемых текстах. Желательно было бы дополнить этот список указанием страниц, на которых появляются соответствующие слова.

В качестве направлений дальнейших исследований можно отметить, во-первых, предложенное самим автором создание словаря метапоэтических неологизмов. Во-вторых, во многих разделах книги рассматриваются образные параллели, включающие названия языковых явлений в функции образов сравнения и предметов сравнения. Напрашивается мысль о систематическом описании этих образных параллелей.

Книга Натальи Фатеевой представляет большой интерес для лингвистов и литературоведов, специалистов широкого гуманитарного профиля и любителей русской словесности.

В.Н. Шапошников. Частицы в современном русском языке. Развитие грамматического класса

Описание частиц с функциональной точки зрения не является общепринятым. В «Грамматике русского языка» (изд. 1960 г.), в работах Ф.К. Гужвы, Д.Э. Розенталя, а также в школьном учебнике В.В. Бабайцевой, Л.Д. Чесноковой (изд. 1992 г.) выделяются словообразовательные частицы, которые служат для образования новых слов: неопределенных и отрицательных местоимений и наречий, а также для образования слов с противоположным значением. В «Грамматике современного русского литературного языка» (изд. 1970 г.) по функциям частицы делятся: 1) на синтаксические, служащие для образования форм морфологических и синтаксических наклонений; 2) субъективно-модальные, служащие для сообщения высказыванию различных экспрессивных оттенков; 3) отрицательные частицы.

Иная классификация дается в «Русской грамматике» (1980 г.). По функциям выделяются частицы: 1) формообразующие; 2) отрицательные; 3) вопросительные; 4) характеризующие действие по протеканию во времени или по результативности; 5) модальные.

В вузовских учебниках по функции выделяют четыре разряда частиц: смысловые, модальные, эмоционально-экспрессивные, формообразующие.

Внутри разрядов частицы делятся на семантические подразряды. В семантической

классификации также не обнаруживается единства взглядов. В разных учебниках и грамматиках семантические группы частиц представлены неоднозначно.

Учебное пособие профессора В.Н. Шапошникова «Частицы в современном русском языке. Развитие грамматического класса» (2017) конструктивно решает многие сложные вопросы, связанные с анализируемой частью речи. Данный труд представляет собой весьма актуальное и вдумчивое исследование, основанное на многолетних наблюдениях автора. В пособии отражены результаты изучения нового состояния языка, и оно может использоваться в преподавании курсов современного русского языка, стилистики и т.п.

Во Введении автором отмечается, что частицы — это «весьма важные конструктивные единицы, без знания которых невозможно полноценное владение языком», в качестве важной проблемы отмечается то, что частицы «в своей массе неоднородны».

В Главе 1 описываются появившиеся новые значения частиц в дополнение к существовавшим, фиксировавшимся толковыми словарями, отмечаются собственно грамматические значения как выражение отвлеченных предметно-процессуальных отношений действительности. Конструктивному анализу подверглись следующие единицы: *вон, вроде, да, дескать, мол, -ка, прямо, не, нет, только, что ли, как-то, что-то, это, ладно, даешь, во, о, от, какой, такой, тут* и др. В.Н. Шапошников выявляет определенные разряды единиц, где происходят изменения. Возможность изменения обусловлена категориальным содержанием слов. Так, например, изменяется набор частиц, выражающих эмоциональную окраску отдельных слов и высказывания в целом. Слова: *эк, куда как, вишь, -с* — вышли из употребления. Устраняются модально-волевые частицы *вишь, ужсо, ну, чай, чу*, устаревают и изменяют сферу функционирования *авось, было, де*; устранялись вопросительные частицы *ль, ужели, ужель, ужли*. Тем самым образовались свободные места

М.: Инфра-М, 2017.

Александр Николаевич Соколов, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и методики обучения

E-mail: adelunga10f@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал

ул. Кооперативная, д. 24, Ивановская область, г. Шуя, 155908, Россия

Ivanovo state University, Shuya branch

24 Cooperative str., Ivanovo region, Shuya, 155908, Russian Federation

Ссылка для цитирования: Соколов А.Н. — В.Н. Шапошников. Частицы в современном русском языке. Развитие грамматического класса // Русский язык в школе. — 2018. — № 9. — С. 83–86. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-83-86.

в системе частиц. Сформировались новые значения у определенных частиц этого разряда.

Особое внимание в пособии уделяется тому, что в парадигматике развита синонимия частиц, выражающих информативную значимость компонентов высказывания, а также имеет место их омонимия в современном русском языке. Автор отмечает устаревшие значения и их существовавшие синонимические связи с близкими по значению частицами на примере *сколь, ровно, всяко, все бы, ну, да, уж, себе, разве, именно, что за*.

Важное научно-практическое значение имеет раздел «Перемещение слов в системе частей речи». Здесь описываются слова других частей речи, которые приобрели значение частиц. Выделяются их партикулные значения; отмечаются синонимичные им частицы (*ишь, было, гляди, смотри, не очень, мне, у меня, брат*). Приводятся убедительные иллюстрации. Современное состояние языка характеризуется тем, что «функция выражения добавочных значений и смысловых оттенков членов предложений или синтаксической конструкции расширяется в системе языка» (с. 19). Большое внимание уделено такому явлению, как полисемия частиц (анализу подвергнуто около 30 единиц). Оформление представлено в следующем виде:

Хоть, – ограничительное значение: Давайте хоть за десять тысяч?

= -ка, уж, хотя бы, ну;

– усилительное значение: Хоть уходи! Хоть ложись и помирай.

= вот, ведь;

– выделительное значение: Что хоть ты там делал? Чем хоть вас там кормили?

= же, -то.

В.Н. Шапошников отмечает, что в результате изменения функций и содержания слов при существенном расхождении их свойств образуется омонимия частиц в системе языка. Складываются определенные сочетания дискурсивных слов, которые становятся устойчивыми в языковой системе (с. 24). Автором отмечаются такие устойчивые словосочетания и определяются их значения, при этом указываются частицы – их синонимы в языковой системе (например, *все равно, что за, так что, это вдруг, так что вот* и др.).

В Главе 3 «Изменения грамматического класса в современном русском языке»

указывается, что в современном русском языке на рубеже XX–XXI вв. образовались некоторые новые частицы. Способ их образования характерен для грамматического класса; у тех или иных дискурсивных единиц – модальных слов или наречий образовались партикулные значения (с. 27). В рамках анализа современного состояния языка это очень важная и продуктивная часть работы. Студент и преподаватель в ней найдут для себя образец внимательного и вдумчивого подхода к синкретичным явлениям современного русского языка. Чрезвычайно богат и актуален представленный материал по данной проблеме (60 единиц – например, *типа, короче, прикинь, такой, вполне себе, по-хорошему* и др.). В.Н. Шапошников фиксирует данные явления при выделении типов контекстов методом структурно-семантического анализа текстов, где выявляются семантические валентности как механизм соединения значений слов.

Значительно дополняет этот анализ часть «Расширение области выражения партикулных значений в системе частей речи». Материал данной главы также отличается новизной. Например, отмечается, что в структуре высказывания занимают партикулную позицию и преобразуются глаголы, в виде той или иной своей формы (*видите ли, давай, скажи, зашибись, получается, проехали, знает, подождите, смотри, не знаю, отстань, понимаешь, не знаю-не знаю*). На современном этапе также участвуют в выражении коммуникативных характеристик сообщения имена – прилагательные, местоимения и существительные (*разные, всякие, единственное, единственный, особенный, всего ничего, оно, ты, тебе, это*). Синкретизм частей речи описывается через взаимодействие частиц и модальных слов. По конструктивным свойствам единиц грамматический класс частиц близок в системе языка модальным словам. Частицы и модальные слова выступают как пересекающиеся классы (*может, блин, наверно*) (с. 44). Автор показывает, что резкую границу между наречиями и частицами также нелегко провести (с. 44). Современная речь, новые веяния в речевой моде стали основным объектом внимания исследователя. Например, у слова *реальный*, кроме его нескольких значений, характерных для русского литературного языка, появилось значение: ‘настоящий, подлинный’, ‘неподдельный, несомненный’. На этой

семантической основе прилагательного в современной речи развивается категориальное значение частицы (с. 47).

Реально, – выражает усилительное значение: Я тебе реально говорю (уст. быт. р. 2010); <...> – Оставь реально (уст. быт. р. 2016), – что синонимично = же, ну, да.

Тот же подход характеризует описание союзов и междометий, выступающих в партикульном значении. Автор отмечает и переходные типы в грамматической природе языка. Таковыми являются в современном русском языке, например, *ну, о, а, уже, всё, исключительно, единственно, только, прямо, просто* и др. Научно-практическое значение имеет и описание устойчивых словосочетаний и фразеологизмов, выражающих коммуникативные характеристики сообщения (*не знаю как, опять же, другое дело, в итоге, по большому счету, ну а, между тем, много чего*), а также заимствованных слов, функционирующих в роли усилителей значения высказывания (*окэй, апропо, аккурат, априори, минимум*).

Высокий научно-теоретический уровень демонстрирует Глава 5 «Сфера действия и значения частиц». Сложные вопросы сочетаемости языковых единиц, линейно-синтагматических свойств частиц решаются наглядно и убедительно. Автором описывается такое важнейшее линейное синтагматическое свойство, как отделимость, т.е. возможность и допустимость поместить между двумя единицами некоторое слово в речевой последовательности. Например, частица *же* имеет более высокую степень свободного размещения в высказывании по сравнению с *не* (с. 53). Читателю дается наглядная и ясная информация о том, что при своем типовом содержании, в разных видах соединяющем грамматическое и лексическое значение, структурные свойства частиц различаются (на примере частиц *было, уже, ровно, просто, такая/ой* и др.). Указывается и на их стилевую принадлежность. В ходе знакомства с пособием В.Н. Шапошникова у студента формируется и укрепляется научно-терминологическая база, создается представление о том, как надо готовить настоящую, современную научную работу.

Глава 6 раскрывает сферу действия и системные изменения частиц. Анализируется функционирование слов, которые занимают в структуре языка положение, промежуточное между грамматическими классами,

в том числе в общем распределении между знаменательными и незнаменательными частями речи, – частицами, вводными словами, наречиями, модальными союзами, местоимениями, предложениями и союзами. Например: *Ничего я, ребята, не жалею, что уехал* (Солженицын. В круге первом). В слове *ничего* совмещаются категориальные свойства местоимения, наречия и частицы и выражается дискурсивное значение ‘а, ну, вот, совсем’. В ходе анализа показано, как в результате происходящих преобразований в употреблении ряда единиц их структурные связи нарушаются, и их позиции в синтаксической структуре изменяются. Гибридность ряда единиц и их межчастеречное положение в ряде случаев могут изменять сам статус части речи дискурсивного слова.

В следующей главе рассмотрена роль в предложении и в тексте частиц, характеризующихся как часть речи несамостоятельностью при отсутствии определенной синтаксической функции. Автором подобран интересный материал по функционированию частиц в качестве высказывания. Отмечается, что значения частиц-высказываний зависят от макроконтекста и выражаются интонационной конструкцией. Разграничиваются типы частиц по положению в речи и структурным свойствам: частицы с фиксированным, постоянным местом в структуре предложения и частицы не с постоянным, а меняющимся местом в предложении, которые могут свободно перемещаться в предложении в зависимости от смысла высказывания.

Значительная часть учебного пособия В.Н. Шапошникова посвящена очень интересной теме: «Изменения в системе языка. Устаревшие и активизирующиеся в другом качестве частицы». Автором обработан большой материал по этимологии частиц, который представлен и в синхроническом, и в диахроническом аспекте. Логико-структурный анализ проведен на примере частицы *авось*. Студенты знакомятся со сложным научно-терминологическим аппаратом на наглядных примерах, что, безусловно, очень ценно и продуктивно.

Автором подробно рассмотрены дискурсивные слова – модальные частицы, – обозначающие принадлежность речи и субъективную манеру выражения (с. 79): *де, дескать, мол*. Интересно наблюдение, что эти слова в просторечном стиле стали выполнять еще одну функцию – заполнителя,

создания содержательных пауз, выступая как знаки-хезитаторы. Автор небезосновательно утверждает, что в современном русском языке эти слова передвинулись из устной речи в сферу письменной фиксации. Это показано на примере частицы *де*. Автором подобран богатый иллюстративный материал. Им отмечается, что в русском языке появляются новые единицы обозначения чужой речи, например, лексема *muna* (с. 91).

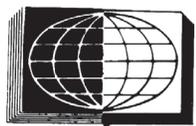
Отдельная часть исследования раскрывает судьбу предикативного слова *было* в современном русском языке. Это пример серьезнейшего и глубочайшего анализа.

Заключительная глава учебного пособия В.Н. Шапошникова посвящена структурно-семантическому противопоставлению частиц и его изменению. Семантическое поле частиц и его развитие в границах нормы разворачивается на примере слова *просто*, которое в современном русском языке многопланово. В частицах происходит совмещение значений, что есть их важное типовое свойство, отмечает автор (с. 107). Слово *просто* относится к активной и высоко употребительной лексике русского языка, поэтому знакомство с ее функционированием будет чрезвычайно полезно для обучающихся. По наблюдениям и подсчетам автора пособия, *просто* встречается в одной пятой части фраз, реализуемых в устной обиходной сфере общения. Более насыщены этим словом диалоговые коммуникативные реплики в дискурсе объяснения, где фразы с *просто* следуют одна за другой. Это явление

характеризует и средства массовой коммуникации, речь современного телевидения. В.Н. Шапошников показывает, как при подобном словоупотреблении возникают те или иные отклонения семантики знака. Слово *просто* начинает сочетаться с такими словами, с которыми раньше не могло сочетаться по своему значению (например, *Просто ем*). Изменяется в результате лексическое значение слова. Оно способно выражать признак действия (*Я просто опоздал*), степень проявления признака (*У меня все нервы просто прыгали*) и т.д. Автор выделяет семантические составляющие нового дискурсивного знака *просто*, с которыми можно познакомиться в пособии. Ту же глубину анализа читатель встретит и далее, при характеристике слова *уже*. Завершает исследование рассмотрение семантики модели соответствия действительности (на примере лексем *воистину*, *действительно*, *на деле*, *в самом деле*).

Следует отметить, что в конце главы даются контрольные вопросы, позволяющие обучающимся верно сориентироваться в научном материале.

Таким образом, рецензируемое учебное пособие В.Н. Шапошникова представляет собой, несомненно, ценный труд для студентов, аспирантов и педагогов. В нем отражены современные процессы в языке, развивающиеся внутри одной из самых подвижных частей речи – частиц. Данное исследование обладает высоким научным уровнем содержания, несомненной новизной, а также предлагает глубокие теоретико-практические решения.

ХРОНИКА

Генриетта Григорьевна Граник

(К 90-летию со дня рождения)

9 ноября 2018 г. исполнилось 90 лет доктору психологических наук, профессору, действительному члену РАО Генриетте Григорьевне Граник. Ею опубликованы такие известные учителям-словесникам книги, как «Секреты пунктуации», «Секреты орфографии», «Как учить работать с книгой», «Речь, язык и секреты пунктуации» и многие другие.

Основные научные интересы Г.Г. Граник лежат в области исследования психологических механизмов грамотной речи, понимания текста, а также разработки концептуальных подходов к построению школьных учебников нового типа по русскому языку. Г.Г. Граник создано новое направление в психолого-педагогической науке – «Школьный учебник».

Г.Г. Граник родилась в г. Улан-Удэ в семье служащих. После окончания Великой Отечественной войны в течение трех лет работала старшей пионервожатой в школе № 81 Краснопресненского района г. Москвы. Окончив педагогический институт, Г.Г. Граник стала учителем русского языка и литературы, а затем районным методистом. С тех пор ее жизнь навсегда оказалась связанной со школой, с проблемами создания школьных учебников и учебных книг.

В начале 60-х гг. Г.Г. Граник пришла в Институт общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО, в котором она работает свыше полувека) в лабораторию программированного обучения, где в течение ряда лет занималась психологическими проблемами создания проблемно-программированных учебников по русскому языку. В 1963 г. она защитила кандидатскую диссертацию по педагогической психологии «Формирование у школьников приемов умственной работы в процессе выработки орфографических навыков». В эти же годы возникли ее дружеские отношения с психологом Н.И. Жинкиным, которому принадлежала идея использовать учебники в качестве инструмента психологических исследований. Впоследствии это позволило создать учебники нового типа – принципиально новые по лингвистическому содержанию, психолого-дидактическому фундаменту и способам подачи материала.

Г.Г. Граник рано осознала, что одному человеку и с задачей создания новых учебников, и с проведением по ним фундаментальных и прикладных исследований справиться невозможно. Ей удалось открыть семинар для учителей при

Психологическом институте, в который вошли ее будущие соавторы и коллеги: С.М. Бондаренко, Л.А. Концевая, О.З. Кантаровская и др. В 1971 г. авторским коллективом был создан первый экспериментальный учебник нового типа по синтаксису и пунктуации русского языка, награжденный премией им. К.Д. Ушинского.

Многие годы научные интересы Г.Г. Граник были связаны с проблемами формирования психологических механизмов речи. В 1985 г. она защитила докторскую диссертацию «Психологическая модель процесса формирования пунктуационных умений». Эти исследования привлекли научный коллектив, созданный Ритой Григорьевной, к проблеме понимания художественного текста и проблеме взаимосвязи школьных предметов «Русский язык» и «Литература», что позволило, в свою очередь, разработать целостную, непротиворечивую основу для построения учебников по русскому языку с I по IX класс. За создание учебников и учебных книг серии «Русская филология» авторский коллектив дважды был удостоен премии Правительства РФ в области образования (1997, 2008).

Г.Г. Граник опубликованы учебные книги не только по русскому языку, но и по литературе: «И... снова о Пушкине», «Драматургия, драматургия, театр», «Русская литература. От былин до Крылова», «Я – другой. М.Ю. Лермонтов», «Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин"». Ею создано особое направление в издании книг для детей – школьное литературоведение на психологической основе.

В настоящее время Г.Г. Граник – руководитель научного коллектива, занимающегося проблемами взаимодействия бумажных и электронных учебников по русскому языку, проблемами чтения и понимания текста, создания учебных книг по литературе. По ее учебникам занимаются учащиеся младших и средних классов, и у этих детей русский язык в результате обучения становится любимым школьным предметом.

Поздравляя Риту Григорьевну Граник с юбилеем, желаем так необходимого ей здоровья, вдохновения и сил для завершения всего задуманного и дальнейших творческих замыслов и свершений!

Лаборатория экопсихологии развития
и психодидактики
Психологического института РАО
Редакция журнала «Русский язык в школе»

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ» В 2018 ГОДУ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

Александрова Г.В. Визуализация учебного материала на уроках русского языка и литературы // № 4. – С. 16.

Александрова О.М., Гостева Ю.Н., Добротина И.Н. Школьный учебник русского языка в цифровом образовательном пространстве: к постановке проблемы // № 8. – С. 3.

Архипова Е.В., Лагунова Л.В. Дискурс учебника русского языка в рамках коммуникативной парадигмы языкового образования XXI века // № 8. – С. 15.

Асеева Д.В., Кулаева Г.М. Методический потенциал дикторского текста в обучении русскому языку // № 1. – С. 9.

Богданова Е.С. Формирование основ гражданской идентичности школьника при изучении русского языка // № 5. – С. 3.

Борисенко Н.А. Учебники русского языка и детская литература: есть ли точки соприкосновения? // № 8. – С. 29.

Бочкарева Г.А., Дорожжина Т.Н. Виды сочинений в формате ОГЭ по русскому языку: стилевые и жанровые характеристики (Статья 1) // № 3. – С. 7.

Бочкарева Г.А., Дорожжина Т.Н. Виды сочинений в формате ОГЭ по русскому языку: стилевые и жанровые характеристики (Статья 2) // № 6. – С. 8.

Воителева Т.М. Учебник как средство реализации содержания предмета «Русский язык» в школе // № 8. – С. 11.

Гац И.Ю. Технологический аспект лабораторного практикума по русскому языку (Контент и организация урока с веб-поддержкой) // № 9. – С. 7.

Дейкина А.Д. Ценностные смыслы современного учебника русского языка // № 8. – С. 7.

Дунев А.И. Интенциональный характер лингвокультурологических задач // № 5. – С. 9.

Ерохина Е.Л. «Что говорит! и говорит, как пишет!»: единые подходы к обучению устной и письменной речи // № 3. – С. 3.

Ерохина Е.Л., Князева О.Ю. Актуальные идеи методической системы Т.А. Ладыженской в аспекте подготовки школьников к итоговому сочинению // № 4. – С. 12.

Калинина Л.В. О принципах подготовки школьников к олимпиадам по русскому языку // № 6. – С. 3.

Кротова Н.А. Приемы формирования коммуникативной компетенции старшеклассников на занятиях элективного курса «Азбука интернет-журналистики» // № 2. – С. 9.

Кузнецова М.И. Потенциал учебника русского языка в формировании коммуникативной грамотности младшего школьника // № 8. – С. 35.

Липатова В.Ю. Инструментальные знания как компонент риторического образования в методической системе Т.А. Ладыженской // № 4. – С. 7.

Маслова М.В. Изучение интонации вопросительных предложений с опорой на аудирование в V–VI классах основной школы // № 1. – С. 3.

Мерзликина И.В. Использование информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе: достижения, проблемы, перспективы // № 9. – С. 3.

Савова М.Р. Речь и ее функции в методической концепции Т.А. Ладыженской // № 4. – С. 3.

Смулаковская Р.Л., Иванова Е.М. Проектно-исследовательская деятельность учащихся по русскому языку (Из опыта работы) // № 7. – С. 3.

Сотова И.А. Функционально-смысловые типы речи: обобщающее повторение при подготовке к ЕГЭ // № 3. – С. 12.

Ускова И.В. Учебник русского языка – основа проектирования домашней учебной работы школьников // № 8. – С. 22.

Шерстобитова И.А., Мишатина Н.Л. Глобальный концепт: естествознание и словесность (На примере концептов «движение» и «инерция») // № 5. – С. 14.

Шутан М.И. Изучение изоморфизма в школьном курсе синтаксиса // № 2. – С. 3.

В полиэтническом классе

Аристова М.А., Кристарова Ж.Н. Лексическая работа в процессе анализа художественных текстов (На материале современного учебника для полиэтнической школы) // № 9. – С. 16.

Штыкова Н.В., Мурашова О.В. К вопросу об изучении русских падежей в полиэтническом классе // № 7. – С. 7.

Совершенствуем профессиональную подготовку

Виноградова Е.М. «Звено в звено и форма в форму»: методика медленного чтения художественного текста (Часть I) // № 4. – С. 27.

Виноградова Е.М. «Звено в звено и форма в форму»: методика медленного чтения художественного текста (Часть II) // № 5. – С. 27.

Горбунова М.В. Письменная речь студентов в цифровой образовательной среде // № 6. – С. 16.

Дивеева А.А. Опыт лингвистического анализа современных рэп-текстов // № 7. – С. 18.

Дворянкова Ю.В. К вопросу об историческом комментировании современных фактов словообразования // № 5. – С. 24.

Ипполитова Н.А. Дружеское письмо как объект риторического анализа // № 4. – С. 20.

Козел Н.Я. Контактные синтаксические синонимы и их экспрессивные возможности в художественном тексте // № 1. – С. 14.

Ларионова Л.Г. Обучение орфографии в аспекте коммуникативно-деятельностного подхода // № 3. – С. 22.

Острикова Т.А., Кудряшова Н.В. Виды и графические варианты кавычек в рукописных, печатных и печатно-рукописных работах: лингводидактические проблемы и пути их решения (Часть I) // № 2. – С. 14.

Острикова Т.А., Кудряшова Н.В. Виды и графические варианты кавычек в рукописных, печатных и печатно-рукописных работах: лингводидактические проблемы и пути их решения (Часть II) // № 3. — С. 18.

Пихурова А.А. Словообразовательное значение в УМК по современному русскому языку // № 2. — С. 23.

Полковникова С.А. Об обобщенном понимании термина норма // № 9. — С. 22.

Сагитова А.Ф. Трудности, связанные с преподаванием темы «Чередование гласных в корне» // № 6. — С. 19.

Соловьева С.А. Бессоюзное предложение: проблемы изучения в школьной грамматике // № 7. — С. 12.

Черникова Н.В., Саватеева Т.Ю. Терминологическая лексика в современной прессе // № 5. — С. 19.

Шильная Н.Н. Риторические нормы устной научной речи // № 6. — С. 13.

Щербина Е.М. Концепция учебника «Введение в педагогический дискурс» // № 4. — С. 24.

Дидактический материал

Пахнова Т.М. «Встретить свой родной язык как друга, нужно... искать этой встречи» (Тексты М.М. Пришвина и о Пришвине на уроках русского языка) // № 2. — С. 27.

Уроки словесности

Богоявленская Е.В. Опыт лингвистического анализа текста (В.В. Вересаев «В Коктебеле...») // № 1. — С. 19.

Обсуждаем, спорим...

Виноградова Е.М. Слишком дорогие ошибки // № 3. — С. 29.

Ерёмин А.Н. Словарная статья в современном толковом словаре (Критические заметки) // № 5. — С. 35.

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ

Цейтлин С.Н. Некоторые факторы, обеспечивающие возможность спонтанного освоения орфографических правил // № 6. — С. 27.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Афанасьева П.В. Дидактические возможности обучения грамматико-орфографическим темам с интерактивной поддержкой // № 2. — С. 32.

Бабурина М.А. Методическая лингвоконцептология: взгляд на сочинение в формате ЕГЭ // № 5. — С. 41.

Белова А.П. Речетворческий анализ поэтических текстов Варлама Шаламова на уроках русского языка // № 7. — С. 25.

Бессчетнова С.А. Лингвокультурологический урок речевого развития «Такая разная слава...» (VIII–IX классы) // № 5. — С. 37.

Григорченко И.А. Формирование лингвокультурологической компетенции обучающихся на бинарном уроке русского и английского языков // № 5. — С. 45.

Гулеватая О.Н., Соловьёва Т.В. Обогащение словарного запаса школьников как условие понимания текста // № 3. — С. 33.

Демидова Е.Б., Шарликова Л.Г. Изучение стилистических возможностей местоимений в школе (На материале «Солнца мертвых» И.С. Шмелева) // № 9. — С. 25.

Добрынина Н.Д., Лопатко О.В. «Животворный русский язык» (Работа над словом-концептом «дом» на материале произведений А. Яшина) // № 7. — С. 31.

Дубова М.А. Изучаем однородные члены предложения // № 6. — С. 31.

Лысова О.В., Лысова А.И. Работа по формированию навыков выразительного чтения у учащихся (Подготовка к устной части ОГЭ по русскому языку) // № 6. — С. 38.

Яценко М.А. О работе с лексемами *собор, храм* на уроках русского языка // № 7. — С. 37.

Такие разные уроки...

Дейкина А.Д., Цуканова Е.И. Роль знаков препинания в письменной речи (VIII класс) // № 4. — С. 32.

Кузнецова Т.В. Мастерская «Письмо есть стиль» // № 2. — С. 36.

Левушкина О.Н. Употребление обращений в деловой речи: традиции и современность (Урок развития речи в VIII классе) // № 3. — С. 37.

ВНЕКЛАССНАЯ РАБОТА

Боголюбов А.С. Сценарий внеклассного мероприятия «Похвала риторике» // № 4. — С. 36.

Викторина, посвященная 150-летию со дня рождения М. Горького // № 3. — С. 42.

Викторина, посвященная 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева // № 9. — С. 31.

Волкова Н.А., Тихомирова Н.П. Топонимика и краеведение (О работе топонимического кружка) // № 7. — С. 48.

Григорьев А.В., Беркутова Г.В. Об итогах заключительного этапа XXII Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку в 2017 году // № 1. — С. 25.

Зыкова М.Н. «Поле чудес» по книге В.И. Белова «Лад» // № 7. — С. 45.

Подводим итоги викторины, посвященной 150-летию М. Горького // № 8. — С. 77.

Фролова О.В. Использование игр с карточками при изучении художественных тропов (На материале стихотворений Н.М. Рубцова) // № 7. — С. 40.

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Бондаренко М.А. Методическое наследие Федора Ивановича Буслаева (К 200-летию со дня рождения) // № 4. — С. 42.

Бондаренко М.А. Филипп Федорович Фортунатов — ученый, педагог, реформатор (К 170-летию со дня рождения) // № 1. — С. 30.

Карамышева С.Н. Публикации профессора М.В. Ушакова на страницах журнала «Русский язык в школе» (К 120-летию со дня рождения) // № 6. — С. 43.

Курцева З.И. Речевой поступок длиною в жизнь // № 4. — С. 39.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Бобылев Б.Г. Зоологическая метафора в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // № 3. — С. 44.

Геймбух Е.Ю. Диалогичность повествовательной структуры романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» // № 8. — С. 41.

Геймбух Е.Ю. «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева: «внутренний» хронотоп как циклообразующий признак // № 9. — С. 37.

Головкина С.Х. Повтор как средство художественной выразительности в поэзии Н. Рубцова // № 7. — С. 61.

Гулова И.А. Автопрецедентность и текстообразование: «Людмила» и «Светлана» В.А. Жуковского // № 2. — С. 41.

Демидова Е.Б., Мартыненко Ю.Б. Экспрессивные синтаксические конструкции в повести И.А. Бунина «Митина любовь» // № 1. — С. 40.

Колокольцева Т.Н. Интертекстуальный анализ стихотворения Е.А. Евтушенко «Молитва перед поэмой» // № 6. — С. 59.

Николина Н.А. Средства театрального кода и их функции в пьесах А.Н. Островского // № 4. — С. 48.

Николина Н.А. Экспрессивные словообразовательные средства в прозе И.С. Тургенева // № 9. — С. 32.

Панова Е.А. Демоны дома, или «Грамматика» страха (Стихотворение Ф. Сологуба «Не трогай в темноте...») // № 3. — С. 52.

Романов Д.А. Гармония простоты (Лингвопоэтика «Четвертой русской книги для чтения» Л.Н. Толстого) // № 8. — С. 47.

Романов Д.А. Поэтика увлекательности: «Воспоминания о камне» А.Е. Ферсмана // № 4. — С. 53.

Семенова Н.А., Виноградова Д.И. Языковые особенности рассказа А.Н. Толстого «Русский характер» // № 1. — С. 36.

Судаков Г.В. Особенности языка художественной прозы В.И. Белова // № 7. — С. 54.

Фролова Е.А. Крах человеческого в человеке (Лингвостилистический анализ рассказа А.И. Солженицына «Случай на станции Кочетовка») // № 9. — С. 42.

Фролова Е.А. Семантические трансформации в поэме М. Пришвина «Фацелия» // № 2. — С. 47.

Шестакова Л.Л., Кулева А.С. Специальная лексика в поэзии В. Маяковского // № 6. — С. 52.

Широкова Е.Н. «Часы» М. Горького: концептуализация времени // № 5. — С. 59.

Яблоков Е.А. «Как же вам угодно именоваться?» («Удвоенные имена персонажей в произведениях М.А. Булгакова») // № 5. — С. 51.

Загадки текста

Бобылев Б.Г. «Мне страшно оступиться...»: лингвостилистический анализ стихотворения Е. Благиной «Колея» // № 5. — С. 64.

Панова Е.А. Лингвопоэтический анализ стихотворения А. Дельвига «Пусть нам даны не навсегда...» // № 7. — С. 67.

Фролова Е.А. Приемы создания языковой игры в поэзии для детей Б. Заходера (К 100-летию со дня рождения) // № 8. — С. 55.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Волошина О.А. Диалектика языка в лингвистических работах А.Ф. Лосева // № 9. — С. 48.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Буцева Т.Н., Рудецкая Ю.С. Неография и слово года // № 8. — С. 66.

Галинская Е.А. Реликты некоторых древнерусских явлений в современном русском языке // № 8. — С. 59.

Грудева Е.В. Способы лексикографического представления хронологически отмеченной лексики // № 7. — С. 72.

Гун Цзинсун. Отношения причинности в современном русском языке: функционально-семантический аспект // № 2. — С. 58.

Зеленин А.В., Руднев Л.В. Модальное наречие *необходимо*: русский иностранец // № 1. — С. 45.

Москвин В.П. Ударение в именах существительных мужского рода с консонантной концовкой: норма и варианты // № 6. — С. 64.

Николина Н.А. Новые типы дефисных комплексов в современной русской речи // № 3. — С. 58.

Норман Б.Ю. Есть ли в русском языке слово *стички*? (О полноте словоизменительной парадигмы и грамматических профилях слова) // № 6. — С. 71.

Романов Д.А. Прибаутка как явление русской народной речи (В добавление к теориям паремий и клише) // № 2. — С. 52.

Торопкина В.А. Словообразовательные способы выражения социальной оценочности в современном медиатексте // № 5. — С. 67.

Святославский А.В. Коммуникация или общение: к уточнению понятий // № 4. — С. 61.

Халикова Н.В. Образно-метафорическое пространство термина в языке научных текстов В.В. Виноградова // № 9. — С. 61.

Шмелев А.Д. Александр Солженицын и кодификация русской пунктуации // № 9. — С. 55.

Язык и культура

Андреева Е.П. Названия дорог в вологодских говорах: семантика, словообразовательные отношения // № 7. — С. 77.

Варникова Е.Н. Зоонимы в русских народных сказках: вопросы интерпретации // № 7. — С. 83.

В МИРЕ СЛОВ

Барандеев А.В. Почему тоска — зеленая? // № 3. — С. 63.

Дягилева И.Б. К истории слова *прогресс* в русском языке // № 1. — С. 65.

Зеленин А.В. Карманные деньги: обрусевший чужак // № 8. — С. 72.

Зеленин А.В. Нищеброд (Часть 1) // № 5. — С. 72.

Зеленин А.В. Нищеброд (Часть 2) // № 6. — С. 77.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ВУЗАХ

Медведева Н.В., Фоминых Л.С. Виды нарушений точности речи в письменных творческих работах студентов-билингвов // № 1. — С. 52.

Мишина И.И. Оценка навыков речевой самопрезентации // № 2. — С. 69.

Прохоренко Л.В. Речевые жанры, обеспечивающие самораскрытие личности // № 2. — С. 63.

Сенченкова Е.В. Использование метода кластера при изучении в вузе дисциплины «Русский язык и культура речи» // № 4. — С. 68.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

Козерук А.А. «Русская грамматика» А.Л. Шлёцера 1764 г. // № 6. — С. 82.

Науменко С.В. Вопросы орфографической нормализации в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова // № 9. — С. 67.

Науменко С.В. Орфографический меморандум Д.Н. Ушакова // № 1. — С. 57.

Никитин О.В. Академик С.П. Обнорский: личность ученого в контексте проблем и дискуссий отечественного языкознания (К 130-летию со дня рождения) // № 6. — С. 87.

Никитин О.В. «Благогласие слова» (О лексикографическом опыте А.И. Солженицына) // № 9. — С. 75.

Никитин О.В. Из истории становления диалектной этнолингвистики // № 3. — С. 69.

Никитин О.В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // № 5. — С. 79.

Пищальникова В.А. Н.И. Жинкин и корпоральная семантика (К 125-летию со дня рождения ученого) // № 8. — С. 78.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Васильева Т.В. — Е.Ю. Гусева, Е.А. Дворкина, Ю.Д. Полякова. Физика 7 класс: пособие по русскому языку для школьников с родным нерусским // № 8. — С. 87.

Никитин О.В. — В. Алпатов. Языкознание: от Аристотеля до компьютерной лингвистики // № 8. — С. 84.

Новикова Т.Ф. Новые ориентиры в школьном языковом образовании // № 5. — С. 87.

Петрова З.Ю. — Н.А. Фатеева. Поэзия как филологический дискурс // № 9. — С. 80.

Рацбургская Л.В. — В.В. Лопатин, И.С. Улханов. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка // № 2. — С. 74.

Соколов А.Н. — В.Н. Шапошников. Частицы в современном русском языке. Развитие грамматического класса // № 9. — С. 83.

ХРОНИКА

Куманьева А.Е. Об изучении мнения родительского и профессионального сообщества в подходах к системе оценок в начальной школе // № 9. — С. 21.

Макеева Е.В., Мартыненко Ю.Б. Международная научно-практическая конференция «Преподавание, изучение и усвоение иностранного языка в контексте реализации средовой модели образования» // № 3. — С. 68.

Никитин О.В. «Буслаевские чтения» в Институте лингвистических исследований РАН // № 5. — С. 86.

Никитин О.В. Международная научная конференция «Фортунатовские чтения в Карелии» // № 9. — С. 15.

Пименова М.В., Абрамова Е.А., Варюшенкова Е.Н., Фельдман Н.Б., Ариксина О.Л. Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» // № 7. — С. 90.

Унарова В.Я. Всероссийский конкурс ораторского мастерства «Мой русский язык» // № 2. — С. 76.

Шестакова Л.Л. Международная научная конференция «Современные проблемы авторской лексикографии» // № 2. — С. 51.

Эльдарова Н.М. Всероссийская научно-практическая конференция «Взаимодействие языков и культур при изучении русского языка как неродного: проблемы и перспективы» // № 2. — С. 22.

Юдин А.В. Реализация Федеральной целевой программы «Русский язык» в Московском государственном областном университете // № 1. — С. 74.

Янченко В.Д., Толмачева Е.Ю. Международная научно-практическая конференция «Учитель для будущего: язык, культура, личность» (К 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева) // № 7. — С. 91.

Александр Тимофеевич Хроленко (К 80-летию со дня рождения) // № 1. — С. 73.

Андрей Васильевич Барандеев (К 70-летию со дня рождения) // № 5. — С. 91.

Василий Данилович Бондалетов (К 90-летию со дня рождения) // № 8. — С. 90.

Геннадий Филиппович Ковалев (К 75-летию со дня рождения) // № 8. — С. 91.

Генриетта Григорьевна Граник (К 90-летию со дня рождения) // № 9. — С. 87.

Павел Александрович Лекант (К 85-летию со дня рождения) // № 1. — С. 72.

Стелла Наумовна Цейтлин // № 3. — С. 76.

Таиса Алексеевна Ладыженская (1925–2017) // № 1. — С. 75.

КОНСУЛЬТАЦИЯ

Дейкина А.Д., Левушкина О.Н. Ориентировочное планирование работы в VIII классе по УМК Л.А. Тростенцовой, Т.А. Ладыженской, А.Д. Дейкиной, О.М. Александровой (науч. ред. Н.М. Шанский) «Русский язык» на 2017/2018 учебный год (III четверть) // № 1. — С. 76; № 2. — С. 77.

Дейкина А.Д., Левушкина О.Н. Ориентировочное планирование работы в VIII классе по УМК Л.А. Тростенцовой, Т.А. Ладыженской, А.Д. Дейкиной, О.М. Александровой (науч. ред. Н.М. Шанский) «Русский язык» на 2017/2018 учебный год (IV четверть) // № 3. — С. 77; № 4. — С. 73.

Савчук Л.О., Вартамян В.В., Аверьева М.В. Ориентировочное планирование работы по учебнику «Русский язык. 8 класс» под ред. А.Д. Шмелева на 2017/2018 учебный год (III четверть) // № 1. — С. 81; № 2. — С. 82.

Савчук Л.О., Вартамян В.В., Аверьева М.В. Ориентировочное планирование работы по учебнику «Русский язык. 8 класс» под ред. А.Д. Шмелева на 2017/2018 учебный год (IV четверть) // № 3. — С. 83; № 4. — С. 83.

Ответы читателям // № 2. — С. 57; № 3. — С. 32, 57.

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

Merzlikina I.V. The Use of Information and Communication Technologies in the Educational Process: Achievements, Problems, Prospects.

Gats I. Yu. Technological Aspect of Laboratory Practicum on Russian Language (Content and Organization of Lesson with Web-support).

In polyethnic class

Aristova M.A., Kritarova Zh.N. Vocabulary Work in the Process of Analyzing Literary Texts (On the Material of the Modern Textbook for a Multi-ethnic School).

Improving professional skills

Polkovnikova S.A. About the Common Understanding of Term *Norm*.

METHODOLOGICAL MAIL

Demidova E.B., Sharlikova L.G. Study of Stylistic Functions of Pronoun in School (Based on the Material of the «Solntse Mertvyh» by I.S. Shmelev).

OUT-OF-SCHOOL ACTIVITIES

Quiz Dedicated to 200th of I.S. Turgenev's Birth.

LITERARY TEXTS ANALYSIS

Nikolina N.A. Expressive Derivational Means in I.S. Turgenev's Prose.

Gejmbuh E.Yu. «Prose Poems» by I.S. Turgenev: «Inner» Chronotope as Cycle-organized Characteristics.

Frolova E.A. Crash of Human in a Human Being (Linguostylistic Analysis of the Story «Sluchai na Stantsii Kochetovka» by A.I. Solzhenitsyn).

SCIENCE OF LANGUAGE

Voloshina O.A. Dialectics of Language in A.F. Losev's Linguistic Works.

LINGUISTIC NOTES

Shmelev A.D. Aleksandr Solzhenitsyn and Codification of Russian Punctuation.

Khalikova N.V. Imagery and Metaphorical Space of the Term in the Language of Scientific Texts by V. Vinogradov.

LINGUISTIC HERITAGE

Naumenko S.V. Questions of Orthography Normalization in «Tolkovi Slovar' Russkogo Yazyka» after Edition of D.N. Ushakov.

Nikitin O.V. «Blagoglasie slova» (About Lexicographical Experience of A.I. Solzhenitsyn).

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

CHRONICLE

Thematic Index of Articles, Printed in the Journal «Russian Language at School» in 2018.

EDITORIAL BOARD

Editor in chief: N.A. Nikolina

L.G. Antonova, B.G. Bobylev, N.S. Bolotnova, G.N. Vladimirskaia, J.N. Gosteva, A.D. Deikina, O.E. Drozdova, E.L. Erokhina, A.V. Zelenin (*Republic of Finland*), L.P. Krysin, V.V. Lopatin, O.V. Nikitin, B.J. Norman (*Republic of Belarus*), S.S. Oganessian, T.M. Pakhnova, I. Pálosi (*Republic of Vengria*), V.M. Pakhomov, M.N. Priemysheva, B. Toshovich (*Republic of Austria*), S.N. Tseitlin, M.R. Shumarina.

Научно-популярный и научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

ноябрь
декабрь

Издатель – ООО «Наш язык» Выходит 9 раз в год ISSN 2541–8793

12 +

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	2	Учебник +
От А до Я	6	
	9	Слова текут – вода живая
Риторика для родителей	11	
	14	У нас на уроке
Кроссворд	18	
	19	ОТВЕТЫ
Тематический указатель	20	

Учебник +

Стилистика научных работ Ф.Ф. Фортунатова, или Почему наши студенты не читают Фортунатова

В первые годы преподавания курса «Введение в языкознание» на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова на семинарских занятиях я давала студентам читать отрывки из трудов разных лингвистов: Ф. де Соссюра и Э. Бенвениста, Л.В. Щербы и Ф.Ф. Фортунатова и многих других. Предварительно предлагались сформулированные основные положения работы и некоторые вопросы, ответы на которые читатели должны были найти по мере прочтения заданного текста. Конечно, студенты бывают разные, но в целом ребята справлялись с заданием и обсуждение работы проходило более или менее успешно. Но из года в год студенты жаловались на трудность понимания отрывка из книги основоположника московской лингвистической школы – Филиппа Федоровича Фортунатова «Сравнительное языковедение. Общий курс» в Хрестоматии по курсу «Введение в языкознание» (М., 1996). Однажды, когда ребята утверждали, что понять прочитанное совершенно невозможно, мы стали подробно разбирать его на семинаре, при этом одной из студенток было предложено воспроизвести вслух отрывок примерно на полстраницы. Девочка стала старательно, с выражением читать, но по мере прочтения все чаще раздавались смешки слушающих, пока голос чтеца не потонул в хохоте всей группы. Я попыталась «разрулить» ситуацию, выбирая наиболее важные положения из прочитанного фрагмента и поясняя их примерами. Текст разобрали, поговорили о значении Ф.Ф. Фортунатова как издателя и переводчика на русский язык ведийской самхиты, как выдающегося компаративиста, открывшего важные звуковые законы в области славянских и балтийских языков, о влиянии школы Фортунатова на развитие всей последующей лингвистики и т.п. Однако с тех пор я Фортунатова студентам не задаю. Почему так получилось? Читают ли современные студенты Фортунатова? Думаю, только по принуждению. Кто-то может сказать, что студенты вообще мало читают лингвистов. Я пыталась выяснить, кого читают студенты, спрашивала их мнение. Они называли разных авторов, это не всегда были лингвисты-теоретики, это могли быть русисты, диалектологи, специалисты по редким языкам, составители словарей и т.п., но ни разу в списке любимых авторов не прозвучало имя Фортунатова. Почему? Почему читать Фортунатова крайне сложно?

В качестве примера приведу фрагмент текста, который вызвал такое бурное веселье на занятии. Речь шла о способности слова в древних индоевропейских языках члениться на основную и формальную принадлежность, т.е. на основу и флексию. Фортунатов пишет:

Формой отдельных слов в собственном значении этого термина называется способность отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова. Формальной принадлежностью слова является при этом та принадлежность звуковой стороны слова, которая видоизменяет значение другой, основной принадлежности этого слова, как существующей в другом слове или в других словах с другой

формальной принадлежностью, т.е. формальная принадлежность слова образует данное слово, как видоизменение другого слова, имеющего ту же основную принадлежность с другой формальной принадлежностью. Формами полных слов являются, следовательно, различия полных слов, образуемые различиями в их формальных принадлежностях, т.е. в тех принадлежностях, которые видоизменяют значения других, основных, принадлежностей тех же слов.

Основная принадлежность слова в форме слова называется основой слова. Понятно, что для того чтобы выделялась в слове для сознания говорящих известная принадлежность звуковой стороны слова в значении формальной принадлежности этого слова, требуется, чтобы та же принадлежность звуковой стороны и с тем же значением была сознаваема говорящими и в других словах, т.е. в соединении с другой основой или с другими основами слов, причем, следовательно, различные основы сознаются как однородные в их значениях в известном отношении, именно – по отношению к тому, что видоизменяется в этих значениях данной формальной принадлежностью слов.

Таким образом, всякая форма в слове является общею для слов с различными основами и вместе с тем всякая форма в слове соотносительна с другой, т.е. предполагает существование другой формы, с другой формальной принадлежностью, но с теми же основами слов, т.е. с теми же основными принадлежностями. (Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс. – М.: УРСС, 2010. – С. 116–117).

Членение слова на две части позволяет объединить слова в разные классы – с общей основой или общей флексией: *лис-а, стен-а; лис-ой, стен-ой* и т.п.

Итак, современным студентам читать работы Фортунатова сложно, ведь распространенный в наши дни стиль популярного научного изложения сильно отличается от фортуноватовской манеры. Строгость научного описания, лишенного образных сравнений, ярких метафор, лирических отступлений и всякого рода заигрываний с читателем, признавалась Фортунатовым образцом научной стилистики. А современные студенты привыкли к выстраиванию параллельно тексту визуального ряда в виде таблиц, диаграмм, картинок и т.п., что облегчает восприятие материала, представляя его в наглядной форме.

Фортунатов не использует схем, таблиц и диаграмм, помогающих сделать описание более наглядным, хотя в XIX в. ученые уже вполне активно пользуются подобными средствами представления материала. Достаточно вспомнить картинку А. Шлейхера, представляющую дивергентное развитие родственных языков в виде родословного древа, или теорию волн И. Шмидта, изображающую территориальное распространение языкового явления в виде расходящихся кругов от брошенного в воду камня. Метафоры и образные сравнения также активно используются учеными: Ф. Бопп говорит об «организме» языка, А. Шлейхер представляет корневые морфемы в виде живых клеток, из которых складывается организм словоформы и языка в целом. Ученики Фортунатова отмечают «большую точность и своеобразие» его научного языка:

Фортунатов избегал введения метафор в научную терминологию и устранял метафоры, уже принятые в научном языке. Умерен был Фортунатов и в образовании новых терминов. Чаще всего для новых понятий он приспособлял старые термины, вводя в них несколько иной, всегда более точный смысл. (Петerson М.Н. Фортунатов и московская лингвистическая школа // Ученые записки МГУ. – 1946. – Вып. 107. – Кн. III. – С. 28).

Очевидно, что Ф.Ф. Фортунатов, стремившийся превратить лингвистику в точную науку, провозгласивший лозунг: «Лингвистические задачи должны решаться лингвистическими методами», сознательно отказывался от «упрощения» своих текстов; стиль «работает» на выполнение главной задачи ученого – всестороннее

объективное описание фактов, логически выстроенное и непротиворечивое. Сухой, академический, лишенный образности язык, по убеждению ученого, способен представить научный объект без субъективных, иногда эмоциональных и предвзятых оценок. Тяжеловесные синтаксические периоды, многословные конструкции призваны глубоко и всесторонне описать объект, чтобы предупредить возможные вопросы и недоразумения, а многочисленные повторы позволяют выделить особенно значимые положения автора. Однако все эти стилистические особенности делают тексты Фортунатова трудными для восприятия. С одной стороны, Фортунатов местами как будто неоправданно многословен, с другой стороны, недоговаривает – ведь известно, что многие важные для его теории выводы он вообще не формулирует или формулирует вскользь, никак не акцентируя внимание читателя. Интересно, что отсутствие выводов характерно и для многих работ младограмматиков – современников Фортунатова, европейских компаративистов. Например, знаменитое многотомное сочинение К. Бругмана и Г. Остгофа «Морфологические исследования в области индоевропейских языков» (1878), представлявшее собой последовательное описание именных и глагольных форм древнейших индоевропейских языков, также не заканчивалось обобщающим выводом, как будто младограмматики ставили себе задачу исключительно описать языковые явления, зафиксировать их, собрать языковой материал и опасались навязать языку выдуманные теоретические построения. Очевидно, отказ от теоретических обобщений у младограмматиков объяснялся активной критикой шлейхеровских теоретических построений и в области компаративистики, и в области типологии, и в области общей теории (натурализм в языкознании). Однако отказ от четко сформулированных теоретических выводов как раз и приводил к тому, что научное изложение как будто обрывалось на полуслове, возникало впечатление незаконченного текста:

Изложение строилось так, что каждое явление рассматривалось порознь, а обобщения и выводы не подчеркивались и оставались скрытыми в массе частных замечаний. Такое изложение как бы приглашает читателя пройти весь тот логический путь, идя которым автор пришел к своим заключениям. Поэтому для суждения о теоретических взглядах Фортунатова в ряде случаев оказывается необходимым свести воедино его многие частные высказывания. (Кацнельсон С.Д. Теория сонантов Ф.Ф. Фортунатова и ее значение в свете современных данных // Вопросы языкознания. – 1954. – № 6. – С. 47–61).

Цельная концепция автора выявляется из всей совокупности научного наследия Фортунатова, а не из его отдельной работы. Но собрать воедино все тексты, выступления автора, все высказанные им мысли в полемике с другими учеными, в рецензиях на чужие сочинения – это большая работа.

Не случайно ученики и последователи отмечали, что Фортунатов предпочитал устное общение публикации текстов. Фортунатов в этом смысле, безусловно, ученый устного научного дискурса, который он создавал и в контексте которого работал. Поэтому для «вхождения» в его тексты нужна особая культура чтения научной работы. Но не каждый читатель готов проделать предлагаемую работу. Кацнельсон писал о том, что во времена торжества «нового учения об языке» академика Марра, молодые ученые, студенты и аспиранты не всегда были готовы сами разбираться в сложившейся в науке ситуации, опираясь на работы компаративистов, именно из-за сложности этих работ и анализируемого материала. Слишком много нужно было приложить усилий, чтобы оценить труды Фортунатова и его учеников (и манера Фортунатова, стилистика его научных работ играли здесь важную роль).

Сегодня интерес к текстам Фортунатова в среде историков языкознания, ученых-теоретиков, компаративистам очевиден. Знаменитый двухтомник трудов

Фортунатова ставший уже библиографической редкостью, недавно был переиздан дважды (издательствами УРСС и «Юрайт»). Однако читать Фортунатова сложно. Об этом свидетельствует не только случай на семинаре, но и отзывы о наследии Фортунатова ученых, преподавателей. Даже специальные исследования, посвященные месту Фортунатова в истории отечественной и мировой науки, выглядят не слишком внушительно, так как не дают (или почти не дают) представления о Фортунанове как о выдающемся лингвисте-теоретике конца XIX в. Почему так происходит?

Среди специальных исследований о Фортунанове особенно интересны воспоминания его учеников, людей, с Фортунатовым непосредственно общавшихся, слушавших его лекции, обсуждавших научные проблемы. Именно эти люди всегда восхищались и идеями Фортунатова, и его манерой изложения. В частности, отдавая дань своему великому учителю, А.А. Шахматов писал:

В трудах Фортунатова нас поражает глубокий проникновенный анализ; изучаемым им явлениям давалось столь яркое освещение, что оно своею силой озаряло и все смежные области, вызывая стройные научные представления о целых группах соседних явлений. (Шахматов А.А. Филипп Федорович Фортунатов [Некролог]. – Известия Императорской Академии наук. – 1914. – № 14–15. – С. 967).

Тексты Фортунатова-преподавателя были порождены и функционировали в устном научном дискурсе. Создается впечатление, что в своих сочинениях он продолжает прерванный спор. Так, приложение к его диссертации вводит читателя в проблематику компаративистики конца XIX в. – без введения Фортунатов сразу ставит широко обсуждаемый в науке того времени вопрос о происхождении флексий в индоевропейском языке. Он как будто продолжает дискуссию с Г. Курциусом, А. Поттом и другими компаративистами, у которых он учился в Германии или с которыми полемизировал по вопросам индоевропейской фонетики. Изложение напоминает устную манеру – Фортунатов задает вопросы по ходу повествования, предлагает пути решения, сравнивает мнения, иногда признается в том, что ответа у него пока нет. Как уже было сказано, выводы часто отсутствуют, рассуждение обрывается как будто на полуслове. Осмелимся утверждать, что наука XIX в. – это наука преимущественно устного общения, тексты были порождением устного дискурса, были инкорпорированы в этот дискурс, часто сохраняли стилистику устного общения. При переводе в письменный формат научный текст стилистически менялся – автор сознательно избегал экспрессии устного сообщения, структурировал текст, выстраивал композицию, избегал образов и метафор и т.п. «Переводить» тексты из одного формата в другой было непросто, может быть, именно поэтому Фортунатов, предпочитая устное общение, не торопился публиковать свои сочинения. В письменных работах Фортунатов создавал новую научную стилистику письменного текста, подхваченную его учениками – В.К. Поржезинским, М.М. Покровским, Д.Н. Ушаковым. Конечно, тексты конкретного ученого всегда написаны в свойственной ему авторской стилистике, однако кажется, что строгое изложение систематизированных и расклассифицированных языковых фактов отвечало стремлению Фортунатова к построению стройной и непротиворечивой научной концепции.

О.А. ВОЛОШИНА
Москва

От А до Я

Словарь языка Тургенева

Л

ЛАВРОВИШЕНЬЕ, -я, ср. Лавровишня; лечебные капли из лавровишни. *Барыня, вероятно, не так-то бы скоро успокоилась, да лекарь второпях вместо двенадцати капель налил целых сорок: сила лавровишенья и подействовала — через четверть часа барыня уже почивала крепко и мирно* («Муму»). См. **ЛАВРОВИШНЕВЫЙ**.

ЛАВРОВИШНЕВЫЙ: лавровишневые капли. Лекарственное средство, получаемое из листьев лавровишни. *Этот лекарь, которого все искусство состояло в том, что он носил сапоги с мягкими подошвами, умел деликатно браться за пульс, спал четырнадцать часов в сутки, а остальное время все вздыхал да беспрестанно потчевал барыню лавровишневыми каплями, — этот лекарь тотчас прибежал, покурил жжеными перьями и, когда барыня открыла глаза, немедленно поднес ей на серебряном подносике рюмку с зветными каплями* («Муму»). Лавровишневые капли были очень модны в эпоху И. Тургенева и считались панацеей от всех бед.

ЛАДЕКОЛОН, -а, м. Одеколон. *Кафтаны шитые, парики, трости, духи, ладеколон первого сорта, табакерки, картины этакие большущие, из самого Парижа выписывал* («Малиновая вода»). Прост.-диал. протеза ассимилятивного происхождения. Ср., напр., *ладиколон* у А. Островского.

ЛАКАТИРОВАННЫЙ, -ая, -ое. Лакированный. *Лакированные сапоги изволите надеть?* («Безденежье»). Прост.

ЛАКОСЕЗ-МАТРАДУРА, лакосезе-матрадуры, ж. Разновидность танца экосез. *Плясать пустятся — до зари*

пляшут, и все больше лакосез-матрадура («Малиновая вода»). Прост.-диал. От экосез (фр. *l'écossaise* букв. — 'шотландский').

ЛАМУШ, -а, м. Род карточной игры. *Играли в карты, но тоже всё в старинные игры: в кребс, в ламуш или даже в бостон сампрандер!* («Новь»). Вошла в употребление в начале XIX в. То же у М. Салтыкова-Щедрина и др. Фр. *la touche* 'муха, мушка'.

ЛАНДКАРТА, -ы, ж. Географическая карта. *На стенах висели ландкарты, четыре греведоновские головки и охотничье ружье* («Бретёр»). То же у Н. Помяловского и др. От нем. *Landkarte* — то же.

ЛЕВ, льва, м. Здесь: восхищенно о коне. *Все жеребцы бурые в масле — гривы поколень, хвосты покопыт... Львы!* («Старые портреты»).

ЛЕГКИЙ: Коням — сила Самуила, а мы — легче пуха, легче духа. См. **КОНЬ**.

ЛЕЖАЧИЙ: на лежачих. Здесь: об удобной коляске. Балагалаев. *Он сегодня у меня будет. А что, у него коляска хороша? Мирволин. Как вам сказать-с? Нет, по-настоящему нехороша: фигурой точно берет, а в сущности — нет, я не знаю, она мне не нравится. Как можно сравнить с вашей коляской! Балагалаев. Ты думаешь? Она на лежачих? Мирволин. На лежачих-то она на лежачих; да что в том толку? помилуйте-с! больше для важности. А это оне любят поважничать-то. Оне, говорят, опять намерены баллотироваться* («Завтрак у предводителя»).

ЛЕКАРКА, -и, ж. (и м.). Здесь о мужчине: лекарь, доктор, знахарь. *Что*

ж ты его не вылечил, а? Ведь ты, говорят, леишь, ты лекарка («Касьян с Красивой Мечи»).

ЛЕНТА: анненская лента. См. АННЕНСКИЙ.

ЛЕЩ: леща поднести кому, во что. Толкнуть, ударить, пнуть. Ну, и толкнул меня; должно быть, он так только отсторонить меня хотел: дескать, не приставай, — да такого необыкновенного леща мне в стантовую жилу поднес, важно так, что ой-ой-ой! («Муму»). Ср. дать, задать, поддать леща 'ударить кого-н., преимущ. плашмя; шлепнуть'.

ЛЖЕЯЗВИТЕЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Вероятно: ложно-язвительный, нарочито-ехидный, подчеркнуто-ироничный. Не взирай на меня, пожалуйста, с этой лжеязвительной усмешкой, которая мало идет к твоим степенным чертам («Накануне»).

ЛИВЕР, -а, м. Приспособление для извлечения жидкостей (вина) из больших сосудов. Петушков вышел из задней комнаты в пестром архалуке, с засученными рукавами и с ливером в руках («Петушков»).

ЛИМФАТИЧЕСКИЙ, -ая, -ое. Вялый, безжизненный, хилый, чахлый (также о слабости духа, характера). Вера. Сны не сбываются... в действительности. Горский. Кто это вам сказал? *Mademoiselle Vienaité?* Предоставьте, ради Бога, все подобные изречения женской мудрости сорокапятилетним девицам и лимфатическим юношам («Где тонко, там и рвется»). Ср. лимфатический темперамент (И. Гончаров), лимфатический характер и т.п.).

ЛИПЕЦК, -а, м., *собств.* В прост.: город Лейпциг. Аким... ходил в Казань и Одессу, в Оренбург и Варшаву, и за границу, в «Липецк» («Постоялый двор»). Там же дано примечание И.Т.: «В Лейпциг». Прост. контаминация.

ЛИСИЧКА: Лисичка под бороной от дождя хоронилася — всё не каждая капля капнет. Ирон. О человеке, который хитрит, на всякий случай придумывает незначительные доводы в доказательство своей невинности. — Вы все изволите шутить, — возразил

оставленный приказный, — а того не хотите сообразить, что дающий волен давать, а принимающий — принимать. Притом же я действовал тут не по собственному наущению, а больше одно лицо участвовало, как я и объяснил... — Конечно, — иронически заметил Михай Михеич. — Лисичка под бороной от дождя хоронилася — все не каждая капля капнет! («Два приятеля»).

ЛИТТЕРАТ, -а, м. Шутл.-ирон.: литератор, писатель, «писака». — Это что за субъект? — спросил Санин. — Это? Критик висбаденский. «Литтерат» или лонлакей, как угодно («Вешние воды»). От нем. *Literat*, употребляемое как в высоком стиле, так и в ирон.-сниженном.

ЛИХОЙ: лиха беда начать. Главное — начать, а там видно будет. Говорят, в этих делах лиха беда начать, так нельзя ли того-с, мне для вступленья в разговор — словечко, что ли, сообщить какое-нибудь приятное, вроде, например, замечанья — а уж там я пойду. Уж там я как-нибудь сам («Месяц в деревне»). То же у П. Мельникова-Печерского. Ср. более распространенный вариант: лиха беда начало. Ср.: Лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха (В.И. Даль).

ЛОБ: как в лоб из пистолета выстрелить кому. Сказать что-л. резкое, дерзкое, неприятное, неожиданное и т.п. Третьего дня ваша предводительша как из пистолета мне в лоб выстрелила; говорит мне, что ей не нравится моя тенденция! («Рудин»).

ЛОБ: хлоп, в лоб, в потолок, ах ты, шельма, Поль-де-Кок! См. ХЛОП.

ЛОВЧИЙ, -его, м. Лицо, ведающее разными видами охоты; главный псарь. Это был главный ловчий и доезжачий нашего дедушки («Одноворец Овсяников»).

ЛОЖЕМЕНТ, -а, м. Окоп, чаще об окопе для орудий и пехоты. Веселое занятие — сраженья, и походы — хорошая вещь, но в осадном корпусе очень скучно было. Сидишь себе, бывало, целый божий день в каком-нибудь ложементе, под палаткой, на грязи или соломе, да играешь в карты с утра до вечера («Жид»). То же у В. Гаршина, А. Фадеева и др. От фр. *logement*, возм. через нем. *Logement*.

ЛОЖИТЬСЯ: *ложись гусь на сковороду.* О ком-л., чьи дела плохи, чья «песенка спета». — *И Петр Филиппыч ничего? — Филиппов-то? Знамо дело, ничего. — Вишь ты! А я, Александрыч, думал: ну, брат, думал я, теперь ложись гусь на сковородку!* («Поездка в Полесье»).

ЛОМАТЬ: *ломать калину.* Ломать дурака, ваньку валять, притворяться непонимающим, наивным. — *С кем ты это разговаривала? — спросил ее Петушков. Василиса продолжала «ломать калину». — Василиса! слышишь? а, Василиса? — Что вам? — С кем ты разговаривала? — А вам на что? («Петушков»).* Ср.: «Калинку ломать, свадебн. обычай: на столе у молодых окорок и штоф вина, заткнутый пучком калины с алоу лентой; молодых поднимают и идет потчивание, обходят по домам родителей невесты, родичей, поезжан, а воротясь, дружка рушит окорок и, расщипав калину, разносит вино». (Даль. Словарь. — Т. 2. — С. 78).

ЛОНЛАКЕЙ, -я, м. Лакей, временно нанимаемый путешественником, приедем, наемный слуга; здесь: перен. 'лакей, продажный литератор, журналист, критик'. — *Это что за субъект? — спросил Санин. — Это? Критик висбаденский. «Литтерат» или лонлакей, как угодно («Вешние воды»).* От нем. *Lohnlakai* — то же.

ЛОНО: *излиться в лоно.* См. **ИЗЛИТЬСЯ.**

ЛОПАТКА: *задние лопатки из вертлюгов повыдергать.* См. **ЗАДНИЙ.**

ЛОПУШНИК, -а, м. Лопух; место, заросшее лопухами. *Рудин начал ходить взад и вперед по плотине, покрытой цепким лопушником и почернелой крапивой («Рудин»).*

ЛОРЕТКА, -и, ж. Женщина легкого поведения, светская гризетка. *Тогда в Висбадене проживала некая принцесса ди Монако, изумительно смахивавшая на плохую лоретку («Вешние воды»); Самые даже*

насурьмленные, набеленные фигуры парижских лореток не нарушали общего впечатления ясного довольства и ликования («Дым»). От фр. *lorette*, по назв. собора Notre Dame de Lorette, около которого они (лоретки) проживали.

ЛОТЕРЕЯ-ТОМБОЛА, лотереи-томболы, ж. Разновидность лотереи. *Рудин вышел. Он теперь знал по опыту, как светские люди даже не бросают, а просто роняют человека, ставшего им ненужным: как перчатку после бала, как бумажку с конфетки, как невыигравший билет лотереи-томболы («Рудин»).* Фр. *loterie, tombola* из итал. *lotteria* 'лотерея', *tombola* 'лото; лотерея'.

ЛОТОШИТЬ, -шу, -шишь; *несов., что и без доп.* Говорить глупости, болтать без дела, молоть бессвязно и быстро чепуху. *Он не умел ни петь, ни плясать; отроду не сказал не только умного, даже путного слова: все «лотошил» да врал что ни попало — прямой Обалдуй («Певцы»).* Диал.-прост.

ЛОШАДЬ: *глуп один, как пара купеческих лошадей.* См. **ГЛУП.**

ЛУКОВИЦА, -ы, ж. Карманные часы с выпуклым стеклом. [Алексей Сергеич] *носил белый кисейный галстук, жабо, манжеты и две золотые английские «луковицы», по одной в каждом кармане жилета («Старые портреты»).*

ЛУЧШЕ: *Женский ум лучше многих дум.* См. **ЖЕНСКИЙ.**

ЛЮДИ: *На людях и смерть красна.* Здесь: ирон. о преимуществе оставаться в обществе, среди людей, чем уединиться. — *А впрочем, — прибавил он, глянув на Нежданова и улынувшись, — извольте, останусь. На людях и смерть красна («Новь»).* Ср.: *На миру и смерть красна.*

ЛЮДИ: *стукать людей друг об друга.* См. **СТУКАТЬ.**

ЛЮДИ: *Мы люди простые, едим пряники неписанные.* См. **МЫ.**

В.С. ЕЛИСТРАТОВ
Москва

Слова текут — вода живая

Омографы пролог и próлог

Слово *пролог* известно всем. Оно означает вступительную часть литературного или музыкального произведения. Все помнят пролог к поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» – «У лукоморья дуб зеленый». Автор поэмы сообщает читателям о том, что хочет ознакомить их со сказкой, которую рассказал ему КОТ УЧЕНЫЙ. Очень часто в прологе сообщаются сведения, необходимые для правильного понимания того, о чем будет сообщено в основной части произведения, например «Пролог» к весенней сказке А.Н. Островского «Снегурочка». А в знаменитом «Прологе» к опере Р. Леонкавалло «Паяцы» слушателю прямым текстом разъясняется смысл предстоящего представления – «что и актеры тоже любить умеют». В этом значении слово *пролог* было заимствовано из французского языка в середине XVIII в. Как вступительная часть драматического произведения оно фиксируется «Новым лексиконом на французском, немецком, латинском и на российском языках» С. Волчкова (СПб., 1764. – Ч. 2. – С. 816):

Prologue. Die Vorrede. Prologus. Предисловие, Прóлог в Комедиях.

Французская театральная культура XVIII в. придавала прологу особое значение. В русском театральном журнале «Репертуар и Пантеон» читаем:

Людовику XV было тогда одиннадцать лет от рождения. Театральную залу Тюлерийскую в это время только что отделали заново, и его величество пожелал, чтобы для открытия ее была написана новая комедия с прологом и танцами. <...> Герцог Орлеанский... объявил, что по крайней мере пролог следовало написать в стихах, и что без того все представление будет походить на ярмарочный спектакль. (Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров на 1841 год, издаваемый Н. Песоцким и книгопродавцем В. Поляковым. – СПб., 1841. – С. 5).

Русские драматурги не отставали от французских.

А.П. Сумароков пишет о трагедии Расина «Ифигения»:

Начало трагедии прекрасно. Стихи великого вкуса. Пролог весь есть дело достойное Расина. (Мнение во сновидении о французских трагедиях, не позднее 1777 г. // Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. – М., 1787. – Ч. 4. – С. 325–356).

Франц. *prologue* восходит к лат. *prologus*, которое в свою очередь заимствовано из греч. *πρόλογος* 'предисловие, вступительное слово' (πρό- 'пред-, перед-', λόγος 'слово').

Но гораздо раньше, еще в XII в., слово *прóлог* проникло в древнерусский язык непосредственно из греческого языка. Так стали называться церковно-учительные сборники, вроде современных хрестоматий, включавшие краткие жития популярных святых. Первому из них предпосылалось предисловие (*πρόλογος*), которое и послужило названием всему сборнику, а в дальнейшем закрепилось за этим жанром церковнославянской литературы. Прóлоги были чрезвычайно популярным чтением православных христиан, а в старообрядческой среде держались вплоть до XX в. В частности, они часто упоминаются в произведениях П. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах».

Вот девушки в долгий зимний вечер собираются в одну избу, чтобы вместе прясть:

Завела было игуменья у Жжениных такое новшество: на супрядках «пролог» читать, жития святых того дня. Мало их в моленной-то читают! Три середи читали, игуменья сама с девицами сидела, чтобы, знаешь, слушали, не баловались. А девицы непромах. «Пролог»-от скрали да в подполье и закопали. Смеху-то что было!

В XIX в. в русском языке сложилась ситуация, когда слова *пролог* и *проблог* сосуществовали, и первое было употребительно и понятно в интеллигентной среде, а второе – у простого народа, в основном у старообрядцев.

Прочно войдя в русский язык, слово *пролог* расширило свое значение. Так стала называться обстановка и события, предшествующие важному повороту в истории общества. В 70-е годы XIX в. в сибирской ссылке Н.Г. Чернышевский пишет роман «Пролог», посвященный картине русской общественной жизни накануне отмены крепостного права. Роман не закончен, по-видимому, автор понимал невозможность его публикации.

Расширение значения существительного *пролог* послужило исходным моментом для создания словосочетаний типа *послужить, оказаться, стать прологом к чему-либо*.

К настоящему времени существительное *пролог* прочно вошло в общее употребление, а слово *проблог* осталось лишь на правах историзма. Слово *проблог* включено в 17-томный «Словарь современного русского литературного языка» (М.; Л., 1961. – Т. 11. – Стб. 1168) без каких-либо помет, но словарная дефиниция «церковная книга, содержащая жития святых, поучения и т.п., расположенные по дням года», говорит сама за себя.

Остается сказать пару слов о том, как рассматриваемое нами греческое слово калькировалось в русском языке. Об этом можно прочесть в заметке Н.М. Шанского «Предисловие и пролог» (Русский язык в школе. – 2000. – № 3. – С. 20) и в книге Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой «Жизнь русского слова», адресованной старшеклассникам (М., 2006. – С. 264–265). К сказанному этими авторами мы добавим только хронологические подробности и варианты калькирования.

Первая попытка передать греч. *πρόλογος* русскими средствами относится к XII в. В Четвероевангелии XII в. отмечается существительное *предъсловие* (Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 18. – С. 209); оно же в написании *предсловие* зафиксировано в Лексиконе Памвы Берынды 1626 г. Современную форму *предисловие* мы находим в Великих Четых-минях XVI в. (СлРЯ XI–XVII вв. – Вып. 18. – С. 191). Она помещена в «Лексиконе трехязычном» Ф. Поликарпова (М., 1704). Эту форму мы обнаруживаем также в «Письмах и бумагах Петра Великого» под 1713 г. (СПб., 1992. – Т. XIII. – Вып. 1. – С. 455) и в «Материалах для истории имп. Академии наук» под 1747 г. (СПб., 1895. – Т. VIII. – С. 519). «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (Вып. 18. – С. 191) фиксирует производное – *предислов<ь>ице* в «Самуила Евреянина Обличении» (перевод Дм. Герасимова 1504 г. по списку начала XVIII в.).

В течение XVIII в. отмечаются и другие попытки калькирования:

предъизвещение (Татищев В.Н. Лексикон 1733–1750 // Избранные произведения / под общей ред. С.Н. Валка. – Л., 1979. – С. 161); *предречие* (Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1755. – С. 111); *предъизьясение* (Тредиаковский В.К. Тилемахида. – СПб., 1766. – С. 1); *предъизвещение* (Барсов А.А. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова [1783–1788]. – М., 1981. – С. 39). В «Правилах пиитических» Аполлоса [Байбакова] (М., 1780. – С. 60) – неточная калька *предложение*:

Предложение есть начало поемы, в котором пиит коротко вещь изьясняет...

Эти варианты не переступили границ XVIII в.

Н.С. АРАПОВА
Москва

Риторика для родителей

Принцип вежливости и речевой этикет

В настоящей статье проанализируем этическую сторону общения. Этические нормы – это советы, правила, предписания, требования, запреты, которые определяются законами общения. Данные нормы вырабатываются в ходе развития и становления культуры общества в целом, в процессе осмысления его речевого опыта с целью предотвращения конфликтов. Совершенно очевидно, что соблюдение этических норм имеет большое значение для межличностного, повседневного общения, в том числе в ситуациях общения родителей и детей.

В связи с этим раскроем смысл ряда понятий, которые лежат в основе формирования этических норм.

Этикет есть совокупность правил «хорошего тона», принятых в обществе и регулирующих порядок поведения и общения людей. <...>

Этикет включает в себя этикет внешнего вида, речевой этикет и этикет поведения. <...>

Этикет внешнего вида – принятые в обществе требования к внешнему виду членов общества, признаваемые образцовыми для тех или иных ситуаций. Этикет внешнего вида определяет одежду, причёску, силуэт, цветовую гамму и другие внешние признаки. <...>

Этикет поведения – это совокупность действий людей в обществе, признаваемых образцовыми для тех или иных ситуаций. Этикет поведения определяет поведение людей в общественных местах, этикет отношений мужчины и женщины, юноши и девушки, детей и родителей, поведение в гостях, за столом, в семье, на танцевальном вечере и др. <...>

Речевой этикет – это совокупность правил речевого поведения людей, определяемых взаимоотношениями говорящих и отражающих вежливые отношения между людьми. (Стернин И.А. Русский речевой этикет. – Воронеж, 1996. – С. 3–4). Эти правила демонстрируют вежливость коммуникантов в ситуациях приветствия, прощания, привлечения внимания, обращения, извинения, благодарности, просьбы, утешения, пожелания, поздравления, совета, комплимента, приглашения и некоторых других.

Таким образом, все понятия, определяющие сущность этических норм, в той или иной мере связаны с понятием вежливости. Вежливость ассоциируется с такими качествами личности, как воспитанность, уважительность, предупредительность, корректность.

Вежливость реализуется в процессе понимания и соответствующей оценки социальной роли собеседника: старший – младший; взрослый – ребенок; учитель – ученик; начальник – подчиненный и т.п. Именно с этим явлением связано возникновение подобных замечаний и запретов: «Так не говорят со взрослыми (со старшими, с учителем и т.п.)»; «Так не обращаются к ...»; «Нельзя так говорить учителю (папе, бабушке и т.п.)».

Вежливость, таким образом, определяется умением найти соответствие между социальной ролью собеседника, его общественным положением и выбором тех средств этикетного поведения, которые отвечают нормам и правилам, принятым в той или иной ситуации этикетного общения.

Известный лингвист Джеффри Лич сформулировал принцип вежливости в общении, который предполагает соблюдение комплекса правил (ма́ксим):

- соблюдай интересы другого; не нарушай границ его личной сферы, будь тактичным (максима такта);
- не затрудняй других, будь великодушным по отношению к собеседнику (ма́ксима великодушия);
- не порицай других, одобряй собеседника (ма́ксима одобрения);
- меньше хвали себя, больше порицай себя (ма́ксима скромности);
- избегай возражений, добивайся согласия между собой и партнером (ма́ксима согласия);
- проявляй благожелательность, добивайся взаимной симпатии с собеседником (ма́ксима симпатии).

Таким образом, принцип вежливости позволяет сделать процесс общения этически правильным, корректным. (См.: Са в о в а М.Р. Этические и коммуникативные нормы // Н.А. Ипполитова, О.Ю. Князева, М.Р. Савова. Русский язык и культура речи: учебник / под ред. Н.А. Ипполитовой. – М., 2007. [Электронный ресурс]. – URL: <http://doc.knigi-x.ru/22kulturologiya/149562-3-prospekt-ippolitova-knyazeva-savova-russkiy-yazik-kultura-rechi-kurs-lekciy-prospekt-moskva-udk-8111611-80850.php>).

Основным выражением вежливости является речевой этикет – совокупность правил, которые используются, как мы уже отмечали, в стандартных ситуациях этикетного общения. Речевой этикет – это язык вежливости, который складывается в обществе и обеспечивает установление контакта между собеседниками и поддержание дружественных, доброжелательных или официальных отношений в соответствии с речевой ситуацией. Как правило, в ситуациях этикетного общения используются типовые, исторически сложившиеся конструкции – формулы речевого этикета.

Поясним сказанное на примере. Всем знакома ситуация приветствия, в рамках которой общающиеся здороваются друг с другом, чтобы продемонстрировать свое дружелюбное, благожелательное отношение к партнеру, подчеркнуть стремление поддерживать с ним взаимодействие. С помощью приветствия мы производим особое этикетное действие, которое исследователи называют «социальным поглаживанием». Это так называемые этикетные знаки внимания, отсутствие которых человек воспринимает с огорчением, а иногда даже болезненно.

В ситуации приветствия используются различные формулы речевого этикета. Перед говорящим стоит задача выбрать из ряда имеющихся вариантов тот, который соответствует ситуации общения, исходя из общей ее характеристики (официальное – неофициальное общение), а также с учетом социальной роли адресата (старший по возрасту – ровесник; учитель – ученик; близкий – малознакомый человек и т.п.). Произнося приветствие, человек должен стремиться придать ему соответствующую интонацию, чтобы подчеркнуть искренность, благожелательность и дружелюбие.

Таким образом, эффективное использование этикетных формул обеспечивается определенными коммуникативными умениями: определить особенности ситуации общения, выбрать нужный вариант формулы речевого этикета, произнести ее с соответствующей интонацией.

При использовании формул речевого этикета необходимо усиливать их содержание различными приемами реализации вежливости: *позвони мне завтра – позвони мне, пожалуйста, завтра – не могла бы ты позвонить мне завтра; я не могу прийти к тебе – я не могу прийти к тебе, извини – мне очень жаль, но я не могу прийти к тебе; сделай салат к ужину – пожалуйста, сделай салат к ужину – сделай салат к ужину, у тебя это очень хорошо получается.*

Обобщая сказанное, подчеркнем, что речевой этикет помогает:

- установить контакт между общающимися;
- поддерживать контакт между собеседниками;
- продемонстрировать вежливое, уважительное отношение к собеседнику;
- регулировать речевое поведение в зависимости от ситуации общения.

Кроме того, речевой этикет является эффективным средством профилактики конфликтов. Демонстрация дружелюбия, благожелательности и уважительного отношения к собеседнику предотвращает конфликт даже в самых сложных ситуациях: если человек ведет себя в соответствии с этическими нормами и предписаниями, с ним трудно вступить в конфликт – он обезоруживает собеседника, заставляет его искать сдержанные формы взаимодействия.

Всё это позволяет сделать еще один вывод: соблюдение норм речевого этикета является средством речевого воздействия на собеседника, так как носителей этикетной культуры в обществе воспринимают положительно в личностном плане, к ним испытывают доверие, их речь вызывает интерес. Владение говорящим приемами этикетного общения успокаивает собеседников, нейтрализует их эмоциональное состояние, побуждает подражать его манере взаимодействия, изменить свой стиль общения, строить свою речь в соответствии с нормами этикетного поведения.

Представляется, что речевой этикет имеет особое значение в общении детей и родителей, старших и младших, учителей и учащихся. Известно, что старшие порой пренебрегают нормам речевого этикета, допускают в общении с детьми грубость, неуважительное отношение к ним, хотя от младших требуют соблюдения подобных норм.

Соблюдение норм речевого этикета в с е м и участниками общения – необходимое условие гармонизации отношений в процессе общения, надежное средство его оптимизации.

Родители, безусловно, должны приучать детей быть вежливыми в общении, соблюдать нормы речевого этикета. При этом могут возникнуть такие ситуации, в которых вежливость и справедливость вступают в противоречие. Вспомним эпизод из повести В. Пановой «Сережа». Ее герой, семилетний мальчик, произносит «не сердито, а с сожалением» по отношению к взрослому следующую фразу: «Дядя Петя, ты дурак?». Это происходит после того, как дядя Петя зло подшутил над ним: угостил конфетой, которая оказалась пустышкой, просто фантиком без конфеты. Как отреагировали на это родители (мама и отчим)? Мама выступает за безоговорочное осуждение Сережи: «Разве можно допустить... чтобы ребенок критиковал взрослых? Если дети примутся нас критиковать – как мы будем их воспитывать? Ребенок должен уважать взрослых».

И далее: «Обязан уважать. У него даже мысли не должно возникнуть, что взрослый может быть олухом. Пусть сначала дорастет до этого самого Петра Ильича, а потом уже его критикует».

Отчим возражает: «Да за что ему, помилуй, уважать этого олуха!»; «По-моему, он давно умственно перерос Петра Ильича. И ни по какой педагогике нельзя взыскивать с парня за то, что он дурака назвал дураком».

Чью позицию поддерживаете вы? Почему? Намеренно не отвечая на эти вопросы, подчеркнем лишь одно: взрослые не должны провоцировать детей на невежливое поведение, нельзя ставить детей в неудобное положение, которое обусловлено какой-либо непростой ситуацией общения.

Н.А. ИППОЛИТОВА,
Е.Л. ЕРОХИНА
Москва

У нас на уроке

Автобиография. Пишем рассказ о себе

Чтение текста

Автобиография

Как назло, сегодня у Сережи не было ни копейки. А именно сегодня деньги были очень нужны. Потому что надо было купить подарок Кузнецовой Насте, на день рождения.

«Лучший подарок это сделанный своими руками», – вспомнил Сережа.

И написал стихотворение:

Настя, я тебя поздравляю
с днем рождения, желаю счастья.

Ну вот, еще раз тебя поздравляю.

Не болей, дорогая Кузнецова Настя.

Стихотворение Насте понравилось. Да и весь класс хлопал и кричал: «Мо-ло-дец! Се-ре-жа!»

И Сережа почувствовал себя настоящим поэтом. И стал писать автобиографию. Как Самуил Яковлевич Маршак.

Автобиография

Я родился в Москве. В семье писателей. Папа у меня окулист, а мама играет в оркестре на виолончели. Летом она привезла мне из Японии ручку-телефон. Как обычная шариковая ручка. Если хочешь кому-нибудь позвонить, надо записать номер на листочке, и все. А говорить надо в кнопку, которая наверху. На которую нажимаешь, чтобы стержень вылез. Стихи я начал писать в пятом классе. И сразу стал известным поэтом. Даже Вера Петровна кричала «молодец». Следующим моим произведением будет стихотворение Свете Кругловой. Я уже сочинил первую строчку: «Света, что ты делаешь после школы?» Вторая пока не сочиняется. Ни у кого в классе нет такой ручки-телефона.

(А. Гиваргизов)

Слово учителя

Сережа, почувствовав в себе писательский талант, решил рассказать о себе своим читателям и написал автобиографию. Но неудачно: видимо, он не очень представлял себе, что это такое.

Автобиография – это описание своей жизни от самого рождения. Такое описание может быть очень подробным, так как рассказать можно обо всем, что помнишь или знаешь по рассказам других. Обычно пишут о самых значимых эпизодах жизни: где родился, кем являются родители, где учился, какой университет закончил, какую получил профессию – в общем, как и кем стал.

Однако Сережа в университетах еще не обучался и профессией никакой не овладел. Поэтому он пишет о том, что его интересует – о стихотворчестве и... о необычной ручке. К сожалению, рассказ Сережи крайне непоследователен. Кроме того, Сережа сознательно или случайно допускает неточности: мог ли он родиться в семье писателей, если его отец – окулист (врач, который проверяет зрение), а мама – музыкант?

Обычно автобиографии пишут люди, ставшие известными благодаря своим достижениям. Известны, например, автобиографии Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Марины Цветаевой.

Вы же пока еще не волшебники, а только учитесь. Поэтому будем учиться писать не автобиографию, а рассказ о себе.

Выполнение заданий

Задание 1.

Прочитайте тексты. Определите, какой текст можно считать автобиографией, какой – биографией, а какой – характеристикой кого-либо. Докажите свое мнение.

1. Теперь она уже старуха. А когда-то была резвой девочкой, о воспитании которой родители не позаботились. Поэтому всю жизнь и особенно сейчас, когда она уже старушка, занимается мелким хулиганством. Предпочитает одежду черного цвета. Никогда не различается со своей кожаной сумочкой, в которой сидит дрессированная крыса по кличке Лариска. Зовут эту старуху Шапокляк.

2. Хоббиты – низкорослый народец, примерно вполовину нашего роста и пониже бородатых гномов. Бороды у хоббитов нет. Волшебного в них тоже, в общем-то, ничего нет, если не считать волшебным умение быстро и бесшумно исчезать в тех случаях, когда всякие бестолковые, неуклюжие верзилы, вроде нас с вами, с шумом и треском ломаются, как слоны. У хоббитов толстенькое брюшко; одеваются они ярко, преимущественно в зеленое и желтое; башмаков не носят, потому что на ногах у них от природы жесткие кожаные подошвы и густой теплый бурый мех, как и на голове. Только на голове он курчавится. У хоббитов длинные ловкие темные пальцы на руках, добродушные лица; смеются они густым утробным смехом (особенно после обеда, а обедают они, как правило, дважды в день, если получится).

(Толкин Д. Хоббит, или Туда и обратно / пер. Н. Рахмановой)

3. Меня зовут Карлсон, ласково – Карлсончик. Мне сорок лет, и я в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Родился я в Стокгольме. Родительница моя Астрид Лингрен оставила мне в наследство небольшой домик где-то на крыше многоэтажки. Не так давно я познакомился с семилетним мальчиком, которого в семье называют Малыш. Теперь мы друзья. Больше всего на свете я люблю малиновое варенье и плюшки.

Задание 2 (по выбору).

1. Установите верную последовательность предложений так, чтобы получился фрагмент автобиографии поэтессы Марины Цветаевой (в сокращении).

- 1) Родилась 26 сентября 1892 года, в Москве.
- 2) Марина Ивановна Цветаева.
- 3) Страсть к стихам – от матери, страсть к работе и к природе – от обоих родителей.
- 4) Мать – Мария Александровна Мейн – страстная музыкантша, страстно любит стихи и сама их пишет.
- 5) Отец – Иван Владимирович Цветаев – профессор Московского университета, основатель и собиратель Музея изящных искусств (ныне Музей изобразительных искусств), выдающийся филолог.
- 6) Первые языки: немецкий и русский, к семи годам – французский.
- 7) Сорока семи лет от роду скажу, что все, что мне суждено было узнать, – узнала до семи лет, а все последующие сорок – осознала.
- 8) Материнское чтение вслух и музыка.
- 9) Все, что любила, – любила до семи лет, и больше не полюбила ничего.
- 10) Любимое занятие с четырех лет – чтение, с пяти лет – писание.

2. Установите верную последовательность предложений так, чтобы получился рассказ о себе девочки Вики.

- 1) Я уже побывала в Италии, Великобритании, США, Черногории, очень хочу поехать во Францию.
- 2) Мне 10 лет.
- 3) Мою маму зовут Татьяна Сергеевна, она врач-стоматолог, а папу – Евгений Николаевич, он преподает английский язык в университете.
- 4) Мое хобби – слушать музыку, читать отзывы и комментировать их.
- 5) Мне нравится смотреть мир и ездить в разные страны.
- 6) Я родилась 12 октября.
- 7) Я увлекаюсь танцами, лепкой, рисованием.
- 8) Я Виктория.
- 9) Я хочу стать журналисткой.
- 10) Мечтаю окончить школу с золотой медалью и уехать жить в Великобританию.

Задание 3.

Составьте сочетания слов, соединив слова из правой колонки со словами из левой колонки.

<ul style="list-style-type: none"> • Увлекаюсь • Занимаюсь • Коллекционирую • Люблю путешествовать • Мне нравится • Мечтаю завести • Мечтаю съездить • Хочу стать • Хочу научиться 	<ul style="list-style-type: none"> • Петь, играть в волейбол, танцевать, играть в компьютерные игры, гулять с друзьями • Собаку, попугая, морскую свинку • Читанием фантастики, детективов, книг о приключениях • Бухгалтером, певицей, актрисой, журналистом, ветеринаром, переводчиком, режиссером, продюсером, летчиком • В Сибирь, Турцию, Грецию • В секции каратэ (дзюдо, тхэквандо, айкидо); фехтованием, плаванием, стрельбой из лука, бальными танцами, музыкой, игрой на аккордеоне, рисованием, лепкой, вышиванием, шитьем • С родителями, братом и сестрой, друзьями • На Кипр, Кавказ, озеро Байкал, на Красное море • По России, Белоруссии, Украине, по странам Европы • Значки, марки, открытки, календари, монеты разных стран • Кататься на коньках, играть на гитаре, вырезать по дереву, свободно говорить на французском языке
---	--

Задание 4.

Прочитайте предложения, найдите ошибки в сочетании слов или в построении предложений. Исправленный вариант запишите.

- 1) Я *увлекаюсь* рисованием, географией, *разными поделками* и астрономией.
- 2) Я люблю *ездить на картингах*.
- 3) Я была на Украине, в Болгарии, в Крыму, в Париже, *еще раз в Болгарии* и на Кавказе.
- 4) *Лето мне нравится потому, что летом можно купаться в море, и еще я люблю ездить в лагерь на Черное море.*
- 5) Я очень люблю животных, *особенно лесных и персидских котов, и смотреть про них фильмы.*
- 6) Целый год я *занималась танцами, и гимнастикой, и театром.*
- 7) Я *выступала* 8 раз *просто* и 1 раз на большой сцене.
- 8) У меня *есть* один друг *со* старой школы, звали его Ваня Глазунов.
- 9) *Мне бы хотелось получить хорошее образование в лицее, чтобы жизнь нашего класса была интересной.*

Задание 5.

Прочитайте рассказы школьников о себе. Проанализируйте рекомендации учителя к этим рассказам.

Рассказ о себе	Замечания и рекомендации учителя
Меня зовут Григорий. Мне десять лет. Я спортивный и веселый. Я люблю гулять и играть. Я помогаю родителям. У меня есть кошка, собака и рыбки. Я люблю мороженое	То, что написал Гриша, скорее похоже на характеристику себя самого, а не на рассказ о себе, о своей жизни. Где родился Гриша? Кто его родители, где он учится? Хочется узнать, каким спортом занимается Гриша, во что любит играть, в чем помогает родителям
Меня зовут Максим. Я родился в Ульяновске. Мне 11 лет. Моя мечта – стать летчиком, командиром авиалайнера. Мечтаю завести собаку. Учился в школе народной традиционной культуры. Ходил в кружок греко-римской борьбы. Мое хобби – катание на горных лыжах. Люблю футбол и хоккей. Мечтаю съездить в Германию и Францию. Мои бывшие одноклассники говорят, что я хороший друг, веселый, отзывчивый, шутник, юморист, острослов, забавный, добрый, застенчивый, спортивный, активный	Этот рассказ интереснее. Но 1) последовательность изложения нарушена: сначала Максим рассказывает о своих мечтах, потом о том, где и чему учился раньше, что любит, а потом опять о мечтах; 2) в последнем предложении при перечислении использованы слова разных частей речи: <i>друг, веселый, шутник</i> . Лучше выбрать одну часть речи, например: <i>весельчак, острослов, добряк</i> . Или оставить только прилагательные, тем более что некоторые слова (например, <i>шутник и веселый</i>) говорят об одном и том же, значит, одно из них лишнее

Задание 6.

1. Прочитайте отрывок из повести «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери.

Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: «А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?» Они спрашивают: «Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?» И после этого воображают, что узнали человека.

2. О чем стоит рассказать, чтобы о тебе узнали твои одноклассники? Конечно, человека узнаешь по его поведению, поступкам, которые он совершает, по тому, как он говорит. Но что-то можно о себе и рассказать.

Напишите рассказ о себе, учитывая некоторые рекомендации:

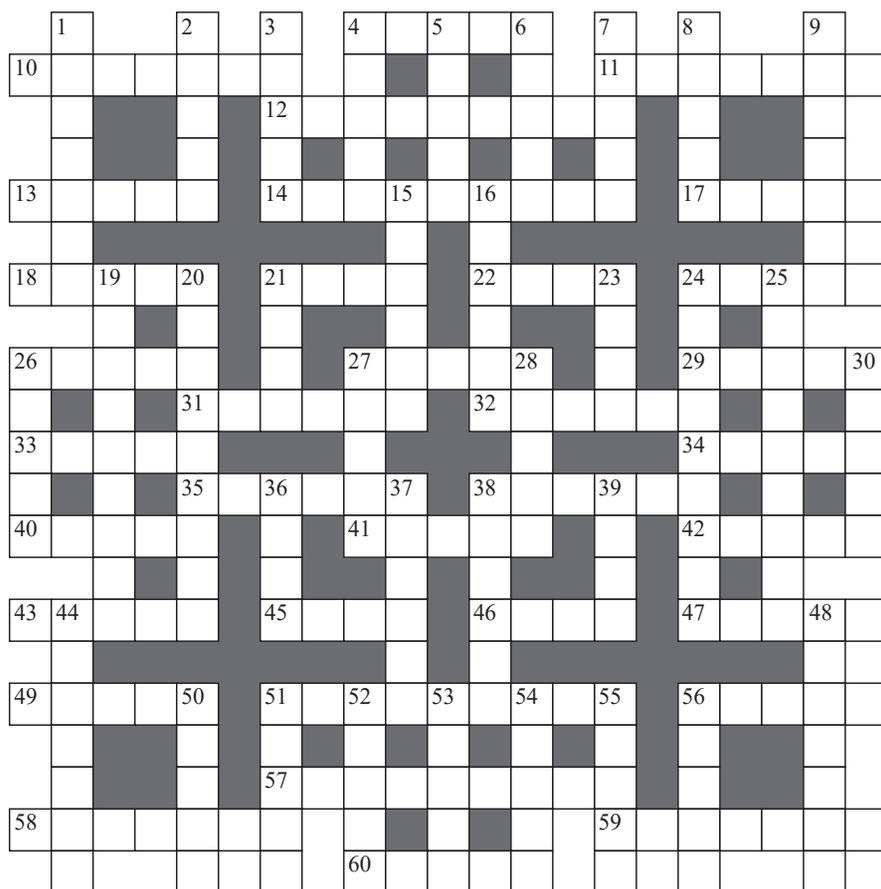
Соблюдайте последовательность изложения (композицию рассказа). Можно писать по плану:

- 1) Как тебя зовут?
- 2) Где ты родился (родилась)?
- 3) Чем занимаются твои родители? (Кто они по профессии?)
- 4) Где ты учишься?
- 5) Чем ты увлекаешься?
- 6) Как ты любишь отдыхать?
- 7) О чем ты мечтаешь?

Воспользуйтесь теми сочетаниями слов, которые вы составляли, выполняя задание 3.

Е.В. ПЕРЕСВЕТОВА
Москва

Кроссворд

По горизонтали. **4.** Военнослужащий инженерных войск. **10.** Государство в Западном полушарии. **11.** Поселок в Ямало-Ненецком автономном округе. **12.** Город в Норвегии. **13.** Персонаж пьесы И.С. Тургенева «Провинциалка». **14.** Персонаж опер Дж. Россини и В.А.Моцарта. **17.** Приграничный город на востоке Эстонии. **18.** Герой повести Н.М.Карамзина «Бедная Лиза». **21.** Река в Германии. **22.** Место, где трудно найти иголку. **24.** Персонаж скороговорки. **26.** Толстый наружный покров некоторых фруктов. **27.** Второй космонавт планеты Земля. **29.** Плотничное орудие. **31.** Сосуд для воды в зале заседаний. **32.** Государство в Северной Америке. **33.** Черная мазь для чистки кожаной обуви. **34.** Французский художник-постимпрессионист. **35.** Синтетическое волокно и чулки из него. **38.** Город, в котором родился А.С. Пушкин. **40.** Героиня оперы Р. Вагнера «Летучий голландец». **41.** Автор картины «Девочка с персиками». **42.** Спортивное автосоревнование. **43.** Научно-популярный физико-математический журнал. **45.** Государственный язык Пакистана. **46.** Знак зодиака. **47.** Речная нимфа в древнегреческой мифологии. **49.** Ювелирный поделочный камень. **51.** Горная система в Центральной Азии. **56.** Мать святых Веры, Надежды и Любви. **57.** Драгоценный камень. **58.** Порода кур. **59.** Женское имя, парное мужскому. **60.** Двоюродный брат.

По вертикали. **1.** Защитная накидка для клиента парикмахерской. **2.** Сказочная птица. **3.** Хищный зверек. **4.** Сплав железа с углеродом. **5.** Герой романа Н. Островского

«Рожденные бурей». **6.** Командный вид спорта с овальным мячом. **7.** Среднее между полем и щепкой. **8.** Герой романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». **9.** Головной убор, который надел Онегин, направляясь на бульвар. **15.** Незадачливый колдун в романе М. Твена «Янки при дворе короля Артура». **16.** Советский космический корабль. **19.** Опера Дж. Мейербера. **20.** Растение, из которого добывают камедь. **21.** Самка барана. **23.** Египетская повесть Н.С. Лескова. **24.** Судно с двумя корпусами, соединенными общей палубой. **25.** Континент в Южном полушарии. **26.** Русский композитор и дирижер итальянского происхождения. **27.** Остров в Эгейском море. **28.** Болгарский писатель. **30.** Инструмент для выдиранья гвоздей. **36.** Государство в Южной Америке. **37.** Чилийский поэт. **38.** То, чего нельзя дожидаться от козла. **39.** Первый братоубийца. **44.** Европейское государство. **48.** Младший сын Ивана Грозного. **50.** Река, соединяющая Онежское и Ладожское озера. **51.** Приспособление для сохранения и переноса выловленной рыбы. **52.** Основатель русской царской династии. **53.** Морское путешествие. **54.** Фамилия Терезы – героини романа Э. Золя. **55.** Ежедневное приложение к журналу «Телескоп», где впервые были напечатан цикл статей В.Г. Белинского «Литературные мечтания». **56.** Древнеримский государственный деятель и военачальник.

ОТВЕТЫ Кроссворд (№ 8)

По горизонтали. 3. Котик. 5. Генуя. 8. Домино. 10. Крокус. 12. Стоп. 13. Бахча. 15. Заря. 16. Хроника. 17. Книжник. 18. Весна. 19. Европа. 22. Сливки. 25. Булава. 26. Байкал. 28. Парнас. 31. Патрик. 34. Ложка. 35. Колокша. 36. Телегин. 37. Плот. 39. Кокто. 40. Воск. 42. Малица. 43. Свиток. 44. Белая. 45. Седум.

По вертикали. 1. Колос. 2. Кутья. 4. «Клоп». 5. Груз. 6. Пианино. 7. Болниси. 8. Доброе. 9. Облава. 10. Каркас. 11. Сациви. 14. Херсон. 20. Вобла. 21. «Плаха». 23. Лайба. 24. Колли. 27. Дождик. 28. Пролом. 29. Никитин. 30. Славка. 31. Патмос. 32. Тюленин. 33. Клинок. 37. Порей. 38. «Таня». 40. Ворс. 41. Колун.

Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русский язык в школе и дома» в 2018 году

Учебник +

Волошина О.А. Стилистика научных работ Ф.Ф. Фортунатова, или Почему наши студенты не читают Фортунатова // № 9. – С. 2.

Лысова О.В., Лысова А.И. О законах и правилах русской интонации // № 1. – С. 2.

Юбилей

Боброва Т.А. К 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева // № 4. – С. 2.

От А до Я

Елистратов В.С. Словарь языка И.С. Тургенева // № 1. – С. 7; № 2. – С. 2; № 3. – С. 2; № 4. – С. 6; № 5. – С. 2; № 6. – С. 2; № 7. – С. 2; № 8. – С. 2; № 9. – С. 6.

Слова текут – вода живая

Арапова Н.С. Влиятельный // № 6. – С. 7; Волюм // № 2. – С. 7; Лобби //

№ 6. – С. 8; Омографы пролог и пролог // № 9. – С. 9; Разбить! Разгромить! (К проблеме семантического калькирования) // № 5. – С. 7; Удивительный зверь ленивец // № 3. – С. 6; Уязвимый и ранимый // № 1. – С. 11; Беркович Т.Л. Из истории названий минералов (орлиный камень, орлит, орлец) // № 4. – С. 11.

За строкой текста

Кимягарова Р.С. Басня И.А. Крылова «Прихожанин» // № 8. – С. 6; Бес попутал (о басне И.А. Крылова «Напраслина») // № 7. – С. 6.

У нас на уроке

Долбина Л.Б. Задания и упражнения к уроку по теме «Словосочетание и простое предложение» (VIII класс) // № 5. – С. 11; **Еремеева А.С.** Словарная работа на уроках русского языка в VIII и

IX классах: VIII класс // № 3. – С. 8; № 5. – С. 9; **Пересветова Е.В.** Автобиография. Пишем рассказ о себе // № 9. – С. 14.

Риторика для родителей

Ипполитова Н.А., Ерохина Е.Л. Законы риторики // № 7. – С. 10; Принцип вежливости и речевой этикет // № 9. – С. 11; Требования к речевому поведению говорящего // № 8. – С. 9; Что такое риторика // № 6. – С. 10;

Рабочая тетрадь

Ларионова Л.Г. Правописание глагольных суффиксов *-ова-* (*-ева-*), *-ыва-* (*-ива-*) (*Продолжение*) // № 1. – С. 14; Правописание окончаний: Правописание безударных окончаний имен существительных // № 2. – С. 10; Правописание окончаний: Правописание безударных окончаний имен прилагательных // № 3. – С. 11; Правописание окончаний: Правописание личных окончаний глаголов // № 4. – С. 15.

Игры. Шарады

Шаповал В.В. Поэтимы (Поэтические загадки по этимологии) (*Продолжение*) // № 1. – С. 16; № 2. – С. 12; № 3. – С. 17; № 4. – С. 18; № 5. – С. 18; № 6. – С. 17; № 8. – С. 17.

Пишут школьники

Дворницына Александра. Проект «Поэзия природы – поэзия души» // № 8. – С. 13; **Дубровская Ксения, Юй Миняо.** Исследовательская работа

«Фразеологизмы Руси и Китая: сходство и различие» // № 5. – С. 14; **Калашникова Валерия.** Монолог вдумчивого читателя: Отзыв о произведении Б.К. Зайцева «Чехов» (глава «Даль времен») // № 3. – С. 13; **Рыдак Влада.** Исследовательская работа «Хай-тек и традиция в творчестве Екатерины Моссэ» // № 7. – С. 14; **Чекин Антон.** Как через образы автор передает реальность (По роману Н.К. Чуковского «Балтийское небо») // № 6. – С. 12.

Проба пера

Афанасьева Анна, Воробьева Полина. Сиреневым цветом цветет сирень...; **Воробьева Полина.** А я ведь мечтатель и немного романтик...; Я гуляла по крышам, как подлунная кошка... // № 4. – С. 17; **Козина Анна.** Неожиданный экзамен // № 2. – С. 16; **Гильгенберг Вера.** Чистая совесть // № 8. – С. 18; **Титаренко Мария.** Кошка и Мышь // № 8. – С. 18; **Шутова Наталья.** Экология языка и речи (Эссе) // № 1. – С. 18.

Так говорят дети... // № 2. – С. 15, 18; № 5. – С. 13; № 7. – С. 13.

Кроссворд // № 1. – С. 19; № 2. – С. 19; № 3. – С. 19; № 4. – С. 19; № 5. – С. 19; № 6. – С. 19; № 7. – С. 19; № 8. – С. 19; № 9. – С. 18.

Ответы Кроссворд // № 1. – С. 20; № 2. – С. 20; № 3. – С. 20; № 4. – С. 20; № 5. – С. 20; № 6. – С. 20; № 7. – С. 20; № 8. – С. 20; № 9. – С. 19.

Русский язык в школе и дома. 2018. № 9. 1–20

Редакция:

Т.А. Боброва, А.Е. Куманьева (главный редактор)

Компьютерная верстка – К.В. Морозов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–7793 от 16 апреля 2001 г.

Редакция журнала «Русский язык в школе и дома»

Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17

Телефон/факс: 8(495)671–09–85. E-mail: admin@riash.ru

<http://www.riash.ru/>

© Журнал «Русский язык в школе и дома». 2018

ИЗ АРХИВА ЖУРНАЛА

Балакай А.Г.

О лингвистических воззрениях И.С. Тургенева

(Окончание)

...В открытом письме в редакцию газеты «Наш век» (1877, № 72), а также в ответном письме к самому Венгеру он публично повторяет сказанное: «Я никогда ни одной строки в жизни не напечатал не на русском языке; в противном случае я был бы не художник – а – просто – дрянь. Как это возможно писать на чужом языке – когда и на своем-то, на родном, едва можешь сладить с образами, мыслями и т.д.!» (т. XI, № 3657). <...>

И.С. Тургенев настойчиво выступал в защиту чистоты русской речи. Его замечания касались самых разных сторон языка: орфографических ошибок, неумеренного употребления диалектных слов, злоупотребления галлицизмами и др. Приведем некоторые из высказываний писателя:

«Не могу не заметить, что Вы еще довольно слабы в орфографии; старайтесь обратить больше внимания на этот предмет» (т. VIII, № 2326). Ср. в письме к дочери; «...делать орфографические ошибки – это нечистоплотность; то же самое, как если бы ты сморкалась пальцами» (т. III, № 613). <...>

В ответ на письмо А.А. Фета, сообщавшего о том, что Л. Толстой изучает греческий язык, чтобы иметь возможность читать античных авторов в подлинниках, И.С. Тургенев пишет: «Я очень рад, что Толстому лучше и что он греческий язык так одолел – это делает ему великую честь и принесет ему великую пользу. Но зачем он толкует о необходимости создать какой-то особый русский язык? Создать язык!! – создать море. Оно разлилось кругом безбрежными и бездонными волнами; наше – писательское – дело направить часть этих волн в наше русло, на нашу мельницу» (т. IX, № 2723).

И.С. Тургенев вошел в историю русского литературного языка не только как великий мастер, чьи творения подняли технику русского художественного языка «до уровня блестяще обработанного языка французской, немецкой и английской литературы его времени»³. Всю свою долгую творческую жизнь писатель выступал как неизменный защитник чистоты русского языка, требовавший бережного к нему отношения. И сегодня... остается полным глубокого смысла завет великого мастера: «...Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса»⁴.

(Русский язык в школе. – 1978. – № 6. – С. 82–84).

³ Малаховский В.А. Тургенев-лингвист, с. 10.

⁴ Тургенев И.С. По поводу «Отцов и детей».

Памятные даты 2019 года

- Г.Н. Акимова (1929–2013) – 90 лет со дня рождения
М.Т. Баранов (1924–1999) – 95 лет со дня рождения
Е.А. Баринова (1909–1985) – 110 лет со дня рождения
С.Г. Бархударов (1894–1983) – 125 лет со дня рождения
К.В. Бругман (1849–1919) – 170 лет со дня рождения
П.С. Биллярский (1819–1867) – 200 лет со дня рождения
М.Г. Булахов (1919–2012) – 100 лет со дня рождения
С.К. Булич (1859–1921) – 160 лет со дня рождения
К.И. Былинский (1894–1960) – 125 лет со дня рождения
И.А. Василенко (1899–1970) – 120 лет со дня рождения
А.И. Ефимов (1909–1966) – 110 лет со дня рождения
А.П. Евгеньева (1899–1985) – 120 лет со дня рождения
Л. Ельмслев (1899–1965) – 120 лет со дня рождения
Вяч.Вс. Иванов (1929–2017) – 90 лет со дня рождения
А.Н. Кожин (1919–2012) – 100 лет со дня рождения
Н.А. Кондрашов (1919–1995) – 100 лет со дня рождения
С.А. Копорский (1899–1967) – 120 лет со дня рождения
П.С. Кузнецов (1899–1968) – 120 лет со дня рождения
Л.Ю. Максимов (1924–1994) – 95 лет со дня рождения
А.И. Моисеев (1919–2003) – 100 лет со дня рождения
А.И. Попов (1899–1973) – 120 лет со дня рождения
Л.А. Тростенцова (1929–2016) – 90 лет со дня рождения
Ю.Н. Тынянов (1894–1943) – 125 лет со дня рождения
И.А. Фигуровский (1899–1982) – 120 лет со дня рождения
В.П. Шереметевский (1834–1895) – 185 лет со дня рождения
Л.Г. Якоб (1759–1827) – 260 лет со дня рождения